В. Я. Ельмеев

ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

«МЫСЛЬ»

В.Я. Ельмеев

ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Москва «Мысль» 1988

ББК 66.017.88
Е 56

РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
д-р филос. наук *А. М. Ковалев,*
д-р экон. наук *А. А. Сергеев*

От издательства

Читателю предлагается книга, посвященная важнейшей проблеме общественно-политической мысли. Исходя из требования XXVII съезда КПСС следовать в теории и практике принципу «Все во имя человека, все для блага человека», творчески осмысливая теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма, опираясь на достижения различных отраслей науки, отечественный и зарубежный опыт строительства социализма, автор — философ, экономист, социолог — предлагает концепцию, которая способствует преодолению разобщенности современного научного знания и представляется достаточно плодотворной для разработки теории движения общества по пути к коммунистическому устройству.

Не все в данной работе бесспорно, не все стороны концепции одинаково и полно обосновываются, но, рекомендуя ее и работникам сферы управления, и специалистам-обществоведам, и самым широким кругам читателей, издательство полагает, что она вызовет несомненный интерес, никого не оставит равнодушным и, что еще важнее, даст новый импульс научной мысли в поисках оптимальных путей дальнейшего развития социалистического общества.

Е $\frac{0302030000-138}{004(01)-88}$ 5-88

ISBN 5-244-00010-1

ВВЕДЕНИЕ

Объяснить, как формируются и воспроизводятся те или иные общественные отношения, а также общество в целом,— одна из центральных задач общественной науки. Ее решение применительно к социалистическому обществу связано не только с дальнейшим развитием исторического материализма на базе новой общественной формации, но и с разработкой центральных проблем теории социализма на современном этапе его развития. Раскрыть пути и способы расширенного воспроизводства социалистических общественных отношений — значит по существу ответить на наиболее важный вопрос, решение которого Программа КПСС выдвигает в качестве стратегического курса партии — как ускорить социально-экономическое развитие страны, предполагающее качественное преобразование всех сторон жизни советского общества: коренное обновление его материально-технической базы на основе достижений научно-технической революции; совершенствование общественных отношений, и в первую очередь экономических; глубокие перемены в содержании и характере труда, материальных и духовных условиях жизни людей; активизацию всей системы политических, общественных и идеологических институтов [1]. Эти преобразования приведут социалистическое общество к качественно новому состоянию, которое будет достигнуто на основе развития его собственных основ.

Исходной предпосылкой и решающим фактором ускорения социально-экономического развития является человек. С человеком, с повышением роли человеческого фактора КПСС связывает выход на новые рубежи во всех областях: экономической, социальной, политической и духовной [2]. Выдвижение на первый план человека делает его изучение особенно актуальным. В данной работе рассматривается воспроизводство человека как основного богатства социалистического общества, его главной ценности.

Постановка вопроса. Исследование социалистическо-

го общества с точки зрения его производства и воспроизводства связано, по нашему глубокому убеждению, с разработкой методологических принципов логики построения исторического материализма и с новым этапом его дальнейшего развития, т. е. с необходимостью создания его концептуальной системы на основе глубокого обобщения практики реального социализма. В последнее время советскими учеными предложены различные теоретические схемы как для анализа общей структуры исторического материализма, так и для изучения более или менее частных его вопросов. По нашему мнению, воспроизводственный подход к обществу может быть использован для решения многих проблемных вопросов. При таком подходе материалистическое понимание истории предстает учением, объясняющим генезис общественных процессов, раскрывающим способы создания новых общественных форм, показывающим, как возводится общественное здание, из какого «материала» и какими методами строятся его отдельные этажи.

В свое время имели место утверждения, что исторический материализм якобы выявляет лишь функциональные зависимости между общественным бытием и общественным сознанием, базисом и надстройкой, но не объясняет возникновение одного из другого, процесс создания общественного. Он, являясь общей социологической теорией, позволяет вскрыть лишь необходимую функциональную связь между экономической сферой жизни людей и их идеологической, культурной деятельностью. У К. Маркса вроде бы нигде не шла речь о том, что экономические отношения причинно обусловливают идеологические явления, что последние есть продукт экономики. Согласно этой интерпретации материализма, общественное бытие только функционально определяет идеологические явления, но не порождает, не производит, не создает их. Материализм же, если его применить к социальной области, начинается только там, где ставится вопрос о сотворении духовного из материальных элементов[3]. Современные представители этой точки зрения пытаются сблизить техницизм и технократические концепции с историческим материализмом, функциональную зависимость технического и социального (техническим изменениям соответствуют социальные) они выдают за научное толкование общественного развития.

Некоторые советские философы пытаются отделить

общественное бытие от его материальности и наделить его исключительно функциональными свойствами, лишенными субстратного, предметного содержания. В частности, социальное бытие в отличие от бытия природных вещей они трактуют как нечто зависимое лишь от практики, но не имеющее объективно существующего (т. е. вне человеческого опыта) содержания. Другие авторы объективность общественного бытия сводят к наличию в нем объективно функционирующих закономерностей. В этом случае социальная предметность общественного бытия заменяется объективностью, его первичность определяется только в зависимости от функционального назначения категории «объективное»[4].

В этой связи весьма существенным является вопрос о том, как понимать процесс созидания общественных форм и какое место ему отвести в системе исторического материализма. Здесь возникли серьезные проблемные ситуации и противоречия, не получившие разрешения в современных исследованиях. Отдельные авторы полагают, что при разработке материалистического понимания истории и в его изложении в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии» К. Маркс не характеризовал историю как *продукт деятельности людей* — сознательных существ. Он будто бы раскрывал логику мировой истории, смену способов производства не посредством обращения к человеческой деятельности, труду, а при помощи диалектики производительных сил и производственных отношений. Пользуясь этими категориями, К. Маркс якобы отвлекался от особенного и индивидуального в истории, характеризовал лишь общие, безличные структуры, в которых эта деятельность осуществляется, т. е. он показал их диалектику с точки зрения лишь функционирования естественноисторического процесса[5]. Отсюда делается заключение о необходимости дополнения подхода к истории как к естественноисторическому процессу ее пониманием как деятельности и продукта деятельности.

В зарубежной философской литературе, например, югославским философом Г. Петровичем утверждалось, что в историческом материализме все «вертится» вокруг общества, условий материальной жизни, производительных сил и производственных отношений, общественной необходимости, а что касается человека, человеческой деятельности, то о них нет ни слова[6]. В последнее время эта проблема обсуждается в связи с работой

Д. Лукача «Онтология общественного бытия», который в первых книгах сводил исторический материализм и марксизм в целом к теории практики, а в указанной книге вновь признал существование социальной материи. В итоге в его концепции онтология общественного бытия оказалась разделенной на онтологию социальной материи, где господствует необходимость, и на онтологию деятельности, практики, где преимущество за свободным выбором решений и альтернатив. В последней онтологии, по свидетельству И. С. Нарского, исчезает (или повисает в воздухе) материально-предметная основа сущности труда, деятельности. В свою очередь объективные закономерности общественного бытия, хотя и связываются с индивидуальными актами действий людей, все же наделяются некоей независимой от них силой, проявляются как бы вопреки воле всех участников исторического процесса. Сам же механизм формирования объективных законов истории у Лукача уходит в тень, их связь с деятельностью, практикой «постулируется на уровне их взаимодополнительности, а не подлинно диалектического синтеза»[7]. Этим он дает повод философам-марксологам утверждать, что К. Маркс был сторонником двух онтологий — детерминистской «онтологии» общественного бытия и творческой, свободной «онтологии» практики, разделяющих исторический материализм на материализм «материи», естественно-исторического процесса и материализм сознательной деятельности, человеческой практики.

Важным в этой связи является преодоление концепции «праксиса», сторонники которой пытаются объяснить историю с помощью теории человеческой деятельности, без обращения к социальной субстанции, материальной основе общества. Они претендуют на разработку вопросов «творения» и «созидания» различных форм и институтов человеческой жизни, производства самого человека, преобразования окружающей естественной среды. Созидание человеком самого себя и окружающих обстоятельств они противопоставляют социальной необходимости, которая, по их мнению, не может функционировать за пределами субъективной человеческой деятельности, а является инобытием практики как свободной деятельности, ее объективизацией.

Некоторые сторонники теории «праксиса» хотят сблизить ее с марксизмом, представить как интерпретацию работ К. Маркса (особенно ранних), как ключ к «аутен-

тичному» пониманию марксизма, построению научной системы исторического материализма[8]. Другие полагают, что если история есть продукт человеческой деятельности, то методологическим ключом и исходной точкой ее теоретического анализа должна быть теория деятельности. Категория деятельности вроде бы позволяет представить практику и складывающиеся в ходе ее развития материальные отношения в качестве фундамента социально-исторического исследования и во главу угла поставить творчество людей[9].

С такой позицией, однако, не согласна значительная часть советских философов: они вполне обоснованно отвергают «двоякое» или «троякое» понимание истории, поскольку оно возникает из вольного или невольного противопоставления ее как естественноисторического процесса и как процесса деятельности людей и осуществления гуманистических идеалов. Они предостерегают от расплывчатой трактовки деятельности и от абсолютизации методологического значения категории «деятельность» в системе историко-материалистических категорий[10].

Таким образом, проблема налицо. Она не может быть решена простым совмещением указанных противоположных подходов — деятельностного и субстанционального — к пониманию общества как дополняющих друг друга, хотя в чем-то эти крайности могут оказаться тождественными («крайности сходятся»). Очевидно, что за методологическими способами и инструментами ее решения надобно обращаться к трудам классиков марксизма-ленинизма — создателей исторического материализма, в частности к «Капиталу» К. Маркса.

Советскими философами немало сделано по разработке диалектической логики на основе логики «Капитала». Что же касается исследования проблем исторического материализма в «Капитале», то у нас пока нет серьезных работ в этой области. Они особенно нужны сейчас, когда стала остро осознаваться необходимость в создании концептуальных трудов по историческому материализму. Развитие теории исторического материализма необходимо сверять с Марксом, особенно с материалистическим основанием «Капитала». Материалистическое понимание истории, открытое К. Марксом и Ф. Энгельсом в 40-х годах XIX в., со времени появления «Капитала», по словам В. И. Ленина, из гипотезы превратилось в «научно доказанное положение»[11]. К. Маркс

не написал специальной книги по историческому материализму, подобно тому как не написал «Логики», но оставил логику «Капитала», оставил исторический материализм в виде методологии, реализованной в его главном труде. В письме к Карло Кафьеро К. Маркс поддержал желание последнего в подходящий момент вернуться к «Капиталу», с тем «чтобы в большей мере подчеркнуть материалистическую основу «Капитала»»[12].

Иногда полагают, что для материалистического понимания процесса создания общественных форм достаточно обратиться к теории деятельности. При этом утверждают, что К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули принципиальное положение о том, что история есть деятельность преследующих свои цели людей. В подобных случаях чаще всего используют лишь первоначальный вариант формулировки основной структуры исторического материализма, которая дана в ранних произведениях Маркса и Энгельса. Известно, например, что их первая попытка объяснить историю материалистически была связана с поиском причин, обусловливающих данное состояние общества, его социальный, политический строй и идеологическую надстройку. К. Маркс указал на экономику как на основную причину, определяющую социальную жизнь общества, изменения в его надстройке.

Однако нельзя забывать, что это основополагающее положение в первое время было гипотезой, требующей доказательств. Краткое изложение структуры исторического материализма в «Предисловии» к «Критике политической экономии» явилось результатом работы К. Маркса в «Рейнской газете», а также в парижский и брюссельский периоды его жизни, т. е. до работы над «Капиталом». К. Маркс считал, что сформулированные в «Предисловии» основные положения материалистического понимания истории требуют доказательства и реализации в соответствующих исследованиях. Одной из причин того, что в работу «К критике политической экономии» не были включены эти общие выводы, явилось, по словам Маркса, его решение о том, что всякое «предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему»[13].

Очевидно, что после того, как материалистическое понимание истории было «испытано» анализом капиталистического способа производства и посредством ис-

пользования материалистического метода были обнаружены законы развития этого общества, гипотеза стала теорией. Она не могла не отличаться от первоначальной характеристики. Поэтому принципы построения теории исторического материализма должны выводиться прежде всего из «Капитала», где они существенно отличаются от первоначально выдвинутого порядка.

В «Капитале» при разработке теории развития капиталистического общества Маркс идет не от анализа надстройки к ее экономическому основанию и не от производственной (материально-технической) базы к производственным отношениям, а следует за логикой развития самих социально-экономических форм, совпадающей в общем и целом с их исторической эволюцией. В «Капитале» объяснение отличается от движения мысли по схеме «от следствий к причинам». Следствия, например общественные отношения, К. Маркс объясняет, рассматривая их предпосылки в плоскости тех же общественных форм. Что же касается материально-технической базы, то ее рассмотрение подчинено логике развития капиталистического производственного отношения, т. е. анализу производства прибавочной стоимости.

Главным, существенным для материалистического понимания истории, процесса «творения» общества является представленная в «Капитале» трактовка общественного производства, об определяющей роли которого постоянно должен помнить исследователь при анализе общества. В экономических работах К. Маркс не раз предостерегал от понимания производства как производства лишь вещей, ибо этим мало что можно объяснить в развитии общества и нельзя выйти на материалистическое истолкование истории, хотя производство вещей (материальных благ) остается необходимой и определяющей предпосылкой, основой существования общества. В «Капитале» дается более глубокое понимание производства.

Этот фундаментальный для материалистического понимания истории вывод еще не извлечен из «Капитала», в том числе и теми авторами, которые претендуют на разработку соответствующих концептуальных схем материалистического понимания истории. По Марксу, не только материальные условия процесса производства выступают его результатом, но и их специфически общественный характер; производятся, являются постоянно возобновляющимся результатом этого процесса

общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, сами производственные отношения [14]. Последние являются более важным результатом процесса производства, чем его материальный результат.

Материалистическое понимание истории К. Маркс обосновал в «Капитале» не только тем, что, обращаясь к материальному производству как к решающему фактору развития общества, считал производство вещей (вещных условий) определяющим, но и тем, что рассмотрел производство как производство общественных отношений. Для К. Маркса производство есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса (людей), т. е. материальных условий их существования и взаимных их отношений.

Проблема, принявшая в современной литературе форму дилеммы между «социальной субстанцией» и «деятельностью», решается в теории производства как производства не только вещей, но и общественных отношений и человека. Именно такая теория позволяет ответить на вопрос: как создаются, творятся общественные формы, общество и человек? Его решение позволило К. Марксу доказать и обосновать материалистическое понимание истории, преодолеть фейербаховскую концепцию предметной, чувственной деятельности и гегелевскую онтологию абсолютной идеи. Современные концепции «праксиса» и «онтологии» естественноисторического процесса, особенно попытки эклектически дополнить их друг другом, свидетельствуют о «неспособности иных теоретиков, называющих себя марксистами, подняться до истинных масштабов теоретического мышления Маркса, Энгельса, Ленина», о «неумении применить в процессе конкретного изучения конкретных вопросов громадную интеллектуальную мощь их учения» [15]. Обращение к деятельности (например, для понимания производства общественных отношений) мало что дает, как и обращение к производству, сведенному к простому описанию элементов процесса труда по созданию вещей.

Могут сказать, что теорию производства и воспроизводства общественных отношений в ее современном

виде можно найти у экономистов. Однако это не так. В экономической литературе о воспроизводстве производственных (не говоря уже об общественных) отношений почти ничего не сказано, в ней не найти ни одной специальной статьи на эту тему. Экономисты обычно пишут о производстве и воспроизводстве общественного продукта, национального дохода, производительных сил. Вопросам воспроизводства общества и человека больше внимания уделяют философы: у них имеются довольно серьезные попытки преодолеть сведéние производства к производству вещей, продукта, выйти на объяснение производства самой непосредственной человеческой жизни, социальных отношений, образа жизни. Мы имеем в виду работы А. М. Ковалева, Ю. К. Плетникова, Н. С. Савкина, В. И. Толстых и др.

Постановка вопроса о воспроизводстве человека и общественных отношений своим основанием имеет не только потребности развития теории, но и нужды практики: необходим решительный поворот всей системы планирования и управления, центральных и местных хозяйственных и других организаций к проблемам социальной сферы, человека.

Несмотря на перестройку структуры народнохозяйственных планов, включение в них социального развития в качестве равноправного с экономическим развитием объекта планирования, социальные приоритеты в плановой деятельности реализуются недостаточно. В партийных документах и печати не раз отмечалось, что если в перспективных планах так или иначе ставятся задачи по расширенному воспроизводству общественных отношений, то в годовых планах остаются преимущественно вопросы материально-технического порядка, связанные с производством вещей. Долгое время не уделялось достаточного внимания социальной стороне производства и всей социальной сфере общества, что не могло не отразиться на уровне трудовой и общественной активности народных масс. Социальная сфера ресурсы на развитие получала, как правило, по остаточному принципу — после удовлетворения производственно-технических потребностей, что способствовало преобладанию технократических подходов в управлении и планировании.

В долгосрочных комплексных программах научно-технического прогресса социальное нередко фигурировало лишь в виде «последствий» научно-технического разви-

тия, что явно ослабляло социальную ориентацию этих программ. В государственных планах, особенно отраслевых и региональных, разделы социального развития отодвигались на одно из последних мест. Социальные цели в этом случае теряли назначение ориентира научно-технической и экономической деятельности. «В последние пятилетки,— говорилось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС,— социальная направленность экономики оказалась явно ослабленной, появилась своеобразная глухота к социальным вопросам... Успешно решив вопросы занятости населения, обеспечив социальные гарантии принципиального характера, мы в то же время не смогли полностью реализовать возможности социализма в улучшении жилищных условий, продовольственного снабжения, организации транспорта, медицинского обслуживания, образования, в решении ряда других насущных проблем»[16].

Осознание необходимости коренного преобразования сложившейся ситуации вынуждает искать социальные резервы ускорения развития советского общества. Реализация приоритета социальных целей экономического развития неразрывно связана с превращением самого человека в конечный результат социалистического воспроизводства. Для этого потребуется коренное изменение социально-экономического положения трудящегося человека на предприятии: его благосостояние и условия развития, соответствующие затраты на его воспроизводство как работника и личности должны рассматриваться не просто как издержки производства той или иной продукции, а наоборот, само производство и его продукт должны служить средствами лучшего удовлетворения потребностей развития работника.

Новый хозяйственный механизм, часть которого вводится Законом о государственном предприятии (объединении), предполагает создание ряда важных условий, способствующих развитию личности работника. Возрастает роль отдельного работника и коллектива как полноправных хозяев на предприятии. Коллектив на основе социалистического самоуправления и расширяющейся демократии самостоятельно решает все основные вопросы производственного и социального развития. Источником материального благосостояния работников становится хозрасчетный доход предприятия, в который входит не только необходимый, но и прибавочный продукт. Часть прибыли поступает в полное распоряже-

ние коллектива и используется в целях его социального развития. Предприятие, обеспечивая выпуск продукции в большем количестве, лучшего качества и с меньшими издержками, получает больший доход и тем самым преимущество в социальном развитии и оплате труда членов коллектива.

Законом предусматривается в качестве важнейшего направления деятельности предприятия проведение активной социальной политики как мощного средства повышения эффективности производства, подъема трудовой и общественно-политической активности работников, воспитания у них чувства коллективизма, утверждения социалистического образа жизни. Предприятию вменяется в обязанность проявлять заботу об улучшении условий труда и быта, удовлетворении интересов и нужд своих работников и их семей, создавать условия для активизации человеческого фактора, усиления творческого содержания труда, превращения его в первую жизненную потребность.

Решение многих практических задач, возникающих в связи с перестройкой и необходимостью ускорения социально-экономического развития, нуждается в глубоком научном обосновании. XXVII съезд КПСС призвал обществоведов по-новому взглянуть на порождаемые жизнью вопросы, разработать альтернативные варианты их решения, творчески обсудить их.

О методе исследования. Особенностью применяемого в данной работе способа исследования является постоянное обращение к политической экономии. Без этого, по нашему глубокому убеждению, нельзя в полной мере реализовать материалистический подход к познанию общества. Само возникновение исторического материализма во многом связано с использованием законов, принципов политической экономии при исследовании общества. К. Маркс считал политическую экономию ключом к анатомии гражданского общества[17]. Посредством политэкономического анализа капиталистического общества он сумел материалистическое понимание истории превратить в подлинно научную теорию и метод исследования общественных явлений.

Методологическая роль политической экономии в социальном анализе еще не полностью осознается. В ее применении к исследованию современного социалистического общества встречаются определенные трудности, например в вопросе о возможностях использования тру-

довой теории стоимости для объяснения развития коммунистического способа производства, поскольку в этом вопросе у экономистов нет ясности. Ее нельзя достигнуть, не обращаясь к философской методологии как к средству оценки методологических функций самой политической экономии, в частности трудовой теории стоимости. Например, диалектический метод не позволяет утверждать, что в будущем труд сохранится только как конкретный, а труд вообще, т. е. абстрактный труд, исчезнет. Если исчезнет одна из названных противоположностей, то не будет смысла говорить и о сохранении труда.

Труд никогда не потеряет значения субстанции экономического продукта, причем в качестве не только конкретного, но и абстрактного труда. Его определение как расходование человеческой силы, затрат человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д., т. е. как абстрактного труда, одинакового человеческого труда, является всеобщим. Точно так же «во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития» [18]. Поэтому и в ассоциации свободных людей, работающих общими средствами производства, распределение рабочего времени остается регулятором отношений различных трудовых функций к различным потребностям [19], а рабочее время всегда будет «созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек,* требующихся для его производства» [20]. На наш взгляд, все более очевидной становится необходимость разработки трудовой теории потребительной стоимости как методологической основы объяснения развития общекоммунистических начал социалистических производственных отношений.

Категория «материальное производство», взятая из политической экономии, применяется в историческом материализме, как правило, для обозначения простых моментов труда, или элементов производительных сил. Таким образом, речь идет о производстве вещей, а не отношений между людьми, между классами и социальными группами. Теоретическая экономическая наука в этом случае не выступает *политической, социальной* экономией, а рассматривает технологию производства материальных благ. Соответственно в историческом материализме с помощью категории «материальное про-

изводство» нередко описывают процесс деятельности, называя его «общественное производство вообще». Это существенно снижает значение данной категории для объяснения процесса созидания общественных отношений и для обоснования генетического подхода к их анализу.

Выработке такого подхода мешает трактовка производственных отношений как особых отношений, отличающихся по своей сути от общественных отношений. Между тем *«производственные отношения в своей совокупности образуют то, что* называют *общественными отношениями, обществом,* и притом образуют общество, находящееся на *определенной ступени исторического развития,* общество с своеобразным отличительным характером»[21]. Точно так же нельзя резко противопоставлять социологические законы, социальные отношения и экономические законы и отношения. В. И. Ленин в свое время выступал против идеи различения «социологических» и «экономических» категорий, пущенной в ход П. Струве и М. Туган-Барановским. Эта идея, писал он, «не обещает ничего, кроме бессодержательнейшей и схоластичнейшей игры в дефиниции, называемой кантианцами громким именем «критики понятий» или даже «гносеологии». Я решительно не понимаю, какой *смысл* может иметь такое различение?? как может быть экономическое вне социального??»[22].

Экономическое, как и политическое, безусловно относится, по мнению В. И. Ленина, к социальным категориям. Их социальность, образующая основу их единства, служила для него основанием для решительного выступления против проникновения в марксизм неокантианства, породившего идею отделения социологических законов от экономических. «Вообще я все решительнее становлюсь,— писал В. И. Ленин,— противником новейшей «критической струи» в марксизме и неокантианства (породившего, между прочим, идею отделения социологических законов от экономических)»[23].

Противопоставление экономического социальному ведет к умалению методологической, ключевой роли политической экономии в изучении гражданского общества, поскольку в этом случае она не допускается к исследованию социальной проблематики. В прошлом уже были попытки изъять социальные вопросы экономики из политической экономии и передать их особой дисциплине — социальной экономии. Под последней по-

нималось (например, немецким экономистом Э. Заксом) учение о народном хозяйстве в его применении к социальным вопросам. «Мы не станем разбирать,— заметил по этому поводу Ф. Энгельс,— путаное представление, будто «учение о народном хозяйстве», или политическая экономия, вообще занимается какими-либо другими вопросами, кроме «социальных»»[24].

Для К. Маркса классы и социальные группы, условия их экономического существования и развития органически включаются в предмет политической экономии, без их анализа нет самой политической экономии как науки. В предмет политической экономии капитализма, по К. Марксу, кроме всеобщих определений производства входят категории «капитал», «наемный труд», «земельная собственность», с помощью которых анализируется внутренняя структура буржуазного общества и его деление на основные классы[25]. Под этими «тремя рубриками,— писал он,— я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество...»[26]. Именно поэтому политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами[27]. Классы и общественные группы, их экономическое поведение и деятельность как предмет изучения входят в структуру марксистской политической экономии. Важно не исключать их и социальное вообще из политической экономии.

В. И. Ленин в свое время подверг суровой критике суждения Сисмонди и русских народников по этому вопросу. Имея в виду слова Сисмонди о том, что «политическая экономия — наука не простого расчета... а наука моральная... Она ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей», В. И. Ленин высказался в том духе, что научный анализ, оставаясь строго объективным «расчетом», как раз и дает твердую основу для понимания «чувств, потребностей и страстей» людей определенного класса. «Эти чувствительные фразы,— писал он,— в которых Сисмонди точно так же, как русские социологи субъективной школы в своих совершенно аналогичных восклицаниях, видит новые понятия о социальной науке, показывают на самом деле, в каком еще детски примитивном состоянии находилась критика буржуазии»[28].

Конечно, если политическая экономия заменяется «экономиксом», свободным от изучения политического

и социального строя производства, то буржуазная социология еще может претендовать на заполнение образовавшегося вакуума, т. е. взять социальную проблематику экономики в свои руки. В последнее время эта тенденция возрождается в западной социологии. Так, в сборнике «Американская социология» ставится вопрос о создании социологии экономики как новой дисциплины, отличной от экономической науки, трактуемой в духе «экономикса»[29]. Объектом изучения социологии экономики предлагается взаимодействие экономического и социального. В социологии экономики делается «упор на том, что социальные факторы во всем их многообразии оказывают влияние на экономическую деятельность, а та последняя влияет на них»[30].

Что касается предмета этой социологии, то таковым считается экономическое поведение как вид общего социального поведения: «Во многих отношениях экономисты и социологи задают разные вопросы об экономическом поведении. Экономисты интересуются тем, каким образом люди используют свои ограниченные ресурсы для производства, распределения и обмена товаров и услуг в целях потребления... Социологи в области экономики иногда тоже интересуются этими вопросами, но они сосредоточивают свое внимание главным образом на других сторонах экономического поведения. Они подходят к нему как к конкретному случаю общего социального поведения. Следовательно, они интересуются изучением экономического поведения как комплексов ролей и социальных организаций. Характеризуя эти роли и организации, они заостряют внимание на шаблонах власти, системах статусов, сетях коммуникаций и неформальных социальных группировках. Короче говоря, социологи интересуются объяснением вариаций в социальной структуре экономической деятельности и вариаций в поведении, связанном с этой социальной структурой»[31].

Рассматривать экономическое в контексте социального и политического — дело политической экономии. Она потому и называется политической, что изучаемая ею экономика не может быть понята вне социального и политического. Поскольку эту функцию берет на себя политическая экономия, то, казалось бы, ни к чему создавать особую экономическую социологию, в которой в качестве социологического метода изучения экономики предлагается концепция ролевого поведения как базо-

вая социологическая теория. Сам социальный механизм развития экономики понимается как устойчивая система экономического поведения, отношений отдельных групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения и потребления материальных благ и услуг, регулируемых исторически сложившимися социальными институтами, хозяйственным механизмом и текущей деятельностью органов управления экономикой. В экономической социологии экономическая сфера выглядит своего рода «театром», многочисленные «актеры» которого играют роли производителей продукции, организаторов производства, распределителей материальных ресурсов, плановиков, снабженцев, контролеров, работников сферы обслуживания и т. д. «Сцена», к аналогии с которой обычно обращаются сторонники теории ролей, как бы заменяет действительную экономическую жизнь.

В ролевой концепции за рамками социологического подхода к экономике остаются классы. Вместо них «сцену» заполняют разного рода первичные группы, выполняющие те или иные роли, функции. Считается, что в центре внимания экономической социологии должно находиться поведение конкретных общественно-экономических групп в сфере общественного производства. Группа и ее характеристики составляют как бы первый круг понятий, используемых экономической социологией. В качестве групп, поведение которых опосредствует связь экономического и социального развития общества, экономическая социология рассматривает, во-первых, коллективы формальных организаций (предприятий, учреждений) и их первичных подразделений; во-вторых, профессиональные, должностные, доходные, потребительские и, в-третьих, территориальные (поселенческие, региональные) группы. Однако среди этих групп мы не найдем классов и других социальных слоев общества.

Каждый вид групп характеризуется как общими (уровень доходов), так и специфическими, лишь ему свойственными признаками положения. Например, положение территориальных групп населения характеризуется природно-климатическими условиями соответствующих регионов, степенью освоения и заселения окружающей территории, типами и масштабами поселений (село, малый и крупный город). В отличие от этого положение должностных групп характеризуется объемом и соотношением прав и обязанностей, местом в организационной структуре управления; положение профессиональных

групп — характером, содержанием и условиями труда, уровнем его оплаты и проч.

Экономической социологии свойственна и особая трактовка центрального для общественной науки понятия общественных отношений. Если в политической экономии этим понятием обозначаются отношения собственности, распределения, складывающиеся между людьми в связи с их отношением к средствам производства и произведенному продукту, то в экономической социологии — конкретные взаимодействия конкретных общественных групп, которых насчитываются сотни. Они рассматриваются вне отношений собственности, обмена, распределения. Чтобы отделить экономическую социологию от политической экономии, которая вроде бы не изучает конкретные отношения и социальные процессы, последней в неявном виде навязывается точка зрения, согласно которой общественные отношения и социальные процессы существуют без субъекта, рассматриваются неконкретно. Поэтому ее дополняют анализом «поведения» как субъективной стороны деятельности.

Сказанное не означает, что не нужно изучать поведение, роли отдельных лиц или неформальных общественных групп. В ролевых функциях персонифицируются производственные отношения. Без обращения к производственным отношениям как сущности нельзя понять и объяснить поведение людей. Через производственные отношения социолог постигает деятельность, поведение, из которых и складываются общественные отношения людей. В этом заключается сущность социологического метода изучения поведения, который, разумеется, не исключает других, например психологических, методов его исследования.

Понять экономику в ее социальном аспекте, как мы полагаем, невозможно без применения метода научной социологии — материалистического метода. Именно этот метод не позволяет обходить классы и классовые отношения. Учение о классах и классовой борьбе, по утверждению В. И. Ленина, не только довершает общее стремление социологии сводить индивидуальное к социальному, частное к общему, но и «впервые проводит это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки. Достигнуто было это материалистическим определением понятия «группы»» [32].

Это понятие без классового содержания остается не-

определенным и произвольным. Критерием различения «групп» можно брать что угодно: место работы, профессиональные характеристики, политические и юридические признаки, район проживания и т. п. В этом случае и групп окажется сколько угодно. Американские социологи, например, считают, что на земном шаре ныне существует 4—5 млрд малых групп [33]. Некоторые наши социологи насчитывают в стране сотни социальных групп. Но это мало что дает для научного понимания общества.

Если исходить из результата деятельности конкретных, живых личностей, взаимодействия тысяч или миллиардов групп, т. е. принимать во внимание созданные ими действительные, реальные общественные отношения, то появляется возможность подведения всего многообразия индивидуальностей и всякого рода групп под общие критерии и законы, с чем связана действительно научная социология. Учение о классах потому и составляет громадное завоевание общественной науки, что устанавливает приемы сведения индивидуального к социальному на основе указания места тех или иных социальных групп в системе производственных отношений, их различения по условиям производства и соответствующей жизненной обстановки, которой определяются их различные интересы [34].

Материалистический метод в социологии, следовательно, не может не опираться на политическую экономию при изучении социальных проблем экономики. Все, что обычно предлагается в качестве предмета экономической социологии, должно изучаться политической экономией, причем последняя может это сделать на неизмеримо более высоком научном уровне, чем «экономическая социология», или социология экономики. Это относится и к исследованию интересов, потребностей, мотивов людей и социальных групп в сфере экономической жизни. Их анализ не нуждается в специальном субъективном методе исследования.

Если придерживаться метода экономической социологии, т. е. концепции поведения, ролей, то на первый план выходят субъективные факторы: интересы, потребности людей, желательные или нежелательные акции как отдельных лиц, так и органов управления. При этом ошибочная, нежелательная деятельность преподносится как такое поведение, которое не подчиняется объективным законам и зависит от субъективных причин. Не

случайно поэтому целые периоды или участки общественной деятельности выводятся из-под действия объективных законов, а причины недостатков усматриваются главным образом в субъективных факторах.

В настоящее время вполне обоснованно подчеркивается растущая значимость человеческого фактора в ускорении социально-экономического развития советского общества. Но этот тезис можно истолковать в субъективистском духе — как возвышение человеческого фактора, живой деятельности людей над объективными законами общества. Иногда дело представляется так, что общество состоит якобы из двух начал — объективного и субъективного, что второе (человеческая деятельность, практика людей) начинает преобладать над первым (производственные отношения) и роль второго становится тем выше, чем развитее общество. Практика в этом случае ставится рядом с так называемой внешней по отношению к человеческой деятельности средой — производственными, социальными отношениями, но освобождается от подчинения законам развития и функционирования последних. Люди могут вмешиваться в ход объективных общественно-экономических процессов, так или иначе влиять на их законы.

Одним из недостатков теоретической мысли, о которых говорилось на январском (1987 г.) и июньском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС, как раз и явилось игнорирование противоречий самой жизни. Склонность видеть главные причины упущений прежде всего в неумении правильно оценить те или иные явления, обусловленная опять-таки субъективными факторами, ведет к субъективизму. В этой связи уместно обратиться к суждениям социолога-субъективиста Н. К. Михайловского, считавшего, что социолог, признав нечто желательным или нежелательным, должен найти условия осуществления желательного или устранения нежелательного. Мало того, отмечал В. И. Ленин, в данном случае не допускается даже мысли об объективном характере процесса развития. Поэтому ничего другого не остается, как говорить только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случавшихся в истории вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять то, что требуется, не смогли найти условий осуществления разумных порядков. «Ясное дело,— писал он,— что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономи-

ческих формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии»[35].

Преодолеть субъективизм при обосновании растущей роли живого творчества масс можно лишь в том случае, если для этого используется метод научной социологии — материалистическое понимание общества, объясняющее его развитие объективными причинами. Не бывает так, чтобы какая-нибудь деятельность, даже если она была ошибочной или нежелательной, не подчинялась законам собственных общественных действий людей. Не бывает периодов или «участков» общественной жизни, не обусловленных действием объективных законов ее функционирования и развития.

Из конкретных приемов исследования особое внимание в работе уделено диалектике взаимодействия предпосылок и результатов, наиболее адекватно отражающей воспроизводственный подход к изучению общества. «Всякая предпосылка общественного процесса производства,— отмечал К. Маркс,— есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка. Поэтому все те *производственные отношения*, в которых движется процесс производства, суть в одинаковой мере и его продукты, и его условия»[36]. Этот принцип К. Маркс непосредственно связывал с анализом процесса воспроизводства: в нем то, что первоначально служит исходным пунктом, впоследствии благодаря непрерывности процесса воспроизводства создается снова и увековечивается как собственный общественный результат производства[37].

В познавательном аспекте указанная связь предпосылок и результатов приобретает форму взаимозависимости исходного начала (пункта) изучения того или иного социального явления и того результата, к которому приводит логика его познания *. Именно потому, что производство реально выступает каждый раз как воспроизводство, можно применить указанный познавательный принцип к его анализу: в той мере, в какой общественное развитие осуществляется как процесс воспроизводства, оно может быть понято и как процесс перехода от предпосылок к результатам, и наоборот.

Этот принцип может быть широко использован и в

---

* Зная результат развития, можно судить и о его начале, ибо «результат содержит в себе свое начало» (*Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 3. М., 1972. С. 306—307).

исследовании общества в целом. В этом плане большое методологическое значение имеет суждение К. Маркса о том, что бытие людей, будучи результатом предшествующего процесса эволюции органической жизни, в своем развитии имеет в качестве предпосылки и результата самого человека: «...раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат»[38].

Используя данное положение К. Маркса в качестве общей концептуальной схемы воспроизводства общества, мы исходим из того, что оно наиболее полно реализуется в процессе воспроизводства социалистического общества, поскольку в нем человек прямо и непосредственно начинает выступать как его действительная предпосылка и результат *. С этих позиций в работе дается общая схема воспроизводства социалистического общества.

Чтобы построить эту схему, нужно было определить общие условия ее создания. Для этого прежде всего были использованы диалектико-логические принципы построения теории, разработанные классиками марксизма-ленинизма (например, К. Марксом в «Капитале»). Были учтены и работы советских философов, посвященные принципам построения научной теории (Ж. М. Абдильдина, Э. В. Ильенкова, Г. И. Рузавина, И. К. Смирнова и др.), и экономистов, предложивших различные варианты исходного начала и основной категории экономической теории социализма **.

---

* Человек, непосредственный производитель, составляет предпосылку всякого производства, но не всякое производство имеет своим результатом развитие этого непосредственного производителя. В своей всеобщей форме таковым становится лишь непосредственный производитель коммунистической общественно-экономической формации.

** Нельзя согласиться с авторами, считающими невозможным в настоящее время решение проблемы исходного начала политической экономии социализма и полагающими, что «все возможные ответы при современном уровне исследования уже найдены» («Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма. М., 1967. С. 55). К сожалению, ученые-экономисты не всегда следят за достижениями философской науки, а некоторые вообще отрицают правомерность восхождения от абстрактного к конкретному при построении экономической теории и абсолютизируют эмпирическое начало в познании, утверждают, будто абстракции не имеют реального содержания и поэтому не могут служить началом построения теории.

Если коротко сформулировать принципы построения теории, составляющие ее логический остов, то можно указать на следующие основные звенья: первое — нахождение исходной «клеточки», элементарного бытия; второе — выявление субстанции и соответствующего ей всеобщего принципа теории; третье — определение сущности предмета и основного понятия теории. В дальнейшем движении мышления раскрываются формы проявления сущности в единстве с бытием и тем самым создается возможность целостного воспроизведения действительности, получения многосторонних ее определений[39].

Из логического инструментария построения теории воспроизводства общества особую роль играет закон отрицания отрицания, который устанавливает связь этапов развития той или иной системы, в том числе этапов логического развития теории. Во всяком случае наряду с известными принципами построения теории (движение от абстрактного к конкретному, от сущности к явлению и т. д.) полезно воспользоваться данным законом, особенно для нахождения исходной посылки по результатам развития системы. В частности, из этого закона следует, что предпосылка, подвергаясь отрицанию, неизбежно оказывается результатом отрицания этого отрицания, хотя и в иной, более развитой форме. Так, в схеме основных логических звеньев, исходя из требований закона отрицания отрицания, элементарное бытие отрицается своей противоположностью — субстанцией, а на уровне сущности и форм ее проявления исходная всеобщая абстрактная форма получает вид богатой конкретности, включающей и субстанцию в ее особенных определениях.

Таким образом, на основе диалектико-логических предпосылок построение стройной социально-экономической теории воспроизводства коммунистической формации вполне возможно. Эти предпосылки содержатся и достаточно разработаны в диалектическом и историческом материализме и могут быть реализованы в теории воспроизводства социалистического общества.

Признавая диалектическую логику основным орудием построения теории, нельзя, конечно, сбрасывать со счетов общенаучные или межнаучные методы познания. Вместе с тем они, в том числе современный системный подход, не могут претендовать на роль общей методологии. Теоретическое воспроизведение объекта как це-

лостной системы достигается не его разложением на элементы и соединением последних в некие структуры, а нахождением его субстанциональной, единой основы, а также его сущности и форм проявления последней. Структурализм, отрицающий необходимость субстанциональной основы как условия единства и целостности системы, оказывается непригодным и для построения названной теории. Дело, конечно, не в том, чтобы отказаться, например, от системного анализа как одного из научных методов. Взятый в общем виде, он безусловно отражает и фиксирует в достаточно абстрактном и формальном виде определенные отношения в системе, определенную связь ее элементов. И на практике удобнее говорить, например, не о «диалектической», а о «комплексной», системной застройке промышленного центра, при которой должное внимание уделяется строительству жилья, магазинов, детских и медицинских учреждений, домов культуры и т. д. Но системный подход оставляет в стороне ряд важных моментов, в частности субстанциональные отношения, процессы изменения в системе, ее внутренние противоречия и т. д. И это не его беда, а его специфика, ибо не может же специальный научный метод охватить все аспекты системы и ее анализа.

Трудности начинаются там, где системный анализ возводится в ранг метода, служащего базой диалектики. Существует мнение, что К. Маркс сделал свои величайшие открытия на основе системного анализа. Материалистическое понимание истории, учение об общественно-экономических формациях, базисе и надстройке, стоимости, двойственном характере труда, заключенного в товаре, составляют якобы наиболее яркие проявления системного подхода К. Маркса.

По-иному оценивал положение дел сам К. Маркс. Он ставил задачу путем критики довести политическую экономию «до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически...»[40]. По мнению же «системников», К. Маркс решил ряд труднейших проблем теории стоимости, товара, денег, морального износа техники, сумел выявить формационную (системную) специфику труда, собственности, капитала, законов народонаселения не при помощи материалистической диалектики, а опираясь на системные представления и принципы. При такой подмене диалектика предстает методом без «берегов», она якобы включает в себя и увязывает

в единое целое десятки научных методов. Но тогда она сама неизбежно оказывается суммой этих методов.

Не выводит из этой ситуации и более смягченный вариант: придание системному анализу значения грани, стороны диалектики[41]. Спрашивается, если системный подход объявляется одной из граней диалектико-материалистического мировоззрения, марксистско-ленинской теории и методологии или одним из моментов диалектико-материалистической методологии в целом, то почему другие методы не могут быть объявлены такими же гранями диалектики? Почему бы, например, статистику как метод не назвать количественным выражением диалектики, а метод кибернетического моделирования или аксиоматический метод — гранью, стороной или аспектом диалектики? Стоит только поставить такой вопрос, как сразу же обнаруживается методологическая несостоятельность претензий поднять системный подход на уровень «одной из граней» диалектики.

О том, что материалистическая диалектика рассматривает действительность не как случайное скопление явлений и процессов, а как нечто взаимосвязанное, системное, целое и единое и что она сама представляет систему законов и категорий, можно прочесть в любом учебнике по философии. Но это не значит, что можно понять явление как систему, а систему — единой и цельной посредством простого подведения под единое бытие элементов, составляющих систему. «От того,— высмеивал Ф. Энгельс Е. Дюринга, — что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими,— от этого у нее еще не вырастут молочные железы»[42].

Чтобы постичь систему в ее действительном единстве и целостности, надо углубиться от единства на уровне ее бытия к единству на уровне субстанции, сущности. Когда, например, капитализм сосуществует с мелким товарным производством, с феодальными отношениями, он еще не образует единой, целостной системы, хотя все названные уклады базируются на частной собственности, т. е. имеют одинаковое бытие в виде частной собственности. Для этого надо, чтобы собственно капиталистическое отношение (т. е. когда частная собственность сопровождается наемным трудом, а производство функционирует во имя получения большей прибыли) подчинило себе, как писал К. Маркс, все элементы общества или создало еще недостающие органы[43]. Причем в этом случае каждое экономическое отно-

шение предполагает существование другого, только в той же экономической форме и не просто рядом друг с другом и даже не в качестве одного лишь результата основной и господствующей формы, но и в качестве ее предпосылки. Земельная собственность в буржуазном обществе, например, не только капитализируется, но и предполагает в качестве своей предпосылки наемный труд.

Из сказанного следует, что в общем виде превращение социально-экономической системы в целостность есть определенная ступень в ее развитии. Целостной система становится тогда, когда она, во-первых, преодолевает разнородность социально-экономических форм и все они приобретают взаимополагающую друг в друге, одинаковую природу как в предпосылках, так и в результатах своего воспроизводства; во-вторых, все формы подчинены основному производственному отношению, составляющему сущность системы. Каждый элемент системы должен соответствовать определяющему принципу системы и участвовать в его реализации.

Данное обстоятельство потребовало рассмотрения системообразующих начал социалистического общества в их «чистом» виде, т. е. использования известного методологического приема, согласно которому движение общего должно быть рассмотрено раньше и независимо от его особенных форм*. Имеется в виду и анализ социалистического общества с точки зрения собственных основ его развития, без «примеси» оставшихся в нем предшествующих социально-экономических форм. Для этого имеются достаточные основания в самой действительности: в нашей стране все больше укрепляются, совершенствуются свойственные природе социализма коллективистские начала. Развитие социализма, все более полное раскрытие и использование его возможностей, укрепление присущих ему общекоммунистических начал и означают действительное движение общества к коммунизму.

В работе преимущественное внимание уделено анализу воспроизводства социалистического общества через его общекоммунистические начала, поскольку коммунистическая общественно-экономическая формация на всех этапах своего развития базируется на единых основах

---

* «Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 6).

и ускоряет свое развитие в той мере, в какой расширяются масштабы воспроизводства этих основ. Наличие единых основ в каждом из способов производства означает существование особой группы социально-экономических отношений и законов, которые образуют его сущность и которые играют решающую роль на всех без исключения стадиях его развития. Выявление и тщательное исследование такого рода отношений — фундаментальнейшая задача общественной науки [44].

От состояния общества, уровня его развития во многом зависит возможность его теоретического воспроизведения. Перефразируя мысль К. Маркса, можно сказать, что необходимо вполне развитое социалистическое производство, чтобы из самого опыта могло вырасти его научное понимание [45]. Современный уровень развития советского общества создает необходимые для разработки логики воспроизводства социализма предпосылки. Во-первых, элементарная «клеточка» выявляется четче и тем самым делает более очевидным исходное начало теории. Во-вторых, более определенным и основательным становится субстанциональное отношение социалистического общества, что позволяет глубже понять воспроизводство социализма со стороны его всеобщего принципа. В-третьих, рельефнее выступают особенности социализма, выявляющие его сущность и дающие возможность обосновать основное понятие его теории.

Обращение к объекту как заранее данному имеет тот смысл, что позволяет определить рамки, внутри которых ведется поиск. Например, К. Маркс, создавая социально-экономическую теорию капиталистического общества и обнаруживая его элементарную «клеточку», исходил из частной собственности как из заранее данного объекта анализа, т. е. вел поиск в рамках строя частной собственности. Именно господство капиталистического способа производства, частной собственности делает богатством мир товаров, а отдельный товар — элементарной формой этого богатства. Поскольку же частная собственность дана заранее (ее понятие витает постоянно в голове исследователя), она не могла быть взята ни исходным началом, ни основной категорией теории капиталистического способа производства: надо было найти это начало для познания самой капиталистической собственности, так как именно она являлась предметом исследования. Говоря о социализме, мы исходим из наличия общественной собственности и ищем ос-

новное понятие теории собственности. Общественная собственность дана первоначально как предмет исследования, искомыми выступают определения в рамках общественной собственности, т. е. исходное начало, субстанция и основное понятие строя, покоящегося на общественной собственности.

В книге исследование проблемы ведется в трех плоскостях, составляющих своеобразные срезы воспроизводства общества. Первую плоскость образует анализ бытия общества и общего субстанционального основания бытия. Исходной предпосылкой анализа и элементарной формой бытия общества берется человек, который одновременно рассматривается как результат движения общего основания бытия социалистического общества.

Рассмотрение человека в качестве «элементарного бытия» богатства общества и исходного пункта его анализа отвечает всем диалектико-логическим требованиям построения теории. Оно соответствует историческому развитию производства, ибо история последнего начинается как производство и воспроизводство человека. Целью многих общин, предшествовавших капитализму, было, по словам К. Маркса, «сохранение, т. е. *воспроизводство образующих общину индивидов...*»[46], что нашло отражение в воззрениях древних авторов. К. Маркс замечал, что у них «человек... выступает как цель производства»[47].

Но если человек выступает в качестве «элементарного бытия» богатства социалистического общества, то производство оказывается прежде всего производством потребительных стоимостей. Соответственно анализ последних ведет к обоснованию исходного всеобщего принципа теории социализма, поскольку производство потребительной стоимости является общим условием функционирования стоимости. Ее общие определения (через труд как затрату человеческой энергии, через общественную форму труда) сохраняют силу. Вместе с тем в новых условиях людей интересует не просто рабочее время, которым оценивается производство жизненных средств, т. е. не просто стоимость продукта, а величина рабочего времени, в течение которого обеспечивается большее удовлетворение наличных общественных потребностей. Рабочее время здесь приобретает новый смысл: оно поставлено в связь с производством человека посредством удовлетворения его потребностей и

попадает в зависимость от условий потребления, от потребительной стоимости. Общественные потребности в этом случае определяют долю общественного рабочего времени, которая необходима для производства тех или иных предметов.

В условиях социалистической экономики продукт непосредственного процесса производства в социально-экономическом отношении приобретает форму общественных потребительных стоимостей. Именно в этом качестве он служит удовлетворению потребностей людей, отвечает своему общественному назначению. Социалистическое общество по мере развития делает это обстоятельство настолько важным, что всю хозяйственную деятельность ориентирует на конечные народнохозяйственные результаты, прежде всего на лучшее удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Повышение эффективности производства и качества продукции опять-таки органически связывается с общественными потребностями, удовлетворение которых одновременно становится критерием планирования и способом совершенствования всего механизма управления, поскольку управленческая и плановая деятельность также направляются на конечные народнохозяйственные результаты. Все это свидетельствует о том, что не меновая, а потребительная стоимость интересует общество, решающее задачу все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей своих членов.

Вторую плоскость составляет анализ основного отношения социализма, что предполагает выяснение сущности социалистического производства. Здесь указания на удовлетворение потребностей уже недостаточно. И не только потому, что потребление предполагается любым производством. Если даже потребление выступает непосредственной целью производства, то последнее составляет лишь общую основу того экономического строя, в котором продукт производится не для продажи, а для удовлетворения потребностей. В отличие от общины, натурального хозяйства в коммунистической формации сущностью указанной субстанциональной основы производства (производства во имя удовлетворения потребностей) выступает всестороннее развитие человека. В социалистическом обществе указанная субстанция (производство во имя удовлетворения потребностей) начинает развиваться и создает условия для производства

богатой личности и общества без классов и социальных различий. Конечный смысл социалистического прогресса составляет превращение материальной формы богатства — совокупности потребительных стоимостей — в высшую форму, в развитого человека и развитое общество.

Реализация цели социалистического производства не сводится к тому, чтобы произведенный продукт был потреблен. Важно еще, чтобы он соответствовал разумным общественным и индивидуальным потребностям, удовлетворение которых приводило бы к развитию духовных и физических способностей человека, к формированию и совершенствованию социалистического образа жизни. Это одна из главных особенностей социализма, реализующаяся в его основных задачах: в дальнейшем подъеме благосостояния всех слоев и социальных групп населения, глубоких переменах в сфере труда и условиях жизни людей, усилении социальной направленности экономики, ее ориентации на создание лучших условий для гармоничного развития личности, упрочении социалистического образа жизни, все более полной реализации принципа социальной справедливости [48].

Исходя из определения сущности социалистического производства следует, на наш взгляд, искать и основную категорию теории социализма. Она отражает действие основного экономического и социального закона социалистического общества. Специфика производства, основанного на общественной собственности, может быть выведена только из его определения как воспроизводства все более развитых членов общества, людей, не знающих социального неравенства и социальных различий. Если отдельный человек составляет «элементарное бытие» богатства социализма, то материальной субстанцией этого богатства выступает совокупность потребительных стоимостей и воплощенный в них труд, а сущностью — производство многосторонне развитого человека и общества.

Рассмотрение данной сущности как в общей, так и в особенных формах образует, на наш взгляд, главное содержание теории воспроизводства социализма. При этом важно иметь в виду, что развитие человека (сущность) реализуется через производство и потребление общественного продукта в форме потребительных стоимостей. Это означает, что производство при социализ-

ме не просто создание продукта в форме потребительной стоимости. Когда речь идет о капиталистическом производстве, то не вызывает сомнения характеристика его сущности как производства капитала не в качестве предметного тела, а в качестве определенного общественного отношения. Еще более неправомерно сводить результат социалистического производства к обычной совокупности потребительных стоимостей, так как в социалистическом обществе воспроизводство социального, общественного отношения становится непосредственным смыслом производства.

В третьей плоскости исследования общество берется в единстве своего бытия и сущности, причем сначала в предпосылках своего воспроизводства, а затем в его результатах. Здесь главное внимание обращается на расширенное воспроизводство основного общественного отношения социализма, с которым связано ускорение социального и экономического развития общества. При анализе социалистического общества мы использовали и другие методологические приемы, в частности движение мышления от абстрактного к конкретному, от частного к общему.

Закономерности воспроизводства человека по-разному действуют на социалистическом этапе и в условиях высшей фазы коммунистического общества. При обсуждении конкретных вопросов в книге учитываются особенности того или иного периода. Следует иметь в виду, что проблема воспроизводства человека рассматривается главным образом в социальном аспекте и, следовательно, на фоне развития всей коммунистической общественно-экономической формации, в которой социализм выступает как форма становления сущности. Эта формация начинается с превращения частной собственности на средства производства в общественную собственность, но этим не завершается. Первые формы обобществления труда и производства еще не совпадают с действительным обобществлением, и не все, что существует на современном этапе развития социалистического общества, является его сущностью. Главной задачей научного подхода к анализу общества становится раскрытие движения его сущности.

Глава I

ЧЕЛОВЕК — ПРЕДПОСЫЛКА И ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Приступая к рассмотрению общих оснований производства и воспроизводства социалистического общества, на наш взгляд, необходимо сначала выделить их абстрактные определения. Предлагаемые исходные абстракции, логика их анализа определяются особенностями социалистического общества. Они составляют «то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях»[1].

В поисках предпосылок и основы воспроизводства общества необходимо прежде всего обратиться к материальному производству, к его общим определениям. Они в свое время предложены были К. Марксом и составили важную часть «Введения» к экономическим рукописям 1857—1859 годов, в частности к рукописи «Критика политической экономии»*. Это «Введение», однако, не могло служить введением к «Капиталу». В нем нет анализа собственной предпосылки капитала — товарного производства, а содержатся определения производства в его широком смысле, т. е. производства, с которого начинает человечество и общие черты которого присущи любой формации. Для анализа понятия капитала эти общие определения не были нужны: например, понятие капитала нельзя было вывести из труда, из производства как такового. Исходными для

* Во «Введении» общая характеристика материального производства содержится в следующих разделах: I. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение):

1. Производство.

2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению:

a) [Потребление и производство];

b) Распределение и производство;

c) Наконец, обмен и обращение. Обмен и производство (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 17—36).

понимания капитала явились определения товара, его меновой стоимости, вырастающей из обращения товаров. «Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине»[2].

Необходимость предпослать анализу капиталистического общества рассмотрение общих определений производства отпала и потому, что К. Маркс не хотел давать буржуазным теоретикам повод для отождествления капиталистического производства с производством вообще, для подведения под капиталистическое производство и общество некоей естественной основы и доказательства вечности капиталистического строя. «Определения,— отмечал К. Маркс,— имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа,— одни и те же, не были забыты существенные различия. В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармоничность существующих социальных отношений»[3].

Иное дело — социалистическое общество. Если капитализм свои предпосылки находит в товарном производстве и сам является его высшей, развитой формой, то для социализма такой предпосылкой выступает производство вообще. Социализм в этом отношении является прямым наследником общих основ производства докапиталистических формаций. Социалистические общественные отношения не могут не опираться на коллективный (кооперативный) общественный труд как на свою историческую и логическую основу и соответственно на трудовые отношения людей, для которых производство служит непосредственно удовлетворению собственных потребностей (община, кооперативные формы). Чем более производство подчинено этой цели, тем более оно развивает себя как историческую предпосылку социализма, хотя на определенном этапе и подвергается отрицанию капиталистическим производством. Отрицание же последнего в свою очередь вновь обнаруживает историческую обусловленность возникновения социалистического общества, восстанавливающего и дальше развивающего общие основы производства, служащего удовлетворению человеческих потребностей.

Мы намеренно выделяем вопрос об общем основании воспроизводства социалистического общества, ибо он еще не разработан в философской и экономической литературе: нет еще раздела, аналогичного первому отделу «Капитала», ни в политической экономии социализма, ни в теории научного коммунизма, ни в историческом материализме. Без него трудно построить научную систему воспроизводства социалистических общественных отношений.

В поисках этого основания приходится обращаться в первую очередь к уже упоминавшемуся «Введению» к «Критике политической экономии» К. Маркса, а также к многократным высказываниям К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о формах производства в прошлом и о социалистических и коммунистических формах общественного производства. Например, потребительная стоимость при капиталистическом товарном производстве выступает лишь носителем меновой стоимости, отдавая ей свои социальные качества, в то время как непосредственно общественное производство является «таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость» [4].

С общими определениями, используемыми в качестве исходных логических предпосылок, нужно обращаться достаточно осторожно. Из их сферы берут свое начало многие концепции, в том числе антинаучные и вульгаризаторские. Здесь особенно важно удержаться на научных позициях, соблюсти методологическую дисциплину и помнить, что элементарные абстракции отражают лишь поверхностный слой явления; за ним нужно обнаружить сущность, познание которой только и позволяет решить принципиальные вопросы.

1. ЧЕЛОВЕК — ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ФОРМА БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

В противоположность капиталистическому богатству, выступающему в виде товаров, богатство социалистического общества образуют люди, а отдельный человек выступает его элементарным бытием. Поэтому анализ воспроизводства социалистического общества мы начнем с человека.

В социальной науке, согласно К. Марксу, при рассмотрении движения категорий «...нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в

голове субъект... есть нечто данное и что категории выражают поэтому формы наличного бытия, определения существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта...»[5]. Наличное бытие общества представлено прежде всего самими людьми, а человек выражает наиболее очевидную, массовидную его форму. Взятое в целостности, оно выступает как население.

Можно сказать, что люди, образующие население, составляют общую основу и субъект человеческой истории, субъект общественного процесса производства, его реальную предпосылку. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»[6].

Индивиды, живые люди, выступающие первой предпосылкой человеческой истории, образуют население, но его нельзя принимать за исходный пункт анализа того или иного общества. Первоначально требуется выразить наличное бытие общества в чем-то частном, отдельном, которое одновременно должно представлять его как некую эмпирическую целостность. К. Маркс считал неправомерным начинать анализ общества или особой его формы с эмпирически данного целого, с населения, ибо оно не выводит исследователя за пределы общего, хаотического представления о целом. Для познания сущности требуется сначала отвлечься от целого, данного в представлении, и подойти к отдельным его сторонам и определениям, получаемым аналитически. Вместе с тем надо выбрать такую отдельную его сторону, которая представляла бы целое. С этой точки зрения анализ человека для определенных состояний общества оказывается началом, наиболее соответствующим целому, позволяющим затем вновь вернуться к реальному наличному бытию общества, но не как к хаотическому представлению, а как к конкретной богатой совокупности многочисленных определений и отношений[7].

Таким образом, реальная целостность наличного бытия не отбрасывается. Из нее эмпирическое познание исходит первоначально, она всегда рассматривается как заранее данная. «Мы теоретически,— отмечал

К. Маркс,— исходим из фактического положения вещей...»[8] В то же время необходимость первоначального знания наличного бытия и его принятия в качестве исходного в познании не снимает проблемы отыскания элементарной клетки этого бытия, выражающей лишь одну из его сторон и, следовательно, представляющей его абстрактно. Конечно, «представитель» наличного бытия общества вместе с последним уже является исходным. Но когда он выделяется в особую исходную форму, то имеется в виду не сохранение в нем свойства наличного бытия (быть исходным в познании), а нечто другое — из него надо исходить в поисках *сущности бытия,* которая не совпадает с бытием. Элементарная форма бытия как бы указывает путь перехода к сущности.

Именно понятие «человек», а не «население» обеспечивает движение мышления от абстрактного к конкретному, поскольку этот путь предполагает восхождение не от общего как от некоего целого к частному, а, наоборот, от частного к общему. Об этом довольно часто забывают, говоря о методе восхождения от абстрактного к конкретному. Его обычно представляют движением от общего к частному, от общих определений к их эмпирическим эталонам или индикаторам. Нелишним будет напомнить, что классическая реализация данного метода в «Капитале» совпадает с движением познания от частного к общему: «...читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему»[9].

Как элементарная форма общественного бытия, человек выступает не неким абстрактным, родовым существом: в нем всегда дана определенность того или иного конкретного общества, и сам он выступает как определенный общественный индивид, представитель того общества, в котором живет. В научном анализе исходным является не индивид вообще, а человек, принадлежащий данной общественно-экономической формации и представляющий совокупность существующих общественных отношений. «...В качестве исходного пункта следует принять определенный характер общественного человека, т. е. определенный характер общества, в котором он живет, так как здесь производство, стало быть его *процесс добывания жизненных средств*, уже имеет тот или иной общественный характер»[10].

К. Маркс в свое время не принял точку зрения

экономистов рождающегося капитализма, выдвинувших в качестве исходного пункта экономического анализа некоего естественного (и в этом смысле абстрактного) человека — Робинзона. Исходным пунктом, согласно К. Марксу, анализа капитализма не является свободный общественный индивид[11]. Но он не отрицал сам принцип рассмотрения социального индивида в роли представителя данной общественной формации и в значении первой категории ее логического анализа. Если, например, при исследовании производства как такового за исходное берется индивид, то это не значит, что данное производство не имеет одновременно качества производства определенного общества и, стало быть, своего исторического носителя. Следовательно, и в случае анализа общих черт всякого производства без человека как исходного пункта не обойтись. В этом духе высказывался, например, Ф. Энгельс: «Мы должны,— писал он,— исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом, как Штирн[ер], а чтобы от него подняться к «человеку»... мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из ничего, как Гегель»[12].

Понимание человека в качестве элементарной формы бытия общества связано с пониманием (правильным) самого общественного бытия, особенно с толкованием его предметности и материальности. Вопрос стоит так: может ли человек и люди как таковые представлять собой, своим существованием общественное бытие, его материальную сущность?

Нередко встречаются определения общественного бытия только как совокупности условий материальной жизни общества — средств производства, географической среды, вещных условий жизни. При этом люди в их социальных формах жизни исключаются из составляющих общественное бытие объективных форм. Наличное бытие общества представлено вроде бы не людьми с их материальной жизнью, а вещными факторами: машинами, зданиями, вещами, землей, т. е. материальной средой. Человек и его деятельность (практика) иногда настолько субъективируются, что оказываются за пределами объективных явлений и процессов общественной жизни. «В структуру объективного, по нашему мнению, следует включать: географическую среду, средства общественного производства, экономический базис, надстроечные над базисом социальные явления и институты,

а также материализованные продукты культуры»,— пишет, например, А. В. Кораблев*.

За этими объективными явлениями или рядом с ними располагают субъективные. К ним относится деятельность людей с ее компонентами. В итоге в обществе как бы образуются два ряда явлений и процессов: а) объективных, прежде всего средств производства и производственных отношений, подчиняющихся в своем развитии и функционировании объективным закономерностям; б) субъективных, состоящих из сознательной деятельности людей и регулируемых целеполаганием, интересами, потребностями.

По отношению к деятельности людей производственные отношения, их законы и общественное бытие выступают как нечто внешнее, как бы не зависящее от практики. Объективная общественная закономерность и человеческая деятельность оказываются существующими рядом, параллельно друг другу. Действие объективных законов связывается с так называемой внешней по отношению к человеку средой — производственными, социальными отношениями, а живые люди и их деятельность представляются факторами, воздействующими на объективные процессы, т. е. люди могут лишь вмешиваться в объективный ход исторических событий. Чем сильнее это вмешательство, тем вроде бы выше активность субъективного фактора. Деятельность индивидов, пишет, например, В. Г. Раскин, «есть способ активного вмешательства в объективные процессы»[13], но сама она не относится к последним.

Человеческая деятельность в этом случае выпадает из-под действия объективных законов общественного развития как естественноисторического процесса. Общество как естественноисторический процесс с его объективными законами развития противопоставляется обществу как совокупности живой человеческой деятельности. Производственные общественные отношения хотя

---

* *Кораблев А. В.* Соотношение объективного и субъективного в историческом процессе//Объективная закономерность и сознательная деятельность людей в развитом социалистическом обществе. Таллин, 1979. С. 21. То же самое утверждают и другие авторы. «Жизнь общества в целом есть единство двух взаимодополняющих начал: объективных, от воли и сознания субъекта не зависящих отношений и процессов и деятельности субъекта» (*Сагатовский В. Н., Сагатовская Л. Г.* Система факторов детерминации деятельности// Диалектика соотношения факторов детерминации деятельности. Красноярск, 1980. С. 6—7).

и признаются результатом деятельности людей (история делается людьми), но развиваются как бы независимо от их деятельности. Общественное бытие в форме производственных отношений лишается субъекта как своего субстанционального основания.

Критика таких представлений была дана в свое время В. И. Лениным. Их носителями в России были, в частности, народники, воспринявшие неокантианский тезис о том, что объективный ход исторических событий лежит по ту сторону действий живых личностей, наделенных сознанием, чувствами, имеющих цели. В. И. Ленин отмечал, что общественные отношения и исторические условия, ход вещей и поток событий слагаются именно из деятельности людей, а не составляют особого потока, движущегося помимо действий живых личностей. «История вся и состоит, — считал В. И. Ленин, — из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на «право вмешательства в ход событий» (слова г. Михайловского, цитированные у г. Струве, с. 8) — сводится к пустой тавтологии»[14]. В другом месте, имея в виду фразу Михайловского «люди всегда старались так или иначе повлиять на ход вещей», В. И. Ленин вновь подчеркивал, что ««ход вещей» и состоит в действиях и «влияниях» людей и ни в чем больше, так что это опять пустая фраза»[15].

В. И. Ленин не оставил без внимания и замечание Михайловского относительно возрастания роли деятельности личностей и силы их воздействия (с помощью чувств и разума) на ход вещей в современную эпоху по сравнению с периодом возникновения капитализма. «Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»?»[16]

Как видно из суждений В. И. Ленина, научный подход к истории предполагает признание того, что объективные законы, управляющие действиями и отношениями людей, являются законами их собственных действий[17], что речь идет о независимом существовании этих законов не от людей и их деятельности, а от их общественного сознания, воли и чувств. С этой точки

зрения неправомерно разделять объективные законы и сознательную деятельность людей (практику) и относить первые к миру объективному, а вторую — к миру субъективных явлений. Объективные законы общества и есть законы деятельности и отношений людей, обладающих сознанием, т. е. люди в своей практической деятельности и их сознание подчинены общественным законам. Не надо поэтому выносить объективные законы по ту сторону человеческой сознательной деятельности и человеческой практики вообще, считать, что практическая деятельность людей состоит из воздействий людей на объективные законы. Последние функционируют как законы самой практической деятельности людей, выражают то, к чему приводит эта деятельность, и тенденцию ее развития.

Общественное бытие, таким образом, не может быть сведено только к бытию вещей, как не может быть представлено и одними общественными (производственными) отношениями, без людей и их деятельности. К формам объективных процессов истории относится и целеполагающая деятельность человека, практика. Ее нельзя выносить за пределы объективного и представлять как особый мир субъективных явлений.

Понимание места человека в системе общественного бытия затрудняется и в тех случаях, когда общественное бытие трактуется лишь как нечто процессуальное: живая деятельность, реальные процессы жизни, т. е. как некое социальное движение. Здесь не принимается во внимание первенство субъекта деятельности и определение общественного бытия как ставшего, опредмеченного, субстратного социального образования. Общественное бытие предстает в первую очередь как бытие, образуемое самими людьми, субъектами. В той мере, в какой труд функционирует как живой труд, он может существовать лишь в качестве свойства живого субъекта (рабочего), в котором труд (живой) сначала существует в виде способности к труду, т. е. в форме субъективного бытия. Неопредмеченный, неовеществленный труд есть субъективное существование самого труда[18]. В таком состоянии труд еще не выражается как социальная субстанция. Субстанциональность бытия труда реализуется в материальных формах, в частности в форме овеществленного труда.

В отношении субъекта труда эта материальность выступает не в виде орудия или предмета труда и даже

не в форме жизненных средств рабочего, а в форме овеществленного в его рабочей силе общественного труда. Форма общественного бытия вещей соединяется с формой общественного бытия людей — речь идет лишь о двух формах единого социального процесса. В одной из них обнаруживается наличное бытие общества в виде овеществленного труда, но в потребительных стоимостях или стоимостях вещей, в другой — наличное бытие того же общества в форме субъекта самого труда, в котором последний тоже материализуется. Субстанцией общественного бытия является не человек, а тот же овеществленный труд, который одновременно составляет и субстанцию общественного бытия вещей. Разница между ними, безусловно, остается.

Хотя материализованный в человеке труд существует в иных формах, чем в производимых людьми продуктах, все же материализацию труда в человеке нельзя сбрасывать со счетов: телесной организацией человека обусловливается его практическое отношение к природе, рабочая сила функционирует как сила и вещество природы, преобразованные в человеческий организм [19]. Более того, сам человек, взятый как наличное бытие рабочей силы, «есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы» [20]. Но рабочая сила приобретает значение общественного предмета и продукта, например, «как только она становится товаром, ее стоимость измеряется трудом, воплощенным в ней как в общественном продукте; эта стоимость равна труду, общественно необходимому для ее производства и воспроизводства» [21].

Труд, деятельность, стало быть, без воплощения в определенных предметных формах не становится способом бытия общества, поскольку последнему присуща субстанциональность. Труд должен переходить из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности, т. е. должен овеществляться в продукте [22]. Формообразующая деятельность, с одной стороны, уничтожает предмет и саму себя тем, что формирует предмет и материализует себя. Следовательно, она уничтожает себя в своей субъективной форме в качестве деятельности и тем самым уничтожает предметное в предмете (снимает безразличие вещи по отношению к человеку) [23]. С другой — формообразующая деятельность предполагает в качестве своей предпосылки человека,

так как наличным бытием самого труда выступает прежде всего человек *.

Бытие труда, деятельности выявляется не только в общественных свойствах произведенных вещей, в вовлекаемых в общественную жизнь предметах, но и в самих людях. Так, в качестве овеществленной рабочей силы человек представляет собой бытие труда, в человеке как носителе труда реализуется потребительная стоимость его же рабочей силы как способности к труду, как субъективности в труде. Человек выступает наличным бытием своей рабочей силы, в нем овеществляется труд, причем это овеществление составляет не менее важную форму социального бытия труда, чем его овеществление в потребительной стоимости или стоимости вещи, которые образуют общественное бытие вещного мира.

Признание человека в качестве формы бытия общества позволяет решить вопрос о том, предметным или непредметным должно быть начало анализа общества. Когда настаивают на вещном начале, обычно не принимают во внимание предметность бытия самого человека, что вынуждает переводить проблему в плоскость вещных форм выражения общественных отношений людей, т. е. рассматривать ее с позиции лишь одной исторической реальности — товарного производства. Такое понимание нередко выдается за общее требование материалистического подхода к обществу, выдвижение человека на место вещного начала трактуется как отступление от материализма.

Приняв человека за начало исследования бытия, необходимо продолжить анализ общественного бытия, воплощающегося в «неорганическом теле» человека — в средствах производства и жизни. Формой субстанции социального бытия последних делают, конечно, не природ-

---

* Начало как простейшая форма тем самым получает необходимое свойство — предметность. На это обстоятельство указывал К. Маркс: «...я исхожу не из «понятий», стало быть также не из «понятия стоимости», и потому не имею никакой нужды в «разделении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — *«товар»*. Я анализирую последний, и притом сначала в той *форме, в которой он проявляется*. Здесь я нахожу, что, с одной стороны, товар в своей натуральной форме есть *предмет потребления*, или *потребительная стоимость*, а с другой стороны, *носитель меновой стоимости...»* (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 383—384).

ные свойства, а овеществленный в них человеческий труд. В вещах имеется не только то, что заключено в них от природы, но и то, что им дано общественной формой, воплощенным в них трудом.

Общественное бытие в форме бытия как людей, так и вещей имеет одну социальную материальную субстанцию — овеществленный человеческий труд. Бытие живого труда в виде его субъекта или в форме продукта составляют формы наличного бытия всеобщего человеческого труда. Стало быть, последний выступает единой социальной субстанцией. Исторический материализм не признает дуализма субстанции, т. е. разделения социального мира на мир человека с его практической деятельностью и естественноисторический процесс, называемый социальным объектом, или объективной стороной общества. Нет, следовательно, и двух «онтологий» общественного бытия: онтологии практики и онтологии объективной социальной субстанции, или онтологии социального субъекта и онтологии социального объекта. Социальный мир един.

Признание человека в качестве исходной формы наличного бытия общества также не предполагает, что исторический материализм исходит из наличия двух субстанций — материальной и духовной, что признание неделимости субстанции исключает гносеологическое противопоставление материи духу, материализма — идеализму. Это противопоставление не может быть заменено мнимым дуализмом сущности общества, его разделением как такового на субъект и объект, которые якобы сливаются в деятельности, становятся неотторжимыми друг от друга, в результате чего снимается проблема независимости социальной материи от духа.

Роль человека как исходного начала четко обнаруживается в материальном производстве. При рассмотрении предпосылок производства, кроме как из индивидов, исходить не из чего. Об этом вполне определенно высказался К. Маркс во «Введении»: «Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидов,— таков, естественно, исходный пункт»[24].

Труд не может выступать предпосылкой производства, т. е. собственной предпосылкой. Производит посредством труда человек, а не труд посредством человека. В общественном производстве, как и во всяком историческом процессе, в качестве субъектов выступают только

индивиды в отношениях друг к другу. Человек является основой осуществляемого им производства; его деятельность, его трудовые функции в той или иной степени модифицируются под воздействием на него как на субъекта производства разных обстоятельств [25].

И с этой точки зрения труд, человеческую живую деятельность нельзя делать первичной по отношению к субъекту, т. е. делать деятельность исходным пунктом анализа производства и исторического процесса в целом. По этой причине трудно согласиться с утверждением, что категория деятельности должна быть исходным пунктом теоретического воспроизведения исторического процесса в историческом материализме [26].

Можно понять желание некоторых авторов рассматривать опредмеченный в вещах результат деятельности после самой деятельности, возвысить деятельность над ее вещным продуктом, подчеркнуть творческую роль труда. Но в этом случае производство и деятельность вообще понимаются только как производство вещей, т. е. человек с самого начала исключается из результатов производства.

Отождествление такого узкого понимания производства с его действительной трактовкой в историческом материализме, особенно попытки выдать сведение всего вещного к отчужденному (фетишизация вещного мира) за материалистический подход к обществу (высокая оценка определяющей роли материального производства), во многом определило в свое время отрицательное отношение Д. Лукача к социальной субстанции и к материи. Вместо них ядром общественного бытия он объявил практику, а исторический материализм трактовал только как теорию практики. Общественное бытие в предметной форме у него оказалось вторичным результатом, т. е. продуктом практики, деятельности. «Бытие может выступать как продукт человеческой деятельности» [27], поэтому лишь последняя служит основой социальной действительности. Деятельность в качестве основы «человеческого мира» в итоге поглощает и субъект как форму бытия общества, и объект (продукт деятельности) как другую его форму, т. е. обе формы наличного бытия общества в деятельности становятся тождественными и исчезают в качестве самостоятельных форм социальной субстанции [28].

Эта концепция, изложенная Д. Лукачем в ранней работе «История и классовое сознание» (1923 г.), была

широко использована ревизионистами *. На ней, в частности, базировалась теоретическая программа группы идеологов, объединившихся в свое время вокруг издававшегося в Югославии журнала «Праксис», ее использовали представители франкфуртской школы, многие буржуазные философы и социологи.

Так, Т. Парсонс утверждал, что действие или действующее лицо составляет исходную точку системы координат любого социального образования. Наряду с субъектом деятельности действие предполагает свой объект, к которому относится и другой субъект. Кроме субъекта и объекта социальное действие имеет свои средства, в числе которых оказываются различные знаки, символы, знания и т. д., составляющие элемент культуры [29]. В итоге социальная система определяется координатами деятельности.

Преувеличение значения категории «деятельность» встречается и в нашей литературе. По мнению одних авторов, отправным пунктом материалистического понимания истории являются «не безличные общественные отношения (они суть отношения между индивидами), а практика как совместная деятельность» [30]. Другие считают, что присущая историко-материалистической концепции «модель объяснения социальной реальности была выработана на основе структурного анализа самой деятельности людей» [31].

Однако эта точка зрения не нашла поддержки среди большинства философов. Она отражала, по их оценке, явную абсолютизацию методологического значения категории «деятельность», проявляющуюся в придании ей роли «центрального звена», «исходной клеточки», «основания» всей системы историко-материалистического знания [32]. С помощью категории «деятельность» нельзя провести достаточно четкую границу между материализмом и идеализмом в понимании истории: многие представители субъективной социологии, например народники, исходили в своих построениях из деятельности «живой личности». Деятельностный подход необходимо сопровождается выдвижением на первый план категорий

---

* Д. Лукач впоследствии отказался от сведения общественного бытия к деятельности, признал не только объективность природы, но объективные основы социальной жизни, предметность мира социальных отношений (см.: *Нарский И. С.* «Онтология общественного бытия» Д. Лукача и «двойная» онтология Гегеля//Философские науки. 1985. № 3. С. 124).

«цель», «потребности», «интересы», «мотивы» и т. д., в которых довольно косвенно отражается специфика материалистического понимания истории. Из структуры деятельности нельзя вывести и сущность самой деятельности, поскольку она вне своих материализованных форм и средств остается лишь субъективной способностью к тому или иному труду, характеризуемой прежде всего сознательными, волевыми моментами, т. е. в ней еще не выделено субстанциональное начало, не зависящее от воли и сознания людей [33].

В положении о том, что история есть результат деятельности людей (люди опять-таки оказываются предикатами деятельности), продукт этой деятельности, фиксируется тот факт, что роль творцов истории играют люди, их деятельность. Но оно, как и суждение о том, что общество не может существовать независимо от составляющих его людей, не выражает существа, специфики марксистского взгляда на историю. Эти положения не содержат в себе ничего специфически марксистского [34]. Они отражают истину факта, которую марксизм признает, но не являются основополагающими принципами теории исторического материализма.

Н. Михайловский увидел в Марксовом понимании истории лишь признание исторической необходимости, «потока событий», «хода вещей» и не заметил взгляда на историю как на деятельность людей и продукт этой деятельности, т. е. не обнаружил у Маркса тезиса, что «история вся слагается именно из действий личностей» [35]. Но В. И. Ленин убедительно показал, что для К. Маркса понимание истории как деятельности людей было обычным, общеизвестным фактом, ничего не дающим для материалистического понимания истории. Оно не выражает существа исторического материализма. Не случайно В. И. Ленин писал, что тезис Михайловского — «историю делают живые личности» — теоретически бессодержателен [36], что это — «пустая фраза» [37], что теория, сводящая общественный процесс к действиям «живых личностей», которые ставят себе цели и двигают события, «есть результат недоразумения» [38]. Ленин в данном случае ничуть не противоречит Марксу и Энгельсу, которые в свое время положительно отнеслись к мысли Фейербаха о том, что именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для дости-

жения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека *.

Но ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не считали, что в этом тезисе Фейербаха дана формулировка существа или аспекта материалистического понимания истории. Авторы, выдающие за материалистическое понимание истории концепцию человеческой деятельности, представление об истории как деятельности людей или результате их деятельности, обычно ищут подтверждение в ранних произведениях Маркса и Энгельса, в которых указанные взгляды Фейербаха противопоставляются идеализму Гегеля.

2. ПРОИЗВОДСТВО КАК ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА

Несмотря на то что деятельность не может выступать началом познания истории, ее значение, как и значение труда, в истории велико. Труд, деятельность является основным способом существования социального организма. Человек по отношению к способу своего движения и существования, т. е. к живому труду, выступает носителем социальной деятельности, ее субъектом. Здесь, стало быть, должен соблюдаться общий принцип взаимозависимости категорий «материя» и «движение»: нет движения без материи, есть материя, находящаяся в движении.

Переходя от анализа носителя труда — человека к самому труду, мы тем самым обращаемся к источнику человеческого существования, которому общество и человек обязаны своим происхождением и развитием. В историческом материализме категория труда используется в качестве важнейшего методологического средства: как без движения нельзя понять материю, так и без труда невозможно объяснить историю. В развитии труда марксизм-ленинизм усматривает ключ к пониманию всей истории, в том числе и человека. В труде проявляется одна из его самых глубоких общественных сущностей. Уже Гегель считал труд сущностью человека, хотя и сводил его к теоретической деятельности. Для материализма в труде человек выступает прежде всего существом, производящим орудия и средства к жизни,

* См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. с. 102. Обычно приведенную мысль считают принадлежащей К. Марксу и Ф. Энгельсу, хотя из контекста видно, что она высказана Л. Фейербахом.

т. е. его производственная материальная деятельность является определяющей. Особенно важным для понимания труда служит понятие «производительные силы» — силы самого человека и орудия, процессы, умножающие собственно человеческую энергию и являющиеся продолжением человеческих рук и мозга.

Историю не понять, если не представлять человека главной производительной силой общества, не знать законов функционирования и развития труда (разделения труда, перемены и сочетания видов труда и др.). Человек как созидатель материального богатства и, следовательно, труд как источник этого богатства довольно обстоятельно проанализированы в советской литературе, в том числе и в наших предшествующих работах *. Здесь речь пойдет главным образом о том, как в процессе труда производится сам человек.

Средство добывания жизненных благ из природы — это первое условие человеческой жизни. Если рассматривать лишь взаимодействие человека и природы, то человек выступает сначала как представитель рода существ, делающих орудия, т. е. как носитель абстракции «род». Здесь человек обнаруживает себя как человек вообще, взятый как бы вне общества, как абстрактный индивид. Людей объединяет в общество труд: в труде человек приобретает свои общественные характеристики, которые обусловлены не конкретной природой труда, а его общественной сущностью. Вопрос не столько в том, что тот или иной вид труда делает человека земледельцем, ремесленником и т. д., а в том, что общественный характер труда, в котором представлена общественная связь людей, реализуется в самом человеке и делает его сущность общественной — совокупностью общественных отношений. Без учета открытой К. Марксом двойственной природы труда связь последнего с человеком и обществом не может быть рационально понята **.

---

* Вопрос о том, как производит человек, в значительной мере рассмотрен в исследовании роли человека как главной производительной силы (см.: *Ельмеев В. Я.* Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М., 1964; *Пуляев В. Т.* Главная производительная сила социалистического общества и экономические законы ее развития. Л., 1979).

** «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда,* смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов)...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 277).

Необходимо каждый раз иметь в виду, что труд непосредственно творит общество только в своей общественной форме, своим общественным устройством, т. е. общественная сущность труда проявляется в отношениях между людьми по их участию именно в этом труде. В процессе труда человек вступает в отношения с другими людьми и только посредством этих отношений относится и к природе, предстает не человеком вообще, а общественным человеком, принимающим ту или иную форму социального индивида. Но общественным он должен быть понят независимо от тех конкретных социальных форм, которые он принимает в разных формациях.

Понятие общественного индивида вообще (как и абстрактного труда) является чрезвычайно важной категорией. Поскольку человек в труде с самого начала представляет не только себя, но и ассоциацию подобных ему производителей, он выступает общественным человеком. Абстрактное понимание общей (общественной) сущности человека основывается на общественном определении труда как такового. В этом заложено более глубокое понимание и труда, и человека.

Столь же очевидно другое определение общего в человеке — труд в том или ином сообществе характеризует человека как совокупного работника, а его индивидуальный труд является частью общего труда. Выполняя особенный, качественно определенный труд, люди вступают в общественную связь, которая является предпосылкой производства, а труд отдельного человека выступает непосредственно как функция члена общественного организма. В результате затраты индивидуального труда несут в себе собственно общественную сущность, ибо люди расходуют свои индивидуальные силы как одну общественную силу.

Таким образом, труд, выступающий как трата человеческой рабочей силы вообще, выводит на сущность человека, на общественного человека. Этот уровень абстракции составляет общую платформу исследования всякого производства, поскольку последнее в конечном счете направлено на удовлетворение потребностей. Здесь труд предстает в форме абстрактной всеобщей деятельности, и в таком же качестве предстает его носитель — человек. Однако так понимаемый общественный труд вообще не базируется на абстрактном труде только товарного производства. Общественный труд как таковой имеет более широкую основу — всеобщий человеческий

труд, создающий потребительные стоимости и воспроизводящий человека. «...На всех ступенях производства,— отмечал К. Маркс,— существует известная общность труда, *общественный* характер последнего и т. д.» [39]. Этот общественный характер проявляется в особых формах труда, но за ними, т. е. за всеми его историческими формами, стоит нечто общее. Так, стоимость товара тоже выражает в определенной исторической форме то, что существует, хотя и в других формах, во всех исторических общественных формациях, а именно общественный характер труда, поскольку труд — это затраты *общественной* рабочей силы.

Особая роль труда для понимания истории состоит в том, что производство и, следовательно, труд производят человека. Если история есть результат деятельности людей, то этим результатом выступают не только вещи, но и в конечном счете человек, делающий историю прежде всего посредством труда. Труд — первое, основное условие человеческой жизни, притом в такой степени, что мы, по словам Ф. Энгельса, в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека [40].

Если человек есть субъект и предпосылка производства, то он с необходимостью выступает и результатом производства. Выражение «производство человека» не совсем привычно применительно к материальному производству, и не случайно чаще всего под производством человека понимают деторождение или процесс восстановления им жизненных сил в процессе потребления. Сложилась традиция отделять производство человека от материального производства, считать первое особым, существующим параллельно со вторым производством, охватывающим сферу народонаселения, природную среду. Соответственно и положение Ф. Энгельса о производстве самого человека трактуется не как одно из наиболее глубоких определений материального производства как производства непосредственной жизни [41], а как признание некоего самостоятельно существующего производства с особым способом производства и специфическими законами. «Если в обществе реально существуют законы производства средств к жизни, то столь же реально существуют и законы воспроизводства собственной жизни» [42]. Материальное производство «выделяется в самостоятельную сферу деятельности со своими внутренними, определяющими характер общества законами» [43]. Производство человека ставится рядом с матери-

альным производством, географической средой и образует «самостоятельный компонент системы общественного бытия как материального процесса жизни общества»[44].

Эта точка зрения была бы оправданна, если бы общественное материальное производство сводилось к процессу создания вещей, средств к жизни, а история — к движению вещного богатства. Однако материальное производство является производством не только вещей, но и человека, его жизни, а условия материального производства — условиями воспроизводства людей. Речь идет не только и не столько о формировании личности в труде, сколько о производстве человека и общества в сущностном смысле. Так, К. Маркс писал, что условиями производства являются культивирование всех свойств общественного человека — «производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества...»[45]. У К. Маркса в центре исследований, в том числе политико-экономических, находится человек (рабочий), производство человека посредством как самого материального производства, так и образа его жизни[46]. Человек не сводится к фактору производства, а жизненные средства, потребляемые работником, не являются аналогами «угля и смазочного масла», используемых в технике. Категорию «производство человека» К. Маркс широко применял при характеристике социалистического производства. «Человек здесь, — отмечал он, — не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности...»[47]

Материальное производство выступает производством и рабочей силы, ее воспроизводство есть воспроизводство и самого человека. Создавая необходимый продукт, человек тем самым воспроизводит свою рабочую силу в материальном производстве; его рабочее время является временем, необходимым для поддержания и воспроизводства жизни. Если индивид существует, то производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивида, в поддержании его жизни[48]. Рабочий, следовательно, воспроизводит себя как работника не за пределами производства, а в процессе материального производства посредством создания продукта. Этот процесс не деторождение и не принятие пищи, а обществен-

ный процесс производства. Когда Ф. Энгельс писал о «производстве самого человека», то он не имел в виду детопроизводство, как считал Н. Михайловский, а раскрывал сущностную сторону материального производства, результатом которого являются не просто произведенные средства к жизни, но и сам человек, сама человеческая общественная жизнь.

Наиболее отчетливо и непосредственно производство выступает как производство человека в докапиталистических формациях, особенно в условиях общины. Труд здесь без всяких опосредований направлен на обеспечение существования членов общины, предстает для каждого члена этой общины средством воспроизводства себя. Цель общины — сохранение, воспроизводство образующих ее индивидов как собственников, *«т. е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»* [49].

Собственность и производственные отношения вообще первоначально означают отношение производящего и воспроизводящего себя субъекта к условиям своего производства и воспроизводства как к своим собственным [50], т. е. производственные и общественные отношения прозрачно выражают связи и отношения людей по поводу своего собственного воспроизводства. Не случайно у авторов классической древности нет оценки собственности с точки зрения ее содействия росту вещественного богатства. Оно для них не составляло цели производства. Для них было важно проследить, как форма собственности обеспечивала обществу и государству формирование наилучших граждан. «Поэтому древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства» [51].

По мере того как производитель лишался собственности на землю и орудия производства и сам превращался в орудие, становился одним из объективных условий производства, разлагались отношения производства, при которых оно «работало» непосредственно на потребление. Товарное производство в его капиталистической форме по своей социально-экономической сущно-

сти уже не являлось непосредственным производством и воспроизводством рабочего, поскольку его целью стали меновая стоимость и прибыль. Однако оно сохраняет функции производства человека, но уже не в качестве свободного члена общества, а как рабочей и главной производительной силы капитала [52]. При воспроизводстве рабочего в качестве главной производительной силы капитала нужны, конечно, не стоимости, а потребительные стоимости — жизненные средства. Это обстоятельство используется идеологами буржуазии для того, чтобы представить капиталистическое производство производством потребительных стоимостей и выдать капиталистическую форму производства за естественную основу всякого производства.

От того, что непосредственной целью производства выступает не потребительная стоимость, а стоимость, оно не перестает быть производством человека. Дело лишь в том, что этим человеком становится наемный рабочий и капиталист, по отношению к которому рабочая сила наемного работника является потребительной стоимостью. Капиталист нанимает рабочего не для того, чтобы совершать акт обмена эквивалентов, а чтобы использовать потребительную стоимость его рабочей силы, его живой труд. Но это не изменяет конечного результата: производство капиталистов и наемных рабочих остается основным результатом процесса увеличения стоимости, понятие «производство капитала» включает и капиталиста.

Социалистическое производство в той мере, в какой утверждаются в нем общеформационные начала, превращается в непосредственное производство самого человека. Социалистическое общество восстанавливает в качестве своей цели производство непосредственного производителя. В этом проявляется общность социалистического производства с предшествующими формами производства, основанными на общественной собственности, когда экономической целью производства выступало создание потребительных стоимостей, воспроизводство человека в его определенных отношениях в общине, т. е. воспроизводство образующих общину индивидов [53].

Независимо от исторических форм производство сохраняет свое единое общественное основание, благодаря которому, «раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее

постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат»[54]. Поэтому, приняв человека за исходный пункт производства, необходимо представить его и результатом, поскольку в воспроизводственном процессе предпосылка становится и результатом, цель каждый раз превращается в результат, а последний вновь приобретает значение цели и предпосылки.

Из трактовки производства как производства человека вытекает и соответствующее общее определение распределения. Поскольку человек в предпосылках и результатах производства дан не только в качестве производителя, но и потребителя, распределение не может не быть фактором производства, которое подчиняет распределение собственным целям и результатам. Производство как воспроизводство человека служит основой и для определения распределения, которое предполагает отношение человека к продукту не как к вещи, а как к другому индивиду, т. е. отношение индивида к продукту производства предстает социальным отношением: распределение как отношение между членами общества. Этим отношением соединяется, с одной стороны, труд, с другой — потребление человеком произведенного продукта.

Труд подвергается распределению в зависимости от различия и объема потребностей общества и человека: для производства массы продуктов, соответствующих разным потребностям, требуются и количественно определенные, и неодинаковые массы общественного совокупного труда. Необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях существует при любой общественной форме производства, имеет значение закона природы, является общим законом развития, хотя каждый раз проявляется по-разному[55]. Существует и соответствующий общий принцип распределения продукта — служить удовлетворению потребностей членов общества.

В общей форме распределение охватывает производительную и потребительную деятельность, связь между трудом (его качеством и количеством) и наличными потребностями, имеющими решающее значение для определения целей и задач производства. Как труд распределяется согласно потребностям членов общества, так и продукт, предназначенный для потребления, присваивается согласно тем же потребностям. В распределении

члены общества соединяются как производители и как потребители. Труд для удовлетворения потребностей выступает основополагающим принципом самого распределения, поскольку в труде реализуется аналогичная цель производства. Уровень удовлетворения потребностей в системе указанного принципа распределения определяется прежде всего степенью результативности труда, его производительностью, хотя каждый раз этот критерий модифицируется под воздействием существующих общественных форм. Немаловажное значение имеет и степень исторического развития самих производителей, их потребностей.

Таким образом, в условиях, при которых производство выступает как воспроизводство трудящегося человека, оно приобретает ряд общих черт. Чтобы дать их характеристику, т. е. исследовать общий непосредственно общественный труд, нет необходимости, отмечал К. Маркс, возвращаться к его первобытной форме, встречающейся на пороге истории. Их можно найти в деятельности ассоциации производителей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем труда, с самого начала выступает как общественное определение самих работ, поскольку индивидуальные рабочие силы функционируют лишь как органы совокупной рабочей силы. Весь продукт их труда является общественным продуктом, часть которого вновь возвращается в производство и служит средствами производства, а другая распределяется между самими работниками и потребляется ими в качестве жизненных средств. Способ этого распределения определяется содержанием и целью производства, степенью развития материальных производительных сил и самих людей. Поскольку труд распределяется согласно потребностям и устанавливается соответствие между различными трудовыми функциями и потребностями, то таким же образом распределяются и продукты потребления. Интересы же развития производства и его производительных сил лучше реализуются и стимулируются такой формой распределения, которая позволяет всем работникам как можно всестороннее развивать и проявлять свои способности [56].

Глава II

ПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Чтобы продолжить анализ и конкретизировать понятие общих основ воспроизводства общества и человека, недостаточно ограничиться рассмотрением только труда и его средств, взятых в качестве элементов процесса производства. Из их функционального и вещного содержания нельзя вывести ни отношений работников между собой, ни их связи с обществом *. Задача состоит в том, чтобы найти не только первоисточник процесса, которым является труд, но и опосредованные им звенья, связанные с дальнейшим процессом воспроизводства человека, но уже в сфере потребления. Этим диктуется настоятельная необходимость включения потребления, вернее, его социально-экономической формы в предмет изучения общественных наук: исторического материализма, политической экономии, научного коммунизма.

В них довольно много внимания уделяется анализу деятельности по производству материального продукта, процесса ее опредмечивания, но почти не исследуется противоположный процесс — распредмечивание продукта, реализуемое в его потреблении и движении в качестве потребительной стоимости. К сожалению, последнее звено еще не введено в теорию общественного воспроизводства, не включено в механизм взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Состояние последних обычно объясняется лишь факторами производственного процесса (трудом и средствами труда), но не его продуктами и их реализацией в потреблении.

Переход от предмета (продукта) к субъекту в общественной науке «освоен» намного меньше, чем переход от труда к продукту (от субъекта к предмету).

---

* К. Маркс усматривал недостаток теории Д. Рикардо в том, что для него «капитал является лишь «накопленным трудом»... и берется лишь как нечто просто вещное, просто как элемент в *процессе труда,* из чего никак нельзя вывести отношение труда и капитала, заработной платы и прибыли» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. II. С. 442).

Трудовая теория стоимости содержит главным образом анализ овеществления труда в продукте, т. е. имеет дело с опредмечиванием труда, а не с его распредмечиванием. Поставленная классиками марксизма задача по разработке теории распредмечивания в значительной мере осталась нереализованной. Не переведено на язык материалистического понимания истории то звено системы Гегеля, которое охватывает движение от объекта к субъективности, хотя идеализм Гегеля в этом вопросе для К. Маркса и Ф. Энгельса был очевиден. У Гегеля превращение предмета в самость, т. е. в человека, тождественно самосознанию человека, а не процессу его реального социального становления. Предметность в системе Гегеля сначала выступает отчуждением абсолютной идеи, а затем посредством снятия этой отчужденности идея вновь возвращается к самой себе в виде человеческого самосознания. «Поэтому,— отмечал К. Маркс,— всякое обратное присвоение отчужденной предметной сущности выступает как включение ее в самосознание...» [1]

Исходя из превращения предметности в субъективное, как известно, Гегель высказал суждение о возникновении сознания из форм развития живого: чувствительности, раздражимости, воспроизводимости. В рассуждениях Гегеля содержится рациональное зерно и для понимания общества: превращение в самость в результате снятия отчуждения (предметности) предполагает дальнейшее развитие самого человека. «...Дух... отчуждает себя,— писал Гегель,— а затем из этого отчуждения возвращается в себя, тем самым только теперь проявляется в своей действительности и истине...» [2] В этой связи К. Маркс заметил: «Величие гегелевской *«Феноменологии»*... заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*» [3]. Неважно, например, что произведенный в труде продукт не удовлетворяет всех потребностей человека, но из слов Гегеля о том, что индивид тем самым производит себя в своем наличном бытии, следует вывод в пользу материализма: человек порожден своим трудом.

Однако этот вывод, как уже сказано, материалистически переработан и реализован К. Марксом главным образом в форме теории опредмечивания труда, идеи материализации труда в стоимости, т. е. в трудовой теории стоимости. Обратный же процесс — распредмечивание, превращение предмета в свойства человека — он оставил для дальнейшего исследования. Да и для объяснения производства капитала это было не столь необходимо, ибо в буржуазном обществе главенство принадлежит овеществленному богатству (стоимости), а не его распредмечиванию в человеке. Воспроизводство трудящегося человека для К. Маркса тогда имело смысл как аргумент в защиту исторических интересов пролетариата. Задуманное же им специальное исследование о наемном труде, которое он хотел написать после анализа капитала и земельной собственности, не было выполнено (если не иметь в виду его лекции «Наемный труд и капитал» и соответствующие части «Капитала»).

Сказанное, однако, не означает, что у К. Маркса нет принципиальных суждений на этот счет. В философском плане — это трактовка предмета не только в качестве объекта созерцания, но и как переходящего в субъективное, в человеческую практическую деятельность. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский,— писал К. Маркс,— заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика,* не субъективно»[4]. Но предмет выступает субъективно не только в том смысле, что в нем материализуется человеческая субъективная деятельность, но и в том, что в процессе его потребления он вновь превращается в состояние человеческой субъективности, в свойства человека.

1. ОТ ПРОДУКТА (ПРЕДМЕТА) К СУБЪЕКТУ

Признание обусловленности воспроизводства человека произведенным продуктом еще раз свидетельствует о решающей роли материального производства, в котором этот продукт создается. Вместе с тем воспроизводство не заканчивается движением продукта, оно, понимаемое как процесс формирования человека, с движения продукта только и начинается.

Воздействие труда и его средств на воспроизводство общества опосредовано (положено) продуктом материальной деятельности, причем не только тем, который вновь возвращается в материальное производство и функционирует в форме производительных сил, но главным образом тем, который реализуется в индивидуальном потреблении. Стало быть, если имеется определенный уровень развития материальных производительных сил, составляющих объективное условие воспроизводства общества, то дальнейшее его движение выводит к своему конечному результату — человеку — посредством реализации продукта. Социально-экономической формой продукта во многом определяется, какими воспроизводятся человек и общество.

В современной социологической литературе развитие человека чаще всего связывается с трудом. Оно считается непосредственным следствием эволюции содержания труда, технологических и технических изменений в производстве. Зависимость развития личности от продукта труда, от его потребления обычно не рассматривается. Индивидуальное потребление исключается из воспроизводственного процесса или трактуется как элемент производственного процесса и производительного потребления человека, т. е. как воспроизводство рабочей силы. При этом по отношению к продукту все моменты процесса труда — материал, орудие производства и сама производительная деятельность — выступают средствами для создания продукта. Частью этих средств (производительной деятельности) служат и жизненные средства рабочего, необходимые для его содержания в процессе труда. «Та доля жизненных средств, которую он должен потребить в качестве работника, без которой его рабочая сила вообще не может действовать как таковая, так же необходима для процесса производства, как уголь и смазочное масло, потребляемые машиной. В этом смысле фонд потребления общества составляет некоторую часть его средств производства... и потребление работника внутри этих границ экономически не отличается от потребления рабочей лошади или машины» [5].

Однако жизненные средства работника как таковые не входят в процесс производства. К тому же работающий собственник рассматривает продукт в качестве своих жизненных средств, но не воспринимает жизненные средства как предпосылку производства продукта.

К этому добавляется еще одно важное обстоятельство: коль скоро совокупный производственный процесс выступает процессом воспроизводства самого общественного человека, жизненные средства выпадают из процесса производства, переходят в процесс потребления. Поэтому важно представить развитие человека не простым и только прямым, а опосредованным результатом процесса труда — результатом потребления продукта. В человеке субъективируется непосредственно не орудие труда или сам труд, а его продукт.

Производство, создавая продукт, одновременно создает и субъект для предмета. Это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на толкование продукта, его социальных свойств, которые использует человек. От правильного понимания социально-экономической природы продукта во многом зависит трактовка потребительного производства как производства социального. С одной стороны, важно не приписывать вещным, природным свойствам продукта социальное значение, не отождествлять стоимость с вещностью продукта. Их отождествление обычно приводит к тому, что общественные свойства предмета как продукта труда приписываются его вещным свойствам, якобы присущим ему от природы: жемчуг или алмаз имеют вроде бы стоимость как природные объекты. На этом отождествлении или, вернее, сведении социального к вещному свойству продукта основываются все концепции, выводящие социальные отношения из вещественных факторов производства или из самого процесса труда. В результате в определенное отношение к социальному ставятся факторы, не имеющие никакого отношения к общественной форме, т. е. сопоставляются два несоизмеримых рода явлений. Если, скажем, в один ряд ставятся средства производства, земля и труд, а в другой — прибыль, рента и заработная плата, то они, писал К. Маркс, «относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка»[6], т. е. они не сопоставимы и не могут взаимодействовать друг с другом.

С другой стороны, также неправомерно приписывать вещам как таковым общественные свойства в качестве органически присущих им, т. е. фетишизировать вещи, считать, например, средства производства с самого начала капиталом, а труд — стоимостью. Когда вещи как таковые рассматриваются в качестве капитала, обще-

ственное отношение, представленное в вещах и посредством вещей, неизбежно фиксируется как такое свойство, которое приобретают предметы лишь потому, что они входят в состав элементов процесса труда, в технологический процесс. В результате то, что является свойством капиталистического способа производства, капитала, изображается принадлежностью самой вещи. В итоге, по словам К. Маркса, грубый материализм экономистов, рассматривающих общественные производственные отношения людей как природные свойства вещей, равнозначен столь же грубому идеализму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений[7].

Формой общественного бытия вещей (продукта производства) является не только их стоимость, но и потребительная стоимость. Последняя для теории воспроизводства социалистического общества приобретает особую социальную значимость — потребительной стоимостью определяются многие стороны воспроизводства человека. В потреблении, в воспроизводстве своей жизни человек имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью продукта, его количеством и качеством. Но есть еще и социальная сторона потребительной стоимости, что, к сожалению, не всегда находит признание в современной литературе. За потребительной стоимостью довольно прочно закрепилось однозначное определение — быть лишь вещным носителем стоимости или других общественных отношений. Ее обычно считают совокупностью естественно-технических, товароведческих свойств и оценивают посредством натуральных, условно-натуральных характеристик предмета, что существенно затрудняет понимание ее социальной роли *.

Потребительная стоимость, безусловно, не существует без вещной стороны, которая не должна изучаться собственно общественными науками, она остается предметом товароведения или стандартоведения. Даже если продукт с его полезными природными свойствами является предметом человеческих потребностей и, следовательно, включен в человеческую жизнь и общественную связь людей, природные свойства его никакого общест-

---

* «В нашей экономической литературе одно время было распространено мнение, согласно которому потребительная стоимость рассматривалась как совокупность естественных свойств вещи» (*Столяров И. И.* Роль личного потребления в социалистическом воспроизводстве. Горький, 1973. С. 47).

венного производственного отношения не выражают, не составляют содержания какой-либо социальной формы. В системе товарного обмена, отношений меновой стоимости материальный субстрат этой стоимости остается вне экономической определенности формы. Потребительная стоимость, понятая как содержание, натуральная особенность товара как таковая, становится безразличной к меновой стоимости.

Но не развивается ли это содержание, ставит вопрос К. Маркс, в системе потребностей и производства, не входит ли потребительная стоимость в саму социальную форму и не является ли фактором, определяющим эту форму? Ответ на этот вопрос у К. Маркса положительный, хотя он оставляет возможность для дальнейшего исследования. «В какой мере потребительная стоимость остается в качестве предпосланного материала вне политической экономии и экономических определений формы и в какой мере она входит в политическую экономию,— выяснится и должно быть выяснено прежде всего при разработке отдельных разделов» [8].

К. Маркс, однако, с самого начала выразил несогласие с Рикардо и Сэем, которые, подчеркивая преобладающее значение меновой стоимости перед потребительной, начисто абстрагировались от последней. С точки зрения К. Маркса, нет ничего ошибочнее того взгляда, что разграничения между потребительной и меновой стоимостью должны быть вне экономического определения формы вообще. «Напротив, — пишет К. Маркс,— на различных ступенях развития экономических отношений мы обнаруживали, что меновая стоимость и потребительная стоимость определены в различных отношениях и что эта определенность сама выступает как различное определение стоимости как таковой.

Потребительная стоимость сама играет роль экономической категории» [9]. Без нее, например, нельзя понять источник возникновения прибавочной стоимости, поскольку рабочая сила не в качестве меновой стоимости, а в форме своей потребительной стоимости — труда — создает капитал и прибавочную стоимость.

Роль потребительной стоимости, стало быть, не ограничивается функцией носителя меновой стоимости, а имеет самостоятельное социальное содержание, достоинство социальной формы труда. Уже потому, что в

потребительной стоимости предмета овеществляется труд, она получает социальную определенность. Если труд рассматривать как субстанцию стоимости вообще, то особой формой этой субстанции может быть не только меновая, но и потребительная стоимость *. Разве, например, потребительная стоимость рабочей силы — труд — не является социально-экономической категорией капитализма, а натуральная форма товара — формой его стоимости при феодализме? В историческом плане потребительная стоимость или предшествует, или заменяет меновую стоимость как социальную форму, но от этого она не только не перестает быть социальной формой, но и приобретает значение подлинной социальной категории.

К. Маркс отверг обвинение в его адрес в том, что он якобы высказал мнение о необходимости удаления категории «потребительная стоимость» из науки и помещения ее в руководство по товароведению. Наоборот, К. Маркс полагал, что если человек производит продукт для удовлетворения собственных потребностей, то этим он создает потребительную стоимость в особой исторической форме, т. е. воплощенный в продукте труд приобретает социальную форму потребительной, а не меновой стоимости. Потребительная стоимость, следовательно, сама обладает специфически историческим характером. «В примитивных общинах,— считал К. Маркс,— в которых, например, жизненные средства сообща производились и распределялись между членами общины, общий продукт непосредственно удовлетворяет жизненные потребности каждого члена общины, каждого производителя, и общественный характер продукта, или потребительной стоимости, заложен здесь в *его общем характере*»[10]. В коммунистической общественно-экономической формации потребительная стоимость продукта становится его основной социально-экономической формой, но не в виде вещных свойств, а в своем общественном бытии для человека.

На этом настаивал В. И. Ленин в замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного пе-

---

* «Не следует ли,— ставит вопрос К. Маркс,— понимать *стоимость* как единство потребительной и меновой стоимости? Не представляет ли сама по себе стоимость как таковая нечто всеобщее по отношению к потребительной и меновой стоимости, как к ее *особенным* формам?» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 216 (примеч.)).

риода» (1920 г.). Продукт, занимая место товара, был представлен Бухариным без определенной социально-экономической формы, лишь в виде материального субстрата, носителя, роль которого он выполнял по отношению к меновой стоимости товара. Сбрасывая последнюю, продукт вроде бы остается без социальной определенности, сохраняет себя лишь в виде совокупности полезных природно-вещественных свойств. В действительности же здесь одна социальная форма продукта заменяется другой. Новая форма, по В. И. Ленину, фиксируется в его определении как продукта для человека: «...превращается не в «продукт», а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общ[ест]в[енное] потребление не через рынок»[11]. Производство для человека, во имя достижения полного благосостояния и всестороннего развития личности берется как исходное определение самой социалистической организации производства продукта.

Недостаточно было бы видеть социальный канал, соединяющий продукт с человеком, лишь в полезности продукта, обусловленной нуждой в нем человека. В этом случае социальность потребительной стоимости продукта не становится социальной формой последнего, а непосредственно определяется потребностями человека, т. е. потребительная стоимость как бы превращается в свойство человека, в его атрибут. Полезность соответственно становится мерой удовлетворения потребностей людей, мерой соответствия человеческим потребностям свойств вещи, берется в рамках отношений людей к вещи, а не в системе их отношений друг к другу по поводу собственного воспроизводства посредством потребления.

Вне объективных производственных отношений людей может происходить субъективизация социальной формы потребительной стоимости, ее понимание как субъективной полезности. В этом случае потребительная стоимость приобретает характер субъективной ценности, приравниваемой к тому значению, которое приписывается человеком благу в силу его полезности, а не является свойством самим по себе. С этим связаны попытки соизмерять потребительные стоимости по степени их субъективной полезности, считать, например, таким соизмерением расположение человеком различных благ в известный ряд сообразно иерархии своих потребностей и предпочтений.

Переход от продукта к субъекту представляет собой, как говорилось, распредмечивание содержащегося в продукте овеществленного прошлого труда. Оно, как и процесс опредмечивания, имеет двойственную природу, которая определяется двойственностью опредмеченного в продукте труда — его конкретным и абстрактным характером. Соответственно снятие опредмеченности предполагает, что в процессе распредмечивания исходная двойственность продукта, возникающая из соответствующей природы прошлого труда, не отрицается, а сохраняется, хотя и в иной форме — в виде двойственности воспроизводимого субъекта и процесса потребления.

Продукт в форме вещественного образования есть нечто мертвое, и в индивидуальном потреблении в этом своем качестве он участвует как условие воспроизводства жизни человека, т. е. его биологической жизни, способности к продолжению деятельности. Но этот продукт есть форма прошлого труда, его потребительно-стоимостная форма.

Наряду с природной стороной этого процесса, связанной с вещественными свойствами продукта, присутствует социальная сторона, которая замыкается в собственно социально-экономическую сущность продукта. Дальнейшее движение этой основы от состояния опредмеченности к состоянию распредмеченности образует механизм процесса воспроизводства общественных отношений.

В воспроизводстве социального продукт участвует своими социально-экономическими качествами. Они образуются из того, что продукт является инобытием человеческой (субъективной) деятельности — труда, хотя эта субъективность существует в предметной форме. Предметность, однако, не мешает тому, что общественная природа прошлого труда, выступая в форме общественного бытия вещи, в процессе потребления реализуется в общественных свойствах человека. Социальные потенции прошлого труда в живой деятельности работника не исчезают, а прибавляются к ней. Сущностью произведенного продукта (предмета), первичным по отношению к нему, выражаясь языком Гегеля, остается человек, его труд. Отсюда и социальность отношения между предметом и человеком: индивид овеществляет свою деятельность в продукте; потребляя продукт, обладая им, он тем самым развивает себя.

«Каждая форма натурального богатства, пока оно не заменено меновой стоимостью, предполагает существенное отношение индивида к предмету, так что индивид с одной из своих сторон сам овеществляет себя в предмете и его обладание предметом выступает вместе с тем как определенное развитие его индивидуальности; например, богатство в виде овец выступает как развитие индивида в качестве пастуха, богатство в виде зерна — как развитие его в качестве земледельца и т. д.»[12].

Потребительная стоимость приобретает социально-экономический смысл как фонд потребления, который соответствует потребностям общества, воспроизводящего свое естественное существование. Этот фонд принимает различные исторические формы, например форму так называемого рабочего фонда при капитализме или фонда полного благосостояния и всестороннего развития личности в условиях коммунистического способа производства. Фонд потребления следует рассматривать сначала как категорию производства, т. е. представлять не в виде личных доходов, образующихся в результате распределения и перераспределения национального дохода, а до этих социально-экономических процедур, т. е. в качестве непосредственного предметного результата процесса производства.

В условиях простого воспроизводства фонд потребления служит для реализации отношения между производством и потреблением: фонд потребления выступает средством поддержания человеческого существования, содержания работника как производительной или рабочей силы, а по отношению к остальному обществу — способом обеспечения жизни населения, занятого в непроизводственной сфере или вообще не занятого в народном хозяйстве. Тем самым общество воспроизводит себя в производстве как совокупного потребителя, а в потреблении — как производителя.

Потребительную силу общества можно рассматривать как соответствующую его производительной силе, и их соотношение брать за первичную систему отсчета потребительной силы общества в каждый данный момент времени. Если, например, нужно установить исходную потребительную силу общества в данном году, то она, измеренная в единицах труда, будет равняться количеству занятых в материальном производстве (производительная сила субъективного фактора)

и остальной части населения. Так, в 1986 г. 94,5 млн занятых в отраслях материального производства в СССР обеспечивали свой потребительный фонд и потребительный фонд остальной части населения страны в количестве 184,3 млн человек[13]. Дополнительная потребительная сила, созданная работниками материального производства, относилась к их собственной потребительной силе примерно как 2:1.

Если рассматривать фонд индивидуального потребления только с точки зрения вещного продукта, то его можно считать той частью совокупного общественного продукта, в которой выражается конечный результат материального производства, выходящий за пределы самого производства. Из сферы производства в сферу потребления переходят предметы, которые в своей совокупности составляют фонд потребления. Все остальное поглощается самим производством.

В фонде потребления остаются неучтенными деятельность в непроизводственной сфере по реализации данного фонда, развитие человеческих способностей, улучшение условий труда и окружающей природной среды. Потребительный фонд по этой причине не может выступать конечным результатом действия основного экономического закона социализма. В лучшем случае он характеризует функционирование законов потребительного производства, обеспечивающего человеческое существование. Этот фонд свидетельствует лишь о полноте или степени удовлетворения жизненных потребностей людей на определенном этапе развития общества, а не о всестороннем и гармоничном развитии личности. Для развития личности необходимо соответствующее свободное от производства время, которое нельзя включать в состав потребительного фонда.

Историческое назначение социализма состоит в том, чтобы вывести непосредственного производителя материальных благ из узких рамок его воспроизводства только как исполнителя производственных функций. Социализм ликвидирует условия, при которых фонд потребления обеспечивает существование работника лишь в качестве рабочей силы, а потребление превращается в «эпизод» производственного процесса. При капитализме потребление жизненных благ, необходимых для воспроизводства мускулов, мозга рабочих, приобретает значение воспроизводства рабочего как средства производства, принадлежащего капиталу и обреченного

на труд ради высокого развития господствующих классов. Его собственное потребление, следовательно, образует лишь одну из статей издержек производства.

Чтобы подчеркнуть важность развития личности и преодолеть так называемый «потребительский подход», в нашей литературе иногда центр тяжести с потребления переносится на производство, на труд как на арену гармоничного развития человека. Конечно, потребительный фонд создается трудом, и в этом смысле первенство производства и труда перед потреблением неоспоримо. Проблема, однако, решается не простым возвращением к труду, а рассмотрением деятельности и вне производства. Функционирующий в производстве живой труд остается средством для достижения высоких целей социалистического общества, а не превращается в самоцель. Процесс труда — это звено на пути к этим целям. Конечно, труд должен стать первой потребностью в жизни, но это не значит, что он перестанет быть средством удовлетворения этой потребности.

Трудности в достижении достаточно полного удовлетворения разумных потребностей трудящихся масс не могут быть объяснены ссылками только на процесс труда. Неотделимость рабочего от условий производства в социальном смысле, т. е. его собственность на эти условия как принадлежащие в том числе и ему, не тождественна слиянию развития способности к труду и самого труда, вещественного и личного факторов производства. Если сферой развития личности рабочего считать только процесс труда, то его развитие будет ограничено его ролью как средства производства, т. е. такими функциями, которые вполне могут быть переданы машине или системе машин (роботам).

Действительно, в процессе труда продукт, в том числе потребительный фонд, еще не дан, он еще должен возникнуть. Следовательно, продукт для потребления исключается из факторов, воздействующих на развитие способности к труду, в их числе остаются орудия, предметы производства и сам человек, функционирующий в роли средства производства. Этим умаляется роль потребительного фонда и потребления как способа воспроизводства человека, его способности к труду. Практически же иного средства собственного развития, кроме создаваемого в процессе труда продукта, у рабочего нет. Поэтому непосредственное производство лишь тогда выступает в роли фактора развития человека,

когда оно служит средством для производства жизненных благ. Последние же потребляются не «производительным трудом» (подобно потреблению электроэнергии машиной), а самими производительными работниками, т. е. производительный труд и производительное потребление не могут быть заменены потреблением жизненного фонда вне процесса производства.

2. ПОТРЕБЛЕНИЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Понятно, что от человека к продукту нельзя перейти без обращения к труду как творческому началу этого процесса; осуществить переход от продукта к человеку также нельзя без опосредствующего звена — потребления. Тем более невозможно понять процесс воспроизводства общества и человека без социально-экономического анализа потребления и потребительного производства. Если в первой главе (§ 2) производство человека посредством труда было представлено в абстрактном виде, причем подчеркивалась значимость производства средств к жизни в этом процессе, то теперь речь пойдет о втором его источнике — потреблении, в котором продолжается воспроизводство человека. О производительном потреблении, совпадающем с материальным производством, написано много книг. О человеческом потреблении из социально-экономической литературы можно узнать лишь то, что этим кончается назначение произведенного для личного потребления продукта. Между тем потребительное производство не менее сложный процесс, чем производство материальных средств к жизни. Это непосредственное производство самой жизни, самого человека, которое реализуется через потребление.

Исключение потребления из предмета социально-экономического анализа, в частности из политической экономии, можно во многом объяснить тем обстоятельством, что в процессе потребления стоимость превращается в «нестоимость», как бы завершает свое существование. Следовательно, она не входит во «владения» политической экономии как трудовой теории стоимости, теории о стоимостных экономических отношениях. Поскольку «стоимость» в потреблении исчезает, превращается в «нестоимость» (или, точнее, здесь продукт выступает со стороны потребительной стоимости), она

вроде бы перестает быть предметом экономического или социального исследования. Рикардо, например, считал, что политическая экономия буржуазного общества лишь внешне затрагивает потребительную стоимость [14]. Согласно его взглядам и мнению других буржуазных политэкономов, потребление «лежит, собственно говоря, вне политической экономии, за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу» [15].

К. Маркс в то время не высказал своего мнения по вопросу о месте категории потребления в политической экономии. В «Экономической рукописи 1861—1863 годов», обсуждая данную проблему, он в скобках заметил: «К этому вопросу следует вернуться позднее» [16]. Впоследствии у него сложилось вполне определенное мнение о необходимости включения индивидуального потребления в систему воспроизводства. «В процессе своего обращения,— писал он,— индивидуальный капитал функционирует лишь как часть совокупного общественного капитала. Его движение определено не только его общественными связями с другими частями совокупного общественного капитала, но и со всем товарным миром, со всем общественным процессом воспроизводства, включающим в себя общественный процесс потребления, не только производительного, но также и индивидуального» [17].

Включение потребительной деятельности в воспроизводство человека и общества определяется ее местом в основаниях производства. К. Маркс во «Введении» к «Критике политической экономии» характеризует потребление как уничтожающую материальное производство противоположность, как второй вид производства — потребительное производство, в котором производится и воспроизводится сам человек. «Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления,— писал К. Маркс,— человек производит свое собственное тело,— это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство» [18].

Из приведенного суждения К. Маркса важно выделить утверждение о широком значении потребления, объясняющее не только биологическое воспроизводство

человека, но и другие, не менее важные формы человеческой жизни посредством соответствующих разнообразных видов потребления и потребительного производства. Уже здесь заложена мысль о двойственной природе потребительного производства, включающего наряду с воспроизводством человеческой жизни как таковой и социальное производство. В этом же плане высказывался Ф. Энгельс относительно двух родов производства и воспроизводства непосредственной жизни: «С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»[19].

Суждения о втором роде производства впоследствии вызвали различные споры и толкования. В словах Ф. Энгельса одни увидели ограниченность материалистического понимания истории вследствие необходимости обращения к неэкономическому фактору. Другие пытались второй вид производства — потребительное производство — не включать в категории материалистического понимания истории, полагая, что для его объяснения вполне достаточно обращения к производству средств производства и средств к жизни*. Ф. Энгельс, разумеется, не отходил от материалистического понимания истории, в том числе и при объяснении развития первобытного общества. Во всех обществах производство выступает определяющим фактором. Подобно тому как недостаточно сводить стоимость просто к труду, а надо иметь в виду каждый раз его двойственную природу, так и производство выступает решающим фактором одновременно и в исходных, и в превращенных формах, т. е. как производство средств производства и самой жизни, причем не только социальной, но и биологической. Производство, конечно, обусловливает ход развития любого общества прежде всего посредством производства орудий труда. На этой основе возникло и развилось первобытное общество, и не кто иной, как Ф. Энгельс, на первое место ставил производство дикарем орудий**.

---

* Имеется в виду примечание от редакции, помещенное в прежних изданиях работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (М., 1949. С. 4).

** В письме Ф. Энгельса к Каутскому от 26 июня 1884 г. сказано: «Орудия дикаря обусловливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество.

Односторонним было бы и выпячивание производства второго рода, особенно сведение его к воспроизводству человеческой жизни посредством обычного потребления или деторождения, тем более противопоставление последнего производству вещей. Нет оснований, например, полагать, что развитие первобытного общества в решающей или огромной степени определялось условиями производства не материальных благ, а людей. Условия производства вещей являются и условиями воспроизводства самого человека. Нельзя, следовательно, считать, будто Ф. Энгельс внес такую поправку к формуле материалистического понимания истории, после которой определяющим моментом наряду с производством материальных благ должно считаться производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда производительность труда была слишком низкой.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса, с самого начала выступивших против сведения производства к процессу создания лишь вещей и рассматривавших его как производство общественных отношений и человека, потребление выступало необходимым моментом производства, придающим последнему свойство быть производством самой непосредственной человеческой жизни. Так, К. Маркс еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» отмечал, что труд производит не только товары, но и себя и рабочего. Труд и, следовательно, производственная жизнь оказываются средствами для удовлетворения человеческих потребностей, в том числе и потребности в сохранении физического существования [20]. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс производство собственной жизни, а также жизни других людей вместе с производством средств к жизни трактуют как три стороны, три совместно существующих момента общественного производства, социальной деятельности. Что касается производства жизни (как собственной, так и чужой), то оно с самого начала выступает двояким отношением: естественным и общественным [21].

Приведенные выше положения классиков марксизма-ленинизма относительно потребления как необходимого

Твой взгляд приводит к заключению, будто производство только *теперь* определяет общественный строй, но не определяло его до капиталистического производства, так как орудия еще не совершили никакого грехопадения» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 146).

момента общественного процесса производства должны быть положены в основу современных исследований по проблемам потребительного производства, интерес к которым в последнее время значительно возрос и уже появились первые обобщающие работы[22]. В них вполне справедливо подчеркивается широкий смысл потребительного производства, ни в коем случае не сводимого ни к физическому восстановлению человеческой жизни, ни тем более к детопроизводству в рамках семьи[23].

Потребительное производство, реализующее создаваемые средства к жизни, имеет дело прежде всего с воспроизводством личного фактора процесса труда — человека как субъекта всего общественного производства[24]. Но в этом процессе одновременно воспроизводится человек как совокупность всех общественных отношений и человек в его общественных связях и отношениях, что делает потребление социальным производством[25]. Социальным, однако, оно становится не потому, что выпадает из сферы экономического движения, а потому, что вне социального не могут происходить экономические процессы.

Правильное понимание потребительного производства (потребления) предполагает прежде всего четкое разграничение обычного процесса потребления и процессов, посредством которых производится и воспроизводится социальное содержание жизни, социальная определенность человека. Потребительное производство, не заменяя материальное производство, участвует в производстве и воспроизводстве человека и общества. Причем эти два вида производства не просто стоят рядом, а отражают единство процессов опредмечивания и распредмечивания.

Особого внимания заслуживает созидательная функция потребления. К. Маркс называл потребление *производством.* Обладание человека предметом в потреблении является способом развития его способностей. Это важно отметить, потому что нередко в литературе потребление фигурирует только как использование всего созданного производством, как его завершающая стадия. «Уничтожение» при потреблении жизненных средств их стоимости, а также то обстоятельство, что их цена и заработная плата работника не входят в процесс труда, иногда понимается как отсутствие здесь созидательного процесса вообще. Так, отдельные философы, справедливо указывая на необходимость трактовки производства

человека в форме «специфического процесса производства человеческих сил», все же полагают, что здесь в основе находится «не процесс потребления, а творческий, во всяком случае созидательный процесс, который хотя и сопровождается потреблением, но не сводится к нему, который, наконец, направлен не на простое потребление, а на развитие человеческих способностей»[26].

Потребление не менее созидательный, творческий процесс, чем производительный труд. Именно им воссоздается способность к труду, т. е. труд в возможности, потенциально, ибо «потребление порождает *способности* производителя»[27]. Только под влиянием представления о господстве меновой стоимости могло сложиться мнение о вынесении потребления за сферу воспроизводства или его ограничении производительным потреблением, восстанавливающим рабочую силу человека. Но даже согласно закону стоимости, стоимость потребляемых жизненных средств равна стоимости воспроизводимой на этой основе рабочей силы, т. е. из уничтожаемой в процессе потребления стоимости жизненных средств возникает равная ей стоимость рабочей силы, и, следовательно, в процессе потребления жизненных средств их стоимость не исчезает, а лишь превращается в иную форму, оставаясь той же по величине.

Потребление и потребительная стоимость по их созидательной силе превосходят силу созидающего стоимость труда, ибо в реализации жизненных средств в виде потребительной стоимости самой рабочей силы заложена творческая сила производительного труда, его способность производить не только эквивалент стоимости рабочей силы, но и избыток труда. Возможность создания новой человеческой силы заключена в потреблении — в развитии человеческих способностей. Потребление завершает акт производства лишь в том смысле, что уничтожает вещно-самостоятельную форму продукта. Но этим одновременно оно продолжает воспроизводственный процесс, поскольку повышает «посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства; оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и тот, благодаря которому производитель становится производителем»[28].

Через потребление индивид возвращается к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя

человек. Стало быть, потребление выступает моментом процесса производства, производством высшего, главного его результата — человека. Но без производства продукта потребление беспредметно, поэтому первое является господствующим и исходным моментом, а потребление — продолжением производительной деятельности.

Потребление есть и особая деятельность, в которой реализуется потребительная сила общества. Одна ее часть расходуется в процессе производительного субъективного потребления, в котором человеком затрачиваются способности к труду, другая — в непроизводительном потреблении, в котором восстанавливаются и расширяются человеческие способности. Непроизводительное потребление в этом отношении совпадает с непроизводительным трудом. Нет, следовательно, особой нужды называть потребительные силы производительными силами, так как первые не теряют своей созидательной роли*. Потребление выступает вторым после производительного труда источником воспроизводства человека.

О социальном значении этой деятельности в современной общественной науке пока сказано мало**. Чаще всего она исследуется в плане субъективных форм ее проявления: потребностей, интересов, ценностных ориентаций. Между тем, чтобы понять названные субъективные формы, надо исходить из объективного содержания процесса потребления, посредством которого, с одной стороны, они связываются с материальным производством, а с другой — воспроизводятся. Здесь важно подчеркнуть, что именно потребление воспроизводит потребность. Оно полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность и цель; создается потребность в новом производстве, т. е. идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой [29].

---

* Вряд ли можно признать целесообразным заключение о том, что «производительными силами производства второго рода являются средства производства (жизненные силы и биологическая природа человека как предмет производства) и жизненные средства (предметы потребления — пища, одежда, жилище и т. п.), с помощью которых осуществляется процесс восстановления и развития человеческих сил» (*Бородин Е. Т.* Указ. соч. С. 46).

** Имеются лишь первые попытки сформулировать законы индивидуального потребления в работах В. Т. Смирнова, И. Н. Шутова и др.

В потреблении процесс созидания самой потребности находит материальную основу. Потребление завершает процесс производства, превращая продукт в действительный продукт, оно делает его тем самым продуктом для *человека* и одновременно наделяет свойством полезности. Это свойство придает продукту потребление, поскольку оно входит в производственную деятельность в качестве необходимого момента и создает для продукта субъект с его потребностями, целями, мотивами. Вне реальной потребительной деятельности полезность продукта оказывается субъективным отношением, открывающим возможность для сведения ее к субъективной полезности, определяемой только потребностями, интересами, целями, ценностными ориентациями человека. Вот почему, на наш взгляд, не могут быть приняты предложения о том, чтобы сделать исходным отношение общественной полезности, или целевое отношение, возникающее между людьми по поводу цели производства. Общественная полезность, цель, потребность не могут служить исторически первичным отношением или стать всеобщей формой функционирования системы социалистических производственных отношений [30].

Обращение к человеку как к цели производства не означает, что он в качестве потребителя перестает быть формой бытия общества, его субстанции, а остается лишь духовным существом. Потребление как процесс не только уничтожения продукта, но и воспроизводства субъекта выступает объективным, материальным процессом. Именно на его базе осуществляется расширенное воспроизводство потребностей, происходит их постоянное возвышение.

Сказанное дает основание ввести потребление в полном объеме в предмет исследования общественных наук и тем самым создать прочную основу изучения потребностей, интересов, ценностных ориентаций. В первую очередь следует преодолеть недооценку отношений потребления как составной части производственных и всех общественных отношений. Даже в специальных работах, посвященных проблемам потребления, звено, связывающее продукт с субъектом, исключается из системы производственных отношений. Потребительное производство (индивидуальное потребление) предстает внеэкономической и внесоциальной стадией. На этой стадии, говорится в одной из работ, при использовании предмета ликвидируются его потребительные свойства

в целях воспроизводства самого человека. Поэтому, мол, личное потребление в данном случае становится объектом исследования биологии, медицины, психологии, т. е. превращается во внеэкономическую стадию, которая определяется как потребительное производство [31].

В современной экономической литературе почти не упоминается понятие «потребительное производство», им пользуются чаще всего философы. Такое отношение экономистов к потребительному производству обычно проистекает из пофазного деления производственных отношений (производство, распределение, обмен, потребление), которое хотя и дает формальное основание для отнесения потребления к названному ряду экономических категорий, но лишает его собственно экономического содержания. Потребление, поставленное в один ряд с производством, распределением и обменом, не может быть названо производственным отношением, если оно является отношением субъекта к потребляемому продукту, к вещи, и потому не обнаруживает отношения людей друг к другу по поводу потребления. Там же, где обнаруживается такое отношение, оно считается отношением людей по поводу присвоения. Последнее, осуществляясь на основе эквивалентного обмена, неизбежно поглощается отношениями собственности как классическими отношениями присвоения. В итоге получается, что в производстве создаются предметы в соответствии с потребностями, в распределении они разделяются между индивидами, в обмене доводятся до каждого индивида согласно отдельным потребностям, а в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления. Поэтому потребление, рассматриваемое в качестве конечного пункта и конечной цели движения, лежит, согласно этой концепции экономистов, вне политической экономии [32].

Желание исключить потребительную деятельность из предмета социально-экономических исследований, имеющих дело с материальными производственными отношениями, усиливается тем обстоятельством, что удовлетворение потребностей чаще всего фигурирует в виде цели производства, *идеального образа* его результата. Отношения же потребления, представленные в форме целевых отношений или субъективных предпочтений, не могут включаться в материальные экономические отно-

шения. Утверждается, например, что в фазе потребления личность становится как бы вне законов общества. В формах ее обычной жизнедеятельности все общественные отношения предстают в виде контактов личностей, их поведения и являются результатом их свободного выбора[33].

По этой причине в большинстве современных экономических работ потребительная деятельность (потребительное производство) остается без внимания, заменяется изучением потребностей в сопоставлении с производством материальных благ, а не с их потреблением. Чаще всего ограничиваются доказательством первичности материального производства по отношению к потребностям, возникающим из производства, хотя и оказывающим на него обратное влияние.

Если же говорится о процессе индивидуального потребления, то он или «прячется» в общем процессе производства — в отношениях присвоения посредством данной общественной формы, путем придания потребительной стоимости значения дохода, или же выносится за пределы собственно экономических отношений под тем предлогом, что потребление как антитеза производству лежит по ту сторону действия общественной формы труда, в нем есть лишь отношение субъекта к вещи и нет отношения человека к человеку. Отношение человека к вещи вполне укладывается в вещно-трудовую форму развития социально-экономических отношений, в категорию социального действия под названием «выбор», причем не только полезных свойств вещи, но и направлений экономического роста[34].

Включение потребления в систему общественных, прежде всего производственных, отношений основано на понимании производства как производства и воспроизводства человека. Тогда и цель производства получает вполне определенную форму реализации — реального человека с данным уровнем его потребностей, и отношения потребления обнаруживают себя в качестве одной из форм отношений людей по поводу собственного воспроизводства как субъектов. Производство и потребление уже не разделены как две крайности, как два объекта различных наук, а предстают двумя противоположными формами одной и той же сущности. Этим преодолевается ограниченность пофазного деления общественного производства и производственных отношений, а отношения потребления выявляют себя

как их продолжение, распространение на сферу потребительного производства.

Если производство понимать как воспроизводство человека, то оно не может быть представлено вне индивидуального потребления, которое с необходимостью выступает его внутренним моментом. В потреблении воспроизводственный процесс возвращается к человеку, с которого, как со своей предпосылки, он начинается. От труда этот процесс идет к продукту, а затем посредством потребления совершается переход от продукта к субъекту. Этим как бы завершается общий цикл воспроизводства общества на уровне его наличного бытия. Конечным пунктом воспроизводства будет уже не продукт, а сам человек как результат потребительного производства. Переход от человеческой деятельности к продукту (здесь опредмечивается труд) имеет своим источником производительный труд, а от продукта к человеку — потребительную деятельность, в которой распредмечивается опредмеченный труд.

Овладение предметом имеет своим следствием и воспроизводство общественного способа существования индивида, т. е. воспроизводство самого индивида не только в его непосредственной жизненности, но и в определенных социальных отношениях. В итоге конечное присвоение предметов в процессе их индивидуального потребления воспроизводит членов общества в тех отношениях, в которых они находятся друг к другу, — в их общественном бытии. Продукт в свою очередь только в потреблении становится действительным продуктом. Потребление, уничтожая продукт, придает ему завершенность. Продукт выступает не просто как овеществленная деятельность, а как предмет деятельности субъекта в потреблении. Потребительная деятельность оказывается продолжением производства, а потому ее законами являются законы производства, понимаемого как производство потребительной стоимости, предназначенной для удовлетворения человеческих потребностей.

Глава III

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Движение от человека к продукту, от последнего вновь к человеку подчиняется определенным законам. Ими не могут быть закон стоимости и его производные, поскольку речь идет о производстве потребительной стоимости, о воспроизводстве самого человека, который имеет дело не со стоимостью продукта, а с его качеством и количеством.

Каковы же эти законы, известны ли они науке?

В общей форме можно сказать, что теория производства потребительной стоимости и ее специфические законы еще не разработаны, хотя многие ее составляющие давно найдены. В домарксистских социальных и экономических учениях на эти законы «натыкались» чаще всего при поисках или общих основ всякого производства, или производства будущего общества, отличного от капиталистического. Так, классикам буржуазной политической экономии приходилось заниматься анализом взаимодействия конкретного труда с создаваемой потребительной стоимостью, т. е. рассматривать труд источником не только стоимости, но и вещественного богатства, состоящего из массы потребительных стоимостей.

У А. Смита это взаимодействие было представлено в форме соответствия между разделенным на качественно различные виды трудом (сосуществующим трудом) и различными потребностями общества. Представители социалистических школ, например Сисмонди, в этом законе видели основной принцип будущего производства, полагая, что там стоимость, выражая необходимое рабочее время, будет сводиться к отношению между потребностями всего общества и количеством труда, которого достаточно, чтобы удовлетворить данные потребности[1]. В этом же духе высказывался Ф. Энгельс в первой экономической работе, противопоставляя буржуазному толкованию стоимости ее определение как отношение издержек производства к полезности[2].

В той мере, в какой труд сопоставляется с производимой им потребительной стоимостью, обнаруживается необходимость определенного соотношения между наличными потребностями общества и количеством разнообразного труда, идущего на их удовлетворение. Это обстоятельство позволило К. Марксу сформулировать данное соотношение в виде закона: «Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта *необходимость распределения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства,— измениться может лишь форма *ее проявления*»[3].

В любом товарном производстве формой осуществления указанной необходимости выступает меновая стоимость, а регулятором соответствующей пропорциональности — закон стоимости. Вместе с тем закон стоимости, товарная форма общественного производства не исключают общей необходимости определенного соответствия между массой подлежащих удовлетворению потребностей и нужными для этого количества различными видами труда. Более того, закон стоимости в снятом виде предполагает действие этой необходимости, имеющей значение закона природы. В товарном производстве заключен момент подчиненности производства потребностям, поскольку потребительная стоимость товара является условием реализации его меновой стоимости, т. е. предпосылкой стоимости выступает потребительная стоимость.

Из данного условия следует, что если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость определенной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продуктах каждого рода, и, следовательно, от того, в соответствии ли с этой общественной потребностью распределен труд между отраслями производства. Здесь долю общественного времени, приходящегося на ту или иную сферу производства, определяет общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе. Это, по мнению К. Маркса,

«все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости» [4].

Известна и более конкретная трактовка взаимодействия производства и потребления. Так, Ф. Энгельс в ранней политэкономической работе «Наброски к критике политической экономии» обратил особое внимание на соотношение затрат труда на продукт и его полезности. После уничтожения частной собственности, согласно Ф. Энгельсу, противоположность стоимости и потребительной стоимости из сферы обмена переносится в сферу производства и выражает уже отношение издержек производства вещи к ее полезности. «Общество, — писал он, — должно будет рассчитать, что́ можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением этой производительной силы к массе потребителей определить, насколько следует повысить или сократить производство, насколько следует допустить или ограничить роскошь» [5].

К. Маркс, конспектируя данную статью Ф. Энгельса, выделяет его суждение о том, что стоимость есть отношение издержек производства к полезности, что она применяется прежде всего при решении вопроса о том, следует ли вообще производить, покрывает ли полезность издержки производства [6]. Отмечая незрелость этой своей статьи, Ф. Энгельс впоследствии защищал мысль о взвешивании полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве (этот момент определения стоимости, по его мнению, сохраняется в коммунистическом обществе). В то же время он писал, что «научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря «Капиталу» Маркса» [7].

Выявить это обоснование — задача важная и еще не решенная. Очевидно, что для производства, имеющего целью большее удовлетворение потребностей общества, указанное положение Ф. Энгельса приобретает особую значимость. Проблема состоит в том, чтобы закон потребительной стоимости сделать средством анализа не только исторических предпосылок социалистического производства, но и его собственного функционирования. Таким средством он еще не стал, т. е. данный закон еще мало используется для объяснения

движения общей основы воспроизводства социалистического общества.

1. ПРИОРИТЕТ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ

В производстве, рассматриваемом в качестве процесса создания вещного богатства, потребительных стоимостей, предпосылкой определения объемов производства выступает человек с его потребностями, т. е. потребитель. Это является необходимым моментом закона потребительной стоимости и отличием его от закона стоимости.

В условиях капиталистического производства, как известно, потребление самого производителя определяется общественно необходимым рабочим временем, затрачиваемым им на производство продукта, равного стоимости его рабочей силы. В обществе, где производство подчинено удовлетворению потребностей, «потребление уже не будет определяться *минимумом* времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета»[8].

Рабочее время в этом случае, взятое как затрата труда вообще, не может определять потребление потому, что не выражает специфическую потребительную стоимость продукта, на производство которого оно тратится. Последняя определяется качеством конкретного труда, затрачиваемого на ее производство. Что касается массы потребительных стоимостей, нужных для удовлетворения данного объема потребностей, то она зависит от производительности конкретного труда, а не просто от его продолжительности. Рабочее время может сокращаться, доходить до определенного минимума, но это не значит, что будет сокращаться масса потребительных стоимостей, а потребление индивидов будет доводиться до минимума. Таковыми могут быть лишь условия и последствия производства стоимости, регулирующего потребление производителей посредством необходимого рабочего времени, затрачиваемого ими на воспроизводство собственной рабочей силы. Именно для аналогичных условий доля каждого производителя в жизненных средствах определяется необходимым рабочим временем, которое служит мерой

индивидуального участия в труде и в индивидуально потребляемой части продукта.

Вместе с тем производство стоимости не снимает границ, диктуемых потребительной стоимостью. Во-первых, предпосылкой стоимости товара остается ее потребительная стоимость, т. е. если товар не будет обладать потребительной стоимостью и не найдутся его потребители, то он перестанет быть стоимостью. Остается в силе закономерность, в «соответствии с которой общественное признание произведенного товара как стоимости осуществляется прежде всего через его признание в качестве потребительной стоимости непосредственными производителями»[9]. Во-вторых, пропорции распределения труда, согласно наличным потребностям, устанавливаются на основе меновой стоимости. Там, где рабочее время регулирует потребление и, следовательно, определяет соответствие производства продукта существующим потребностям, это соответствие является результатом действия закона стоимости в форме взаимодействия спроса и предложения. Пропорциональная доля данного продукта во всем совокупном производстве устанавливается не просто продажей данного продукта по цене, равной стоимости, а на основе колебания цен вокруг его стоимости.

Иное дело, когда потребление и потребности определяют нужное для производства рабочее время. Здесь потребительная стоимость из предпосылки, ограничителя меновой стоимости превращается в ведущее начало для определения размеров производства. Его пределы определяются не движением меновой стоимости, а необходимостью удовлетворения потребностей общества: расширение или сокращение производства обусловливаются его отношением к общественным потребностям, к потребностям человеческого развития. «Как только меновая стоимость, — писал К. Маркс, — перестанет составлять предел для материального производства и его предел будет определяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями»[10].

В основе производства и воспроизводства развитого человека заключено общественное отношение между потребительной стоимостью, общественными потребностями, подлежащими удовлетворению определенной массой полезных предметов, с одной стороны, и трудом, который должен быть затрачен на производство этих

продуктов, — с другой. Это отношение исторически приходит на смену отношению между стоимостью и людьми как товаропроизводителями. Оно приобретает всеобщую форму с развитием коммунистической общественно-экономической формации, в которой общественное производство регулируется непосредственно потребностями общества и совершается под его контролем.

Но если потребление, потребности определяют вторую сторону выражаемого законом отношения — *рабочее время,* или затраты труда, необходимые для удовлетворения наличных потребностей, то не будет ли это время величиной стоимости продукта, нужного для потребления, и тогда потребительная стоимость явится определителем стоимости, т. е. стоимость продукта будет определяться его полезностью, его потребительной стоимостью. Если идти от рабочего времени, необходимого для производства продукта, к его отношению к потребностям человека в продукте и полагать, что первое соответствует вторым, то нельзя ли стоимость выразить через потребительную стоимость и на этом кончить дело, сохраняя старую основу — стоимость?

К такому выводу можно прийти, полагая, что труд обладает стоимостью, а не только определяет ее величину. Если исходить из того, что полезность продукта определяет трудовые затраты на его производство, а затраты труда принимать как стоимость, то стоимость логично определить как отношение издержек производства к полезности продукта, т. е. через его потребительную стоимость. Однако К. Маркс пришел к выводу, что труд не может иметь стоимость, таковой обладает в условиях капитализма не труд, а рабочая сила. Что касается живого труда, то он выступает лишь потребительной стоимостью рабочей силы.

Буржуазные теоретики не восприняли этот вывод К. Маркса. Они предложили специальную теорию об измерении стоимости полезностью, с тем чтобы лишить труд функции определителя величины стоимости. Но пока сохраняется производство, целиком основанное на стоимости, оно не может регулироваться полезностью производимого продукта. К. Маркс и Ф. Энгельс выступили против подмены стоимости потребительной стоимостью, против отождествления стоимости вещи, определяемой трудом, со стоимостью, определяемой ее полезностью, а величины стоимости, измеряемой рабочим временем, со степенью (пределом) полезности.

«Самой модной теорией, — писал Ф. Энгельс, — считается здесь в настоящее время теория Стэнли Джевонса, согласно которой стоимость определяется *полезностью,* то есть меновая стоимость = потребительной стоимости, а, с другой стороны, пределом предложения (то есть издержками производства), что есть просто запутанный и окольный способ сказать, что стоимость определяется спросом и предложением. Вульгарная политическая экономия везде и всюду!» [11]

Когда говорится о затратах труда, которые определяются потребительной стоимостью продукта и соответствующими потребностями в нем людей, то труд и его затраты понимаются не в качестве стоимости. Труд в этом случае рассматривается как источник не стоимости, а потребительной стоимости, и не имеет никакого смысла апеллировать к среднему общественному труду, ибо он несопоставим с полезными свойствами продукта, с его потребительной стоимостью. Но это не значит, что между трудом-нестоимостью и количеством (качеством) нужного для потребления продукта не возникают отношения соответствия или другие связи, позволяющие их сопоставлять.

Качественно разнообразные потребности в специфических продуктах предполагают соответствующие конкретные виды труда, и в этом смысле потребности определяют свойства конкретного труда: количественная дифференциация труда соответствует дифференциации объемов потребностей. Взаимодействие потребления и производства реализуется в общем законе, согласно которому совокупный общественный труд распределяется в зависимости от различных потребностей общества в тех или иных предметах или услугах. Его можно рассматривать как закон разделения конкретного труда, производящего потребительные стоимости и выражающего совокупность различных видов деятельности, соответствующих разнообразным человеческим потребностям.

Между трудовыми затратами и определяющими их потребностями в предметах возникают также количественные зависимости и отношения. Рабочее время, необходимое для производства продукта, удовлетворяющего данную массу потребностей, приобретает количественную характеристику: определенное количество продуктов и объем потребностей требуют определенного количества конкретного труда того или иного вида.

Рабочее время, следовательно, остается необходимым полюсом экономического отношения, сохраняет свое значение, но выступает уже в другой роли: показывает, сколько затрачивается труда на получение полезного эффекта от продукта как средства производительного или индивидуального потребления. Взвешивание трудовых затрат и полезного эффекта при решении вопроса о производстве — вот «что остается в коммунистическом обществе от такого понятия политической экономии, как стоимость...» [12].

Рабочее время не перестает быть созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, необходимых для его производства. Не теряет оно и функции регулятора развития производства: «...*никакая форма* общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство» [13]. Посредством его планомерного распределения между отраслями народного хозяйства общество устанавливает надлежащее соотношение трудовых функций и различных потребностей.

После уничтожения капиталистического производства, отмечал К. Маркс, определение стоимости, выражающее общественный характер производства, остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства становятся важнее, чем когда бы то ни было [14]. Обществу приходится строго учитывать общественное рабочее время, поскольку это вытекает из общественного характера труда. За стоимостью, если даже она исчезает, остается общеэкономическое содержание: стоимость товара выражает в исторически определенной форме то, что существует во всех общественных системах, а именно общественный характер труда, затрата общественной рабочей силы [15].

Однако определение количества общественно необходимого рабочего времени, каким бы обязательным и строгим оно ни было, относится здесь к потребительной стоимости, а не к меновой. Мера издержек, необходимых для производства, предполагает, что этим производством является созидание потребительной стоимости. Рабочее время, хотя и является общественно необходимым, не выполняет функции определителя стоимости полезных свойств продукта. Отношение рабочего вре-

мени к потребительной стоимости продукта не выражает и его стоимости, оно может служить лишь формой установления количественной определенности между производительной и потребительной силой общества.

Это обстоятельство необходимо особо подчеркнуть, ибо под влиянием теории стоимости некоторые авторы пытаются истолковать рабочее время только как определитель стоимости. Достаточно оптимальные затраты труда приравнять к общественной полезности его продукта, как взаимосвязь потребительной стоимости с рабочим временем переводится в плоскость закона стоимости. Если, например, утверждается, что общественная полезность благ равна общественно необходимым затратам труда на их производство, то это будет определением их стоимости посредством их общественной полезности [16]. Не случайно поэтому категорию полезности предлагают выражать стоимостными показателями: ценой, прибылью, рентой [17].

К. Маркс в свое время показал несостоятельность утверждения, что меньшие затраты труда равны (пропорциональны) большей общественной полезности их продукта. «Г-н Прудон, — писал он, — действительно старается доказать, что рабочее время, необходимое для производства продукта, выражает истинное отношение его к потребностям, так что вещи, на производство которых требуется наименьшее количество времени, имеют наиболее непосредственную полезность, и так далее, в том же порядке» [18]. Но утверждать так, поясняет К. Маркс, — значит считать, что самые дешевые продукты должны обладать самой большой полезностью, и говорить рабочему, что для него картофель полезнее мяса, а водка — еще полезнее, поскольку ее производство требует еще меньшего труда [19]. Потребительные стоимости, не имеющие между собой абсолютно никакой общей меры, не могут оцениваться по степени своей полезности как меновые стоимости, т. е. считаться дешевыми или дорогими в зависимости от степени их полезности или наоборот. Они не могут быть пропорциональными относительно затрат абстрактного труда, ибо тогда они превращаются из потребительных стоимостей в меновые, которые безразличны к потребностям людей и натуральным особенностям предметов.

Общественно необходимое рабочее время в смысле времени, расходуемого обществом на удовлетворение данного объема потребностей людей, т. е. рабочее вре-

мя в сопоставлении с потребительной стоимостью, с полезным эффектом, не выступает стоимостью данной потребительной стоимости. «Такого рода *необходимый* труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой стоимости. Это означает, что речь здесь идет не о рабочем времени, необходимом для того, чтобы создать ту или иную стоимость, которая может быть сведена к сумме продуктов, необходимых рабочему для его существования; речь здесь идет об относительной необходимости потребностей, удовлетворяемых продуктами различных видов труда» [20].

Однако отсюда не следует, что необходимое рабочее время, взятое по отношению к потребительной стоимости продукта, перестает быть количественным выражением общественного труда как такового, израсходованного на создание данного продукта. Время будет измерителем труда, сведенного к общему основанию. В данном случае оно выражает обычную трудоемкость производства продукта. Для определения количества общественного труда, заключенного в продукте, не требуется приложения особой, окольным путем найденной меры — стоимости. Подсчет труда, затраченного на производство продукта данного количества и качества, осуществляется в естественной и абсолютной его мере — рабочим временем: количеством проработанных человеко-дней, человеко-часов при известной продолжительности рабочего дня. Все это делается при обычных расчетах производительности труда.

2. ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕЗНОСТИ ПРОДУКТА И ТРУДОВЫХ ЗАТРАТ

Чтобы измерить полезный эффект продукта, недостаточно определить время, необходимое для его производства. Надо еще найти объективную меру, посредством которой можно установить полезный эффект продукта и соответствующую основу для его соизмерения с трудовыми затратами.

Решение этой задачи в рамках закона стоимости сводится к сопоставлению степени полезности, в частности предельной, с трудоемкостью продукта, а также к установлению соответствующей пропорциональности между ними. «Стоимостной критерий предполагает, что все наличные платежеспособные потребности одинаково значимы и подлежат удовлетворению в равной мере...

Именно поэтому в конечном счете предельные полезности благ оказываются пропорциональны их трудоемкости»[21].

По-иному ставится данная проблема в рамках закона потребительной стоимости. Она считается одной из самых сложных, поскольку ее решение связывается с выходом за пределы трудовой теории стоимости[22]. Закон потребительной стоимости регулирует производство так, что мера удовлетворения потребностей не определяется трудоемкостью производства соответствующих продуктов, а, наоборот, полезный эффект последних диктует объем трудовых затрат на их производство. Чтобы определить эти затраты, надо сначала соизмерить полезные эффекты различных продуктов между собой, а затем сопоставить их с трудовыми затратами. Как и на какой основе это можно сделать?

Ясно, что такой основой может быть только труд. «Нельзя соизмерить потребительные стоимости сами по себе, в отрыве от труда: всякая попытка соизмерять продукты труда без учета затрат труда — это отступление от основного принципа марксистской политической экономии»[23]. Однако этими затратами не может быть количество прошлого труда, воплощаемого в тех или иных предметах, ибо в этом случае мы имели бы дело с определением их стоимости. Чтобы избежать этого, М. П. Осадько предлагает соизмерять потребительные стоимости не просто по затратам труда, а по их эффективности, т. е. виды труда, затрачиваемые на производство различных потребительных стоимостей, «необходимо соизмерять по их эффективности»[24]. Потребительные стоимости в этом случае выводятся за процедуры соизмерения, поскольку считается, что всякая попытка соизмерить продукты не по труду, а по их потребительскому эффекту, понимая под последним степень полезности, обречена на неудачу.

Но можно ли, заменяя количество трудовых затрат их эффективностью, обойтись без измерения и соизмерения потребительского эффекта самих продуктов, их полезности? Нам представляется, что нельзя обходить данный вопрос, поскольку это не ведет к решению задачи. Оценка потребительных стоимостей по эффективности затрат труда на их производство важна при распределении самого труда в зависимости от наличных потребностей общества. Однако в ней учитывается эффективность труда, а не его продукта. Производитель-

ность труда является показателем количества продукта, нужного для удовлетворения потребностей, а не его качества, его полезности для индивидуального потребления. Последняя же связана с качеством конкретного труда, с его реализацией в особых, полезных свойствах продукта. Соизмеряя полезные свойства продукта, надо помнить, что основой здесь выступают не затраты прошлого труда, не его производительность, а сэкономленный труд.

Соизмерению подлежат два полюса одного и того же труда как источника потребительной стоимости: на одном из них труд, реализованный в полезных свойствах продукта (конкретный труд) и выраженный мерой его полезного эффекта, на другом — количество затрат времени (естественная мера труда) на производство продукта с данным полезным эффектом. Сравниваются, следовательно, полезный эффект продукта и затраты труда на его достижение. Сравнение идет на одной и той же объективной основе — по труду. Задача сводится к тому, чтобы найти меру труда, создающего полезный эффект продукта, и этот эффект сравнить с количеством затраченного на его достижение рабочего времени. Она должна быть решена в рамках закона потребительной стоимости, являющегося законом движения конкретного труда, который служит источником потребительно-стоимостного богатства. Это богатство составляют прежде всего предметы индивидуального потребления, полезный эффект которых необходимо определить в единицах труда. На наш взгляд, этим трудом является не затраченный на достижение такого эффекта труд, а труд сэкономленный, высвобожденный. Эффектом потребления продукта в данном случае выступает сбережение будущего труда. Оно может определяться следующим образом.

Известно, что продукты производства, не предназначенные для личного потребления, остаются внутри производства, подвергаясь производительному потреблению. Из производства выходят и попадают в сферу индивидуального потребления только предметы личного потребления, которые образуют так называемый жизненный фонд общества. Результатом его потребления, как было показано, является человек, воспроизводство многих его свойств, в том числе главного — способности к труду, его рабочей производительной силы. Следовательно, полезный эффект потребления заключается в

потребительной стоимости рабочей силы, доставляющей труд, причем труд прежде всего для воспроизводства самих людей.

Но дело не только в том, чтобы воспроизвести самого работника. Объем доставляемого труда должен быть больше объема труда, затраченного на воспроизводство рабочей силы работника; это необходимо для роста населения, создания новых средств труда и удовлетворения других потребностей общества. «...Потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для ее воспроизводства»[25]. Производительное население доставляет определенное количество труда, часть которого расходуется на воспроизводство населения, а часть, оставшаяся сверх нужд на его воспроизводство, представляет собой избыток производительного труда.

Избыток количества труда, если отвлечься от потребительной стоимости применяемых в труде технических средств, связан с тем, что в процессе потребления человек развивает свои способности и производительную силу своего труда, т. е. совершенствует субъективные производительные силы, проявляющиеся как его свойства. В результате труд более высокой производительности высвобождает определенное количество живого труда, которое остается от затрачиваемого на воспроизводство его собственной рабочей силы. Образуется, следовательно, разница между прошлым трудом, заключенным в рабочей силе, и трудом, выполняемым ею. Она и служит мерой потребительной стоимости рабочей силы. Потребительная стоимость произведенных продуктов, находя свое выражение в потребительной стоимости рабочей силы, в конечном счете реализуется в производительной силе человека — субъективного фактора производства.

Исходным основанием для определения потребительной стоимости рабочей силы общества в каждый данный момент времени является разность между производительным и непроизводительным населением. В общем случае потребительная стоимость рабочей силы ($П_р$) измеряется количеством высвобождаемого ею (благодаря ее производительности) живого труда, взятого по отношению к труду, расходуемому на ее собственное производство:

$$П_p = Т_2 — Т_1,$$

где $Т_2$ — количество высвобождаемого рабочей силой живого труда при производстве данного объема продукции; $Т_1$ — количество труда, затрачиваемого на воспроизводство самой рабочей силы.

Количество высвобождаемого живого труда устанавливается на основе сопоставления количества труда (работников), необходимого для производства данного объема продукции при сохранении исходной производительности субъективного фактора, и количества труда, нужного в условиях повышения этой производительности:

$$Т_2 = Ч_1 — Ч_2,$$

где $Ч_1$ — количество труда, нужного для производства данного объема продукции при базовом уровне производительности рабочей силы; $Ч_2$ — количество труда, расходуемого на производство того же объема продукции при повышении потребительной стоимости рабочей силы, т. е. при росте производительности субъективного фактора в последующий период.

В объем сэкономленного живого труда включается экономия, получаемая от повышения потребительной стоимости рабочей силы за счет потребления не только материальных, но и духовных благ, а также различного рода услуг, оказываемых работнику. Среди них особое место занимают образование и медицина, во многом определяющие повышение потребительной стоимости рабочей силы.

Абсолютный полезный эффект рабочей силы образуется из той экономии живого труда, которая получается после вычитания из всего высвобождаемого труда затрат, идущих на воспроизводство самой рабочей силы. Их величина ($Т_1$) будет соответствовать объему труда, занятого в непроизводственной сфере по обслуживанию воспроизводства рабочей силы.

К продуктам, общественная полезность которых нуждается в определении, относятся, безусловно, и продукты производительного потребления — средства производства. Их полезный эффект реализуется также в их потребительной стоимости. Так, потребительная стоимость техники, или ее производительная способность (способность участвовать в создании продукта как потребительной стоимости), выявляется в усилении производительной способности работника. Техника заменя-

ет определенные функции работника и освобождает людей, их выполняющих. «...Замещение ею (машиной. — *В. Е.*) человеческого труда, — писал К. Маркс, — и есть ее потребительная стоимость...» [26]

Замена, или высвобождение, человеческого труда, живого труда, создающего продукт, образует ту единую основу, с помощью которой могут быть соизмерены различные технические средства как потребительные стоимости. Количества высвобождаемого труда составляют величины потребительных стоимостей различных машин, и эти величины количественно сравнимы. В этом случае мы остаемся в плоскости отношений потребительной стоимости, не обращаясь к стоимости техники. «Потребительная стоимость машины... — отмечал К. Маркс,— не определяет ее стоимости, последняя определяется трудом, необходимым для ее собственного производства» [27].

Высвобожденный человеческий труд, чтобы быть измерителем производительности данной машины, должен быть сопоставлен с трудом, затраченным на разработку и производство этой машины. Если прошлого труда, реализованного в машине, больше, чем живого труда, который она замещает, то она в качестве потребительной стоимости теряет свое значение: живой труд по своей дееспособности более эффективен, чем предназначенная для его замены техника. Следовательно, производительность машины должна характеризоваться не общим количеством высвобождаемого труда, а тем его количеством, которое остается после вычитания прошлого труда, затраченного на производство машины, т. е. абсолютным количеством высвобождаемого труда. Чем больше разница между высвобождаемым машиной живым трудом и прошлым трудом, израсходованным на ее производство, тем выше потребительная стоимость машины, ее производительность.

Потребительную стоимость ($П_{сп}$) средств производства можно выразить формулой

$$П_{сп}=Т_2—Т_1,$$

где $Т_2$ — количество живого труда, высвобождаемого машиной, при производстве данного объема продукции; $Т_1$ — количество прошлого труда, израсходованного на разработку и производство машины.

Количество высвобождаемого труда ($Т_2$) определяется путем сопоставления количества труда (работни-

ков), необходимого для производства заданного объема продукции без применения машины и с ее применением:

$$T_2 = Ч_1 - Ч_2,$$

где $Ч_1$ — количество труда, расходуемого на производство данного объема продукции без применения машины; $Ч_2$ — количество труда, затрачиваемого на этот же объем продукции с применением машины *.

Чтобы сопоставить высвобождаемый машиной живой труд с трудом, затраченным на ее производство, необходимо этот прошлый труд измерять в тех же естественных единицах меры труда — в единицах рабочего времени (человеко-час, человеко-год), которые одинаковы как для живого, так и для прошлого труда. Прошлый труд, реализованный в машине, в этом случае выступает как трудоемкость ее производства.

С этой точки зрения исчисление трудоемкости средств производства является обязательным условием определения их производительности (потребительной стоимости). И наоборот, отсутствие этого показателя учета затрат труда серьезно затрудняет функционирование хозяйственного механизма, основанного на отношениях потребительной стоимости. Поэтому приходится обращаться к «услугам» стоимости и сопоставлять стоимость техники с количеством высвобожденного ею живого труда, т. е. с потребительной стоимостью.

Но возможно ли в принципе такое сопоставление? С одной стороны, известно, что производительность техники и ее стоимость — это разные вещи, одно не определяет другое (например, производительность машин не зависит от их стоимости). С другой стороны, и стоимость, и потребительная стоимость могут быть сведены к одноименной величине, к количеству реализованного в них труда, ибо и прошлый, и живой труд имеют одну и ту же меру — время. Правда, в случае с меновой стоимостью это будет не время затраченного прошлого труда, а общественно необходимое, общественно среднее рабочее время. Но и оно может быть соизмерено с производительностью машины — высвобождаемым количеством живого труда — хотя бы как минус по отношению к ее производительности [28].

---

* Когда речь идет о труде, затрачиваемом без применения данной машины, то имеются в виду или его затраты при использовании старой, замененной машины, или затраты ручного труда (нормативы, стандарты затрат ручного труда на производство заданного объема продукции).

Отсюда следует, что количество труда, затраченного на разработку и производство машины, приобретает важное значение для определения относительного объема высвобожденного ею живого труда, т. е. потребительная стоимость машины выражается отношением экономии, получаемой от применения данного средства, к труду, затраченному на его изготовление. «По существу,— замечал В. А. Медведев,— это изменение отношения между потребительной стоимостью и стоимостью средства производства, их сравнительная динамика» [29].

К сожалению, такая оценка потребительной стоимости средств производства не получила в нашей литературе теоретической интерпретации, хотя на практике количество рабочей силы, высвобождаемой за счет повышения технического уровня производства, нередко используется для оценок потребительной стоимости (производительности) средств производства [30]. Можно указать, например, на практику планирования производительности труда, когда экономия затрат труда в результате механизации, автоматизации производства или внедрения передовой технологии и нового оборудования определяется путем сравнения численности работников, необходимой для производства планового объема продукции при неизменном техническом уровне, с их численностью при внедрении новой техники и технологии.

Когда речь идет о выборе различных вариантов технических средств, в частности новой и старой техники, то для оценки их сравнительной эффективности в плане их потребительной стоимости высвобождаемое количество труда необходимо сопоставлять с трудом, затрачиваемым на создание технических (технологических) новшеств, т. е. получать и сравнивать абсолютные величины их полезного эффекта. Более эффективным будет то средство производства, которое высвобождает большое количество живого труда, т. е. дает наибольшую разницу между высвобождаемым трудом и затрачиваемым прошлым трудом.

Подобным же образом определяется потребительная стоимость другой важнейшей части вещественного фактора производства — применяемых материалов и предметов труда вообще. Воздействие науки на эффективность этих средств производства в значительной мере реализуется в повышении их потребительной стоимости, а в более широком смысле — в использовании полезных

свойств ресурсов, новых природных сил, материалов и т. д. Их потребительная стоимость в конечном счете сводится к экономии живого труда, которая опять-таки должна сопоставляться с затратами прошлого труда, связанными с использованием данного предмета труда. Если в качестве природного ресурса, предмета или силы природы они не содержат прошлого труда (поскольку не имеют стоимости), то их использование обычно сопровождается затратами труда. Последние должны также вычитаться из высвобождаемого в результате их применения живого труда. Экономия может увеличиваться также за счет рационального использования сырья, материалов и прошлого труда, затрачиваемого на их производство.

Итак, полезный эффект жизненных средств и средств труда, рассматриваемый в рамках производства потребительных стоимостей, может быть сведен к единой мере — количеству высвобождаемого труда. Оно служит тем общим основанием, по которому можно измерять потребительные стоимости различных продуктов (начиная с предметов личного потребления и кончая предметами производственного назначения), соизмерять их полезные эффекты как между собой, так и с трудовыми затратами на их достижение. Это позволяет преодолеть попытки соизмерения потребительных стоимостей путем их сведения к единице полезности, т. е. попытки непосредственного соизмерения потребительных стоимостей с их качественной стороны без предварительного сведения к одинаковому основанию, без качественного приравнивания друг к другу. «Забывают, — отмечал К. Маркс,— что величины различных вещей делаются количественно сравнимыми только после сведения их к одному и тому же единому началу. Только как выражения одного и того же единого начала они являются одноименными, а потому и соизмеримыми величинами» [31].

Чтобы различные потребительные стоимости могли быть приравнены друг к другу в количественном отношении, должно быть найдено нечто такое, что выражало бы их единое качество и разными количествами которого они являлись бы. Когда же не соблюдается это условие, то соизмерение потребительных стоимостей уподобляется процедуре нахождения величины тяжести у самой тяжести, величины полезности у самой полезности посредством «единицы» соответствующего качест-

ва, например «веса» самой тяжести или «предела» самой полезности. Очевидно, что подобные процедуры не имеют смысла.

Качественно одинаковым не может быть затраченный на производство продуктов конкретный труд, ибо тогда мы имели бы дело не с потребительной стоимостью, а со стоимостью продуктов, т. е. их потребительные стоимости были бы сведены к стоимости. Но единым началом для потребительных стоимостей продуктов, если имеется в виду материальное производство, не может не быть труд. Однако им является высвобождаемый труд, а не прошлый, затраченный. Следовательно, трудовая основа сохраняется и для объяснения движения потребительных стоимостей продуктов. Что касается прошлого труда, с которым сопоставляется высвобождаемый живой труд, то потребительная стоимость продукта как бы сопоставляется с тем общим, что лежит в основе меновой стоимости и имеет место в каждой формации, и с тем, что остается от стоимости в коммунистическом обществе.

Полезный эффект в виде высвобождаемого труда есть не что иное, как производительная сила труда, рассчитанная на основе закона потребительной стоимости. При этом затраты труда сопоставляются не с произведенной массой потребительных стоимостей, а с высвобождаемым живым трудом, тем самым потребительная сила общества выражается через его производительную силу. Полезный эффект всех факторов производства суммируется в производительной силе применяемого живого труда, т. е. предполагается, что продукт создается не средствами производства, а живым трудом при помощи средств производства. При таком подходе можно установить долю участия в общей экономии труда различных факторов, например средств производства и субъективного фактора повышения потребительной стоимости рабочей силы. В таком ракурсе, отмечает В. Н. Черковец, становится правомерной постановка вопроса о значении разнообразных факторов в определении уровня производительности труда, об измерении их вклада в ее повышение[32].

Итак, потребительные стоимости, или полученные эффекты различных продуктов производства, могут быть соизмерены на основе высвобождаемого труда, в котором проявляется производительная сила труда, отражающая потребительную силу общества. Высвобож-

даемый труд является не только показателем производительной силы общества, извлекаемой из потребительной стоимости объективных и субъективных факторов производства, но и критерием превращения этой производительной силы в потребительную силу общества. Таким он выступает тогда, когда превращается в свободное время общества и человека, реализующееся в развитии человека.

3. ЗАКОН ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА

Производство потребительной стоимости, по нашему мнению, подчинено иному закону, чем производство стоимости,— закону потребительной стоимости, который выражает связь предпосылок и результатов данной формы производства — производства продукта и потребительного производства как его необходимых звеньев.

В современной литературе в такой трактовке данный закон не встречается. Вместе с тем возникает нужда в общем законе, который отражал бы исходные общие основания производства, направленного непосредственно на удовлетворение человеческих потребностей. Например, эффективность социалистического производства нередко выводится из сопоставления производства и потребления. Об этом свидетельствуют работы, авторы которых конечным социально-экономическим эффектом производства считают фонд индивидуального потребления. Соизмерение последнего с затратами труда по существу основывается на законе потребительной стоимости, а результаты этого соизмерения объявляются критерием социально-экономической эффективности производства. По мнению В. С. Вечканова, эффект социалистического производства «связан с увеличением производства жизненных средств и сбережением рабочего времени» [33].

В последнее время все настойчивее ощущается необходимость перевести механизм измерения производительности труда из плоскости стоимости в плоскость потребительной стоимости, натурального выражения национального дохода. Это требует соответствующей перестройки теории и мышления членов общества. Зачастую думают, отмечал М. С. Горбачев, не о национальном богатстве, не о его натуральном выражении, а о «вале»,

который в денежном выражении растет, а изделий, техники не хватает[34].

В печати появились попытки теоретического осмысления этой выдвигаемой жизнью проблемы. Так, В. Т. Смирнов считает, что объективная необходимость повышения степени общественной полезности результатов и затрат всех видов конкретного труда в целях достижения высокой производительности и потребительной силы общества может быть выражена законом общественной полезности, как он его называет[35]. На наш взгляд, в первой части формулировки этого закона разговор идет о росте эффективности производства, ибо повышение общественной полезности затрат и результатов очень близко по содержанию к росту производительности труда. Этот рост связан, безусловно, с повышением степени общественной полезности факторов труда. Вторая часть формулировки, где говорится об оптимальном соотношении производительной и потребительной силы общества, более соответствует обсуждаемому закону.

С помощью категории «общественная полезность» пытаются выразить общественное отношение по поводу воспроизводства продуктов, наиболее соответствующих системе общественных потребностей и приоритетов, и учесть народнохозяйственную трудоемкость. Слабым местом в определении данной категории остается, как нам кажется, ее замыкание на потребляющего субъекта, его отношение к потребляемой вещи — к ее потребительной стоимости, а трудовые затраты лишь учитываются. Возникает определенная односторонность в самом отношении «субъект — вещь», где центральным оказывается субъект, а полезность вещи выступает инобытием субъективной оценочной деятельности человека, формой существования общественной полезности. Поэтому нам представляются вполне резонными возражения против введения категории общественной полезности наряду с категорией потребительной стоимости. Конечно, продукт становится общественной потребительной стоимостью только в силу его полезности для общества, человека, но этого недостаточно для конструирования категории общественной полезности, поскольку тем самым потребительная стоимость низводится до одной из форм полезности. Именно способность вещи удовлетворять какую-либо общественную потребность, а не ее оценка делает вещь потребительной стоимостью[36].

Конечно, нельзя объективный характер потребительной стоимости сводить к простому соответствию природы продукта содержанию конкретного труда, т. е. в свойствах вещи видеть лишь воплощение свойств конкретного труда. Потребительная стоимость и закон ее движения, безусловно, выражают не технологический способ придания продукту нужных для потребления свойств, а социальное отношение между людьми, вступающими в общественное взаимодействие в качестве производителей и потребителей. Как и в законе стоимости, здесь устанавливается связь между затратами труда и их результатом, взятым в форме не меновой, а потребительной стоимости. Она же, как было показано, не менее социальна, чем форма меновой стоимости продукта.

Труд и потребительная стоимость продукта относятся друг к другу как общественные явления. «На стороне» продукта, его потребительной стоимости «стоит» человек со всеми его потребностями, уровнем их удовлетворения, а «на стороне» затрат — тот же человек, но как производитель продукта. Их связь предстает в форме отношения «суммы производительных сил к сумме существующих потребностей» [37], производительной силы общества к его потребительной силе. Общество, стало быть, устанавливает связь между производством и потреблением, между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемого на производство определенного продукта, и объемом общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого продукта [38]. Эта связь и составляет общее содержание закона потребительной стоимости. Он позволяет сопоставлять полезный эффект продуктов и трудовых затрат. Сопоставление полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом, а также с необходимыми для их производства количествами труда и есть то, что в коммунистическом обществе при решении вопроса о производстве остается от такого понятия, как стоимость [39]. Общественное производство регулируется здесь непосредственными потребностями общества. Люди получают возможность контролировать производство, вести его планово, согласно необходимости удовлетворения своих многообразных потребностей.

Закон потребительной стоимости — это закон воспроизводства человека. Потребление, составляя необходимое звено механизма действия данного закона, предпо-

лагает воспроизводство человека не только как предпосылки и творческого начала производства, но и как его конечный результат. Как потребительная деятельность, так и снятая ею трудовая деятельность человека превращаются в состояние его индивидуального и общественного бытия, т. е. в нечто ставшее. Если непосредственным результатом производственного потребления является продукт, отличный от своего производителя, то «продукт индивидуального потребления есть сам потребитель» [40]. Через потребление произведенного продукта человек «возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивид» [41].

При капитализме результатом индивидуального потребления рабочего выступает его существование в качестве рабочего: его жизненные средства превращаются в рабочую силу, служат для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга, а также для производства новых рабочих. «Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств... в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала» [42].

Потребительное производство выводит на результат, связанный со всем спектром человеческих качеств, с развитием как потребностей, так и способностей человека. Если для перехода от труда к капиталу нужно иметь в качестве предпосылки товар, то для перехода от труда к человеку предпосылкой выступает сам человек — естественный носитель труда. Труд в качестве своего конечного результата в условиях производства, направленного непосредственно на создание потребительной стоимости продукта, полагает человека, а не стоимость. Следовательно, осуществляется не опосредованный товаром (стоимостью) переход от труда к человеку.

Этот процесс не может быть объяснен трудовой теорией стоимости, которая часто считается единственной собственной теоретической базой политической экономии. Значение этой теории в познании социально-экономической жизни бесспорно, доказано исторической практикой. Вместе с тем существуют и ее познавательные пределы, границы объясняемого ею исторического периода. Последней ступенью развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства,

отмечал К. Маркс, является полагание общественного труда в форме наемного труда [43]. Вызываемое научно-техническим прогрессом все более растущее несоответствие между рабочим временем и производимым в его рамках действительным богатством (массой потребительных стоимостей) находится в явном противоречии с законом стоимости, требующим оценивать богатства в строгом соответствии с количеством общественно необходимых затрат труда. В условиях научно-технического прогресса рабочее время перестает быть мерой потребительной стоимости. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости.

Отказ от трудовой теории стоимости при объяснении социально-экономического развития коммунистической формации воспринимается некоторыми теоретиками как ликвидация социально-экономической науки. Это, конечно, не так. Некоторые авторы считают, что проблема соизмерения действительного богатства и затрачиваемого на его производство времени может быть решена только в соответствии с теорией трудовой стоимости, а всякий иной подход отождествляется с выходом за пределы марксистско-ленинской теории вообще [44].

Нам представляется, что необходима разработка новой теоретической базы для этого соизмерения. В решении этой задачи заложены основные теоретические резервы, в том числе принципиально новые методы ускорения социально-экономического развития социалистического общества на основе активизации человеческого фактора. Границы развития производства, структура и темпы этого развития, определяемые теорией стоимости, известны и вряд ли могут вывести на принципиально новые решения. Для таких решений нужна новая теоретическая база, которой, на наш взгляд, и может служить *трудовая теория потребительной стоимости.* Она выражает функционирование труда как деятельности по созданию потребительной стоимости. Вместе с тем она отражает и общественное отношение потребительной стоимости, являющееся специфической формой реализации производственных отношений и имеющее дело с воспроизводством самого человека, и отношения людей по поводу их собственного воспроизводства. Подобно тому как посредством меновой стоимости реализуются отношения частной собственности, посредством потребительной стоимости реализуются отношения общественной собственности.

Нельзя считать, что трудовая теория потребительной стоимости не имеет научных предпосылок. Предметом политической экономии в широком смысле являются производственные отношения, реализуемые в отношениях потребительной стоимости: последние составляют содержание общих экономических законов и категорий. С помощью категории потребительной стоимости К. Маркс объяснил многие экономические проблемы, неразрешимые с позиций закона стоимости, в частности главный социально-экономический процесс капиталистической формации. Возрастание прибавочной стоимости, отмечал К. Маркс, выводится из ««специфической» *потребительной стоимости рабочей силы*», и «потребительная стоимость играет важную роль совершенно поиному, чем в прежней политической экономии...» [45].

Классики марксизма не разрабатывали специально трудовую теорию потребительной стоимости, и многие сложные вопросы этой теории еще предстоит решить. На это направлено прежде всего обоснование общего закона потребительной стоимости, который аналогично закону стоимости отражает движение исходного основания производства как процесса создания потребительной стоимости. Этот закон одновременно является социальным законом, поскольку выражает отношения людей по поводу их воспроизводства, обусловливающие соответствующие социальные, правовые и моральные формы в обществе. Посредством данного закона люди воспроизводят свое общественное бытие, т. е. общество является в такой же мере субъектом, как и результатом этого процесса воспроизводства.

Итак, кажется само собой разумеющимся определять потребительную стоимость, полезность продукта овеществленным в нем трудом. Однако такое решение неизбежно переводит проблему в стоимостную плоскость. Стоимостная форма придает взаимодействию рабочего времени и результата труда, если даже этот результат берется как потребительная стоимость, стоимостной характер. Достаточно общественно необходимые, или оптимальные, затраты труда приравнять к общественной полезности его продукта, как станет ясно, что потребительная стоимость, полезность определяются рабочим временем, т. е. стоимость продукта в этом случае сводится к его общественной полезности, а последняя — к его стоимости, хотя известно, что в стоимости нет ни грана вещества.

Согласно закону потребительной стоимости, не затраченный на производство продукта труд определяет потребительную стоимость, а полезность, потребительная стоимость продукта обусловливают необходимое для его производства количество труда. Затраты труда в этом случае диктуются потребностями, а время труда и, следовательно, рабочее время, оставаясь экономическим отношением, приобретает иное значение. Общественно необходимое рабочее время, расходуемое на изготовление продукта, идущего на удовлетворение данного объема потребностей людей, уже не выступает стоимостной мерой данной потребительной стоимости. «Такого рода *необходимый* труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой стоимости» [46]. Значит, речь идет не о том рабочем времени, которое общественно необходимо для создания той или иной стоимости, а об относительной *необходимости* удовлетворения тех или иных потребностей.

Закон потребительной стоимости не только устанавливает *условия* производства (нужное количество затрат труда, идущих на удовлетворение потребности), но и фиксирует потребительную стоимость в качестве полезного *результата* труда. Эту потребительную стоимость нельзя выразить количеством воплощенного в ней труда. Потребительная стоимость продукта измеряется в соответствии с ее природой, лежащей вне природы продукта как меновой стоимости [47]. Этой мерой является сэкономленный, незатраченный труд, т. е. не тот труд, который овеществляется в продукте, расходуется на его производство. К. Маркс, например, для измерения или соизмерения потребительных стоимостей тех или иных факторов производства обращался к величине сэкономленного ими труда.

Закон потребительной стоимости, как уже говорилось, выражает экономическую связь между трудом, высвобожденным в результате реализации полезных свойств продукта, и трудом, затрачиваемым на его производство. Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае выявляются в совокупной величине замещенного, сэкономленного труда. Труд составляет общую платформу для взаимодействия сэкономленного и затраченного труда: он в качестве конкретного труда созидает продукт с его полезными свойствами и сохраняет значение затрачиваемого рабочего времени на производство данного полезного эф-

фекта продукта. Закон, таким образом, выражает условия движения труда как источника потребительностоимостного богатства, а не изменение натуральных свойств продукта, или движение потребительной стоимости как носителя меновой стоимости, ибо в этом смысле потребительная стоимость относится к области товароведения.

Сферой действия закона потребительной стоимости остается труд. Закон исходит из решающей роли труда, и с этой точки зрения методологическим принципом исследования движения потребительной стоимости продукта труда выступает трудовая концепция. Сохраняет силу и отношение произведенного полезного продукта к источнику своего происхождения — реальному труду и к его естественной мере — рабочему времени.

Закон потребительной стоимости, однако, имеет не менее четкую количественную определенность, чем закон стоимости. Полезность, потребительная стоимость любого продукта труда могут быть сведены к высвобождаемому благодаря этой полезности живому труду, а единица сэкономленного труда может служить мерой потребительных стоимостей продуктов, так же как единица затраченного, овеществленного в них общественного труда является мерой соизмерения стоимостей. Надо лишь иметь в виду, что экономия труда при полезном эффекте не имеет затратного характера, а потому единицей его измерения служит высвобождаемый труд, соизмеряемый с затратами труда на достижение указанного полезного эффекта.

Закон потребительной стоимости выступает по отношению к коммунистическому производству так же, как закон стоимости — к капиталистическому производству. Он становится законом основания — первым законом в условиях коллективного производства. «Стало быть,— писал К. Маркс,— экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени. Однако это существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем»[48].

На практике закон потребительной стоимости реализуется как распределение различных видов труда и рабочего времени в пропорциях, определяемых общест-

венными потребностями, что в социалистическом обществе осуществляется посредством планирования. Однако при «работе» производства на стоимость функция потребительной стоимости и ее закона ограничивается созданием условий для реализации стоимости, поскольку потребительная стоимость товара является всего лишь предпосылкой его стоимости. С точки зрения оптимального функционирования экономики это означает, что общественно необходимые затраты труда на производство продукта должны учитывать потребности, более того, должны быть равными затратам труда по условиям потребления (требование «меры» эквивалентности при сопоставлении затрат).

Иначе обстоит дело в производстве, направленном непосредственно на создание потребительных стоимостей: здесь общественно необходимые затраты труда из доминанты превращаются в условия производства потребительной стоимости. Если в законе стоимости потребительная стоимость продукта выступает в роли ограничителя стоимости, то в законе потребительной стоимости такую роль выполняют затраты рабочего времени. Они, не теряя функции созидающей продукт субстанции, не могут составлять меру его потребительной стоимости, а потому высвобождаемый последней труд должен быть больше затраченного. Нарушается, следовательно, правило стоимостного равенства. Вместо него принципом хозяйствования становится другое правило: труд по условиям производства должен быть меньше труда по условиям потребления. Следовательно, на практике хозяйство должно вестись так, чтобы результаты производства росли быстрее, чем затраты, чтобы наращивание вклада в удовлетворение потребностей происходило при наименьших затратах всех видов ресурсов. Такая практика подчиняется закону потребительной стоимости.

Только на этой основе, на наш взгляд, можно преодолеть затратный подход к оценке результатов производства и построить антизатратный хозяйственный механизм, отвечающий требованиям повышения эффективности производства. Эта эффективность достигается не в том случае, когда при меньших затратах необходимого труда увеличивается стоимость прибавочной части продукта, но за счет такого же уменьшения стоимости его необходимой части. Меньшими затратами необходимого труда достигается больший результат

в виде увеличения прибавочного труда, воплощенного в прибавочном продукте, но в пределах того, что суммарная стоимость продукта не может быть большей, чем общественно необходимые затраты труда на ее производство, т. е. действие закона стоимости здесь не нарушается.

В рамках отношений потребительной стоимости больший результат — увеличивающаяся масса сэкономленного в материальном производстве труда — должен достигаться за счет уменьшения затрат живого и прошлого труда, что соответствует действию закона повышающейся производительности труда и составляет важный показатель эффективности производства. Социалистическое хозяйствование все больше нуждается в опоре на принцип функционирования производства, направленного на создание потребительных стоимостей и непосредственное удовлетворение потребностей человека. Этот принцип вошел в Программу КПСС: «Вся система управления должна быть нацелена на увеличение вклада каждого звена народного хозяйства в достижение высшей цели — наиболее полное удовлетворение потребностей общества. Всемерное наращивание этого вклада при наименьших затратах всех видов ресурсов — непреложный закон социалистического хозяйствования, основной критерий оценки деятельности отраслей, объединений и предприятий, всех производственных ячеек» [49].

Таким образом, в условиях социализма производство ориентировано на потребительную стоимость, ибо она, а не стоимость удовлетворяет реальные потребности. Затраты должны быть представлены с учетом экономии труда, поскольку из сэкономленного труда стоимости получить нельзя, она возникает из примененного труда. Этим диктуется необходимость использования хозрасчетного принципа, его дальнейшего развития и повышения его значения в экономии затрат. Роль основного критерия оценки хозяйственной деятельности выполняет потребительностоимостной принцип, сформулированный с учетом требований основного экономического закона социализма. Потребительностоимостной принцип предполагает не просто определение трудовых затрат как необходимых для удовлетворения данных потребностей, но и указание на их экономию. Тем самым речь идет о развитии личности производителей, а не о получении прибавочной части стоимости.

Особенно остро в переориентации на потребительностоимостной эффект нуждается планирование научно-технического прогресса. В литературе много говорилось о вреде, наносимом развитию науки и техники затратным механизмом хозяйствования. Научно-технический прогресс, призванный по своей природе экономить общественный труд, при затратном подходе оказывается фактором, снижающим экономические показатели хозяйственной деятельности. Широко известны примеры, когда новая техника и технология не получают широкого внедрения из-за того, что удешевляют продукцию, снижают валовые показатели.

Выход состоит в переводе оценок эффективности достижений научно-технического прогресса на критерии экономии труда в материальном производстве, не имеющие затратного характера. С этой точки зрения предусматриваемое условное высвобождение работников является более содержательным показателем, чем экономия приведенных затрат. Прибыль, получаемая из последней, не теряет затратного характера, поскольку за ней стоит прибавочный труд. Другую природу имеет высвобождение труда: сэкономленный в сфере производства труд можно реально направить в непроизводственную сферу и решить ряд важных социальных проблем. Тем самым достигается более весомый реальный результат, чем экономия на издержках производства, которая не может не иметь затратное содержание.

Опыт показывает, что иногда экономический эффект от новой техники, рассчитанный по затратной формуле, не ведет к реальной экономии живого труда, превышающей затраты на разработку и производство этой техники. В печати вполне обоснованно утверждается, что расчеты на получение экономического эффекта, предусматриваемого в программах научно-технического прогресса, не оправдываются, не происходит значительного роста производительности труда.

Это получается потому, что в существующих методиках определения экономической эффективности не сопоставляются затраты с результатами полезного действия средств производства — объемами замещаемого ими живого труда. Выясняется только величина сэкономленных затрат на производство самой техники и выпускаемой продукции, которая сама по себе, как бы она ни была велика, еще не свидетельствует о высокой производительности этой техники, о ее полезном эффек-

те. Так, сопоставление объемов труда, высвобождаемого некоторыми моделями землеройной техники (экскаваторами), с общими затратами на производство этих машин показывает, что при убывающем коэффициенте этого соотношения (для базовой модели ЭТР-201Б он равен 13,1, для замещающей ее ЭТР-206 — 12,5), свидетельствующем об относительном уменьшении высвобождаемого труда, стоимостной экономический эффект «новой» машины растет на 2630 руб. То же характерно и для экскаваторов марки ЭТЦ: если коэффициент соотношения высвобождаемого труда к затратам на производство модели ЭТЦ-161 равен 7,06, то предложенной на ее замену модели ЭТЦ-165 — всего 4,95, т. е. потребительная стоимость новой машины заметно снижается. Эффект же, рассчитанный по формуле приведенных затрат, наоборот, растет и достигает 6832 руб. на единицу техники[50].

Техника, на создание которой потребовалось больше совокупного труда, чем ею высвобождается, признается новой, и принимаются решения о замене одних моделей машин на другие, хотя по существу никакого прогресса в экономическом отношении не достигается. Очевидно, что без введения определенных нормативов замены новой техникой живого труда не обойтись. Не случайно, например, в ГДР единица робототехники внедряется в том случае, если ею высвобождается труд не менее трех человек. Для нашей страны это особенно актуально в связи с намеченным увеличением выпуска продукции машиностроения. Пока же 832 тыс. внедренных в 1985 г. в нашей стране мероприятий по новой технике соответствовали 546 тыс. условно высвобожденных работников[51], т. е. одно внедренное техническое новшество высвободило в среднем менее одного человека.

Применение экономических рычагов и норм, реализующих закон потребительной стоимости, позволит переломить негативную тенденцию тиражирования малопроизводительной, но дорогой техники. Экономическая жизнь все больше требует установления ряда ограничений при замене старой техники на новую. Например, в Ленинграде к установке допускается только новая, высокопроизводительная техника, заменяющая несколько старых станков и соответственно высвобождающая занятых на них рабочих. Пропорции ввода и обновления оборудования предусматривают, что рас-

тущий выпуск продукции выполняется меньшей численностью работающих. При этом отпадает необходимость в дополнительных капиталовложениях на создание новых рабочих мест, экономятся производственные площади, снижается дефицит рабочей силы. В итоге удовлетворение общественных потребностей производством осуществляется меньшим количеством общественного труда, а высвобождаемые капитальные средства направляются на развитие социальной сферы.

По нашему мнению, совершенствование системы управления народным хозяйством на основе практического овладения законом потребительной стоимости будет способствовать более эффективному использованию возможностей и преимуществ социалистического строя, повышению его экономической мощи и социального потенциала, обновлению устаревших общественных форм.

Глава IV

ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мы рассмотрели воспроизводственный цикл «человек — продукт — человек» с внешней стороны, т. е. как он реализуется на уровне наличного бытия общества. Теперь предстоит «спуститься» к сущности этого процесса, раскрыть его внутренние законы. Для этих целей закон производства потребительной стоимости уже недостаточен. От него следует перейти к законам, объясняющим не движение труда и его продукта к человеку, а производство и воспроизводство человека как совокупности всех общественных отношений. Без этого воспроизводство общества и человека нельзя до конца понять, как нельзя раскрыть производство капитала только на основе закона стоимости *.

Если раньше мы рассматривали не собственно общественные отношения, а предметные формы их выражения, то теперь проанализируем воспроизводство непосредственно общественных отношений. С одной стороны, производство человека не будет до конца понято, если оно не представлено производством общественных отношений, совокупность которых образует сущность человека **. От этого не изменяется то обстоятельство, что общественные отношения производятся самими людьми, т. е. человек не теряет своего определения как предпосылки и основы всякого производства. Изменяет-

* Процесс воспроизводства человека больше походит на развитие понятия у Гегеля. Не случайно В. И. Ленин в «Философских тетрадях» вместо «понятие» вставляет «человек»: «Понятие (=человек) как субъективное снова предполагает само-в-себе сущее инобытие (=независимую от человека природу). Это понятие (=человек) есть *стремление* реализировать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя» [1].

** Аналогично этому с переходом к сфере сущности происходит, например, превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 592).

ся лишь способ рассмотрения воспроизводства человека: предпосылкой его анализа становятся общественные отношения.

С другой стороны, производственные и общественные отношения вообще, в которых осуществляется воспроизводство человека, образуют не только результат, но и условия воспроизводства. Воспроизводство человека в системе общественной собственности определяется не только трудом, ибо отношение человека к условиям производства составляет скорее предпосылку, чем просто результат труда[2]. Общественные отношения (общество), или человек, являются предпосылкой и результатом воспроизводства — это не только вопрос диалектически понятого противоречия и его правильного логического решения, но и проблема действительных этапов и форм исторического развития. В рамках капиталистического общественного разделения труда, например, развитие немногих, части общества, осуществляется за счет всего общества в ущерб индивидуальному развитию большинства, и меньшинство приобретает ведущее положение. И наоборот, превращение индивидуального развития каждого члена общества в условие и предпосылку развития всех, всего общества, составляет способ воспроизводства общественных отношений коммунистической формации.

1. ПРОИЗВОДСТВО КАК ПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Производство со своей наиболее простой и очевидной стороны предстает процессом созидания той или иной вещи, материального продукта. «Труд, как источник вещественного богатства,— отмечал К. Маркс,— был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту»[3]. Этого знания, однако, явно недостаточно, если речь идет о сущности производства. Еще в «Нищете философии» К. Маркс выразил неудовлетворенность по поводу сведения производства к обычному процессу производства вещей. «Г-н Прудон-экономист,— писал он,— очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, холст, шелковые ткани в рамках определенных производственных отношений. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же произведены людьми, как и холст, лен и т. д.»[4]. В другом месте эту же мысль

К. Маркс выразил следующим образом: «Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения,* при которых они производят сукно и холст» [5].

Прудон и другие буржуазные экономисты доходили до признания того, что производство вещей осуществляется в системе определенных общественных отношений, например в условиях частной собственности, в рамках капиталистического отношения. Они объясняли, отмечал К. Маркс, как совершается производство при указанных отношениях, но оставляли невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, как появляются новые общественные отношения. Они не понимали самого главного — того, что общественные отношения, в которых осуществляется процесс производства, являются в одинаковой мере его условием и его продуктом. Обычная политическая экономия, обращая внимание только на произведенные вещи, совершенно упускает из виду производство самих общественных отношений [6], т. е. то, что представляет действительную проблему политической экономии как науки о производственных отношениях и законах их движения.

Это столь важно, что К. Маркс, реферируя свои рукописи («Тетради»), выставил данное обстоятельство условием правильного понимания вопроса, записав: «Правильное понимание общественного процесса производства» [7]. В отличие от буржуазных экономистов, которые поняли, как осуществляется производство в рамках капиталистического отношения, но не увидели, как создается само это отношение, К. Маркс показал «не только, каким образом капитал производит, но и каким образом он сам производится и как он выходит из производственного процесса существенно изменившимся по сравнению с тем, каким он в него вступил» [8].

К. Маркс усматривал главный результат общественного процесса производства не в вещах, не в производстве продукта, а в производимых общественных отношениях (при капитализме, например, в создании и постоянном воспроизводстве отношения между наемным трудом и капиталом). Это социальное производственное отношение фактически является, по убеждению К. Маркса, еще более важным результатом общественного про-

цесса производства, чем его материальные результаты[9]. Проследим эту мысль К. Маркса от первоначальных ее формулировок в рукописях «Капитала» до формулировок, вошедших в его окончательный текст. Сравним сначала производственные отношения как главный результат процесса производства с его другими результатами.

Рассматривая буржуазное общество в его целостности, К. Маркс приходит к заключению, что конечным результатом капиталистического процесса производства всегда выступает само общество, т. е. человек в его общественных отношениях. Что же касается вещных форм результатов этого производства, например создаваемых продуктов, то они выступают в движении общества лишь как момент. Непосредственный процесс производства тоже составляет момент движения общества; соответственно условия и предметные воплощения процесса производства есть также его моменты. На передний план выходят субъекты общественного производства — люди в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Производство и воспроизводство отношений образуют постоянный процесс движения самих людей, в котором они обновляют сами себя в той же мере, в какой обновляют создаваемый ими мир богатства[10].

Называя вещественное богатство и материальные условия его производства моментами исторического движения общества, К. Маркс не отрицал первичности и важности создаваемых условий материальной жизни: обновление людьми своих общественных отношений и самих себя происходит в той мере, в какой совершается обновление материального богатства. Дело лишь в том, что материальное богатство и материальные условия производства на каждом новом историческом этапе исчезают, в то время как общество сохраняется, переходя из одного состояния в другое. Общество каждый раз создает материальные условия своей жизни в материальном производстве, являющемся фундаментом всей общественной жизни. Но не в этом только состоит роль и назначение производства. Оно — и это главное — есть производство и воспроизводство общественных отношений. Результатом процесса производства выступают не только его вещные условия, пояснял К. Маркс, но и их специфически общественный характер: производятся, постоянно возобновляются в результате процесса производства общественные отношения, а следовательно, и

общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, производственные отношения[11].

В одном из вариантов рукописи «Капитала» это положение формулируется следующим образом: общественный процесс производства представляет одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и происходящий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних[12]. В первом томе «Капитала» приведенному положению придан характер обобщающего вывода: капиталистический процесс производства, рассматриваемый в форме процесса воспроизводства, «производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение,— капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой»[13].

К. Маркс много внимания уделял механизму производства общественных отношений, поискам рычагов, посредством которых оно осуществляется, раскрытию звеньев и способов воспроизводства этих отношений. В капиталистическом обществе основным средством воспроизводства капиталистического отношения служит производство прибавочной стоимости. Отношения наемного труда и капитала, производство наемных рабочих и капиталистов выступают основным результатом процесса увеличения стоимости капитала. В рефератах к собственным тетрадям К. Маркс констатирует: «Главный результат процесса производства и процесса увеличения стоимости: воспроизводство и новое производство самого отношения между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим»[14].

В более позднем варианте рукописи «Капитала» Маркс, делая выводы из рассмотрения непосредственного процесса производства капитала, заключал: «Мы видели, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости... оно есть вместе с тем *производство капитала* и *производство* и воспроизводство всего капиталистического отношения во все более расширенном (увеличенном) масштабе»[15]. В IV томе «Капитала» эта мысль разъясняется так: «...рабочий-портной производит не только сюртук, он производит

капитал, а значит и прибыль; он производит своего хозяина как капиталиста и себя самого как наемного рабочего»[16]. Суть состоит не просто в констатации того факта, что без материального производства общество не может существовать, а в том, что этим производством объясняется движение общественных отношений, что материальное производство представлено производством этих отношений.

В нашей литературе неплохо показано, каким образом совершается производство в рамках социалистических общественных отношений, общественной собственности на средства производства. Но недостаточно выявлено, как производятся сами эти отношения. В работах по политической экономии социалистическое производство еще не представлено производством общественных производственных отношений. В этом плане можно найти лишь случайные, как бы выходящие за пределы общепринятых трактовки производства. Так, например, в публикации «За круглым столом», помещенной в журнале «Вопросы экономики», было сказано: *«Действительный конечный результат производства* — это развитие, совершенствование производственных отношений... Достижение более высоких конечных результатов в сфере производственных отношений социализма должно означать, видимо, неуклонное накопление в них все большего числа общекоммунистических черт, повышение степени их зрелости на путях формирования коммунистической системы отношений»[17].

Такое толкование результатов социалистического производства, к сожалению, не стало еще общепринятым. Результаты социалистического производства обычно сводятся к той или иной форме, или части, общественного продукта. Конечно, признается, что этот продукт создается производством в рамках определенной общественной формы, но производство самой этой формы не стало еще предметом анализа. Производственные отношения в качестве предмета политической экономии рассматриваются не как то, что должно производиться производством, а как форма, в которой осуществляется производство другого результата — продукта, вещей. Учебники по политической экономии ограничиваются определением, согласно которому производство есть производство материальных благ, имеющее своим результатом продукт, необходимый как для самого производства, так и для потребления.

Производство как производство общественных отношений, строго говоря, не рассматривалось и в работах по историческому материализму. Обусловленность производственных отношений характером и уровнем развития производительных сил свидетельствует больше об их функциональной, чем генетической, зависимости. Функциональная связь, безусловно, имеет здесь место, и закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил фиксирует ее. Но эта связь не объясняет процесса созидания производственных отношений, который выражает более глубокую, генетическую связь, раскрывающую способы, источники и механизмы производства общественных отношений.

Поскольку производство в большинстве случаев было представлено не производством общественных отношений, а процессом создания вещей, возникли трудности при объяснении воспроизводства человека, его образа жизни, в том числе воспроизводства рабочей силы, созидательных способностей человека, человеческого фактора производства*. К их числу следует отнести прежде всего проблему: откуда надо выводить развитие человека, его созидательных способностей — из сферы производства или из сферы потребления?

На первый взгляд кажется, что человек обеспечивает свое непосредственное бытие потреблением, т. е. его развитие определяется сферой потребления, а не материального производства. Возникает тот же вопрос, что и при выяснении происхождения капитала: что является источником — сфера обращения или сфера материального производства? На этот вопрос не ответили ни буржуазные политэкономы, ни буржуазные социологи. Выясняя соотношение производства и потребления, клас-

* Взгляды К. Маркса на проблемы воспроизводства человека стали подвергаться анализу лишь в последнее время (см.: *Малинин В. А.* «Капитал» К. Маркса и проблема человека. М., 1968; Проблемы человека в экономических рукописях 1857—1859 годов К. Маркса. Ростов н/Д, 1977; *Бережной Н. М.* Проблемы человека в трудах К. Маркса. М., 1981; *Агг А.* Мир человека как субъекта производства. М., 1984; Производство как общественный процесс: философско-экономический анализ/Под ред. В. И. Толстых. М., 1986). Надо иметь в виду, что К. Маркс не выполнил задуманную работу о наемном труде, в которой он хотел представить условия существования и развития рабочего класса на том же уровне, на каком он проанализировал условия существования класса буржуазии в «Капитале».

сическая буржуазная политическая экономия остановилась перед дилеммой: с одной стороны, признавалось (например, Смитом и Рикардо), что труд, затрачиваемый на формирование производственных способностей рабочего, является непроизводительным и, следовательно, их производство не есть область собственно производства, оно совершается в сфере потребления, не являющегося предметом экономической науки; с другой стороны, производительные силы рабочего включались в состав элементов производства и вместе с орудиями труда относились к основному капиталу, что позволяло рассматривать их воспроизводство так же, как и воспроизводство капитала, хотя делалась оговорка относительно отличия формирования способностей человека от производства вещей.

Эту дилемму не удалось решить и последующим школам буржуазной науки — представителям вульгарной политической экономии и сторонникам современных концепций «человеческого капитала». Одни буржуазные теоретики продолжали искать объяснение воспроизводства созидательных способностей рабочего в сфере потребления, другие — в сфере «производства человеческого капитала». А. Маршалл, например, утверждал, что вложения капитала в воспитание и обучение рабочего, осуществляемые обычно родителями, не должны отождествляться с вложениями капитала в вещественные факторы производства, от которых всегда ожидается превышение стоимости над себестоимостью. Человеческий фактор, по его мнению, «не покупается и не продается, как машины и другие вещественные факторы производства. Рабочий продает свой труд, но сам он остается собственником самого себя; те, кто несет расходы по его воспитанию и обучению, получают лишь малую долю цены, выплачиваемой за его услуги в последующие годы» [18].

Другие буржуазные экономисты, занимая противоположную позицию, представляли созидающие способности рабочего таким же капиталом, каким являются средства производства у предпринимателя. Они считали, что рабочий от инвестиций в свой «человеческий капитал» получает доход таким же образом, как и капиталист от инвестиций в средства производства. Вложения в вещественный капитал с этой точки зрения ничем не отличаются от инвестиций в «человеческий капитал». Капиталист на равных условиях с рабочим может уча-

ствовать в производстве «человеческого капитала», если он будет вкладывать деньги в формирование созидательных способностей рабочего: как рабочий, так и предприниматель будут иметь определенную долю прибыли от этих вложений. В этом случае совокупный капитал будет выступать как сумма вещественного (воплощенного в вещах) и человеческого (воплощенного в людях) капитала [19].

Сторонники ни той, ни другой позиции не смогли решить противоречий, возникших в экономической науке, прежде всего потому, что производство созидающих способностей человека в форме ли потребительной деятельности или инвестиций в «человеческий капитал» отрывали от материального производства и от капиталистических производственных отношений, складывающихся в материальном производстве. Без обращения к последним буржуазная наука смогла лишь на словах «разрешить» противоречие — подогнать потребительную деятельность рабочего под формулу производства капитала, т. е. провозгласить, что рабочий своей деятельностью в сфере потребления, реализуя заработную плату, создает «капитал» в форме своих способностей к труду, от продажи которых он получает возможность не только возместить издержки на их формирование, но и иметь дополнительную стоимость, приобрести соответствующий «капитал».

Однако это противоречие было разрешено еще К. Марксом на базе трудовой теории стоимости. К. Маркс преодолел присущее буржуазной политической экономии отождествление труда и рабочей силы, доказав, что труд не имеет стоимости, что рабочий продает не труд, а способность к труду — рабочую силу. Это позволило ему обосновать положение, что рабочий каждый раз в процессе материального производства создает продукт, необходимый для воспроизводства своей рабочей силы.

Если подходить к процессу труда как к таковому независимо от его общественной формы, то потребление жизненных средств рабочими можно включить в процесс труда. Но рабочий может потреблять лишь во время перерыва или во внерабочее время, хотя это потребление можно уподобить потреблению угля паровой машиной [20]. Независимо от того, где и когда происходит потребление, чтобы трудиться, рабочий должен сначала удовлетворить свои жизненные потребности,

иметь соответствующие жизненные средства для восстановления и приведения в движение своих созидательных, производительных способностей. Но главное не в этом.

Хотя жизненные средства рабочего при капитализме приобретают форму переменного капитала, обмениваемого на его рабочую силу, их реализация в потребительной деятельности рабочего не является ни инвестицией в «человеческий капитал» (производительные способности), ни производством «капитала» (человеческого), т. е. здесь капитал не создается. Рабочая сила, конечно, производится и воспроизводится при капитализме как товар, имеющий стоимость, но при этом не создается дополнительная (прибавочная) стоимость, переходящая в руки рабочего.

Если постоянный капитал как таковой в процесс производства входит в форме той же потребительной стоимости, которую раньше имели составляющие его товары (средства производства), то иначе обстоит дело с переменным капиталом. На его место, т. е. вместо жизненных средств, в процесс производства вступает «живой фактор проявляющей себя в новых потребительных стоимостях рабочей силы, реального труда; *здесь стоимость* средств производства, постоянного капитала, как таковая, вступает в процесс увеличения стоимости, между тем как *стоимость* переменного капитала вовсе не вступает в него, а замещается создающей стоимость деятельностью, выступает в виде деятельности живого фактора, существующей как процесс увеличения стоимости»[21]. Заработная плата, обмениваемая рабочим на жизненные средства, служащие ему для восстановления и развития созидающих способностей, не может участвовать в производстве, приносить рабочему дополнительный доход, т.е. иметь свойство капитала. В производстве вместо жизненных средств (стоимости переменного капитала) участвует живой труд.

Рабочая сила, способность к труду воспроизводятся одновременно и в потреблении, и в производстве, но первоисточником жизненных средств рабочего при капитализме является его наемный труд в материальном производстве. Рабочая сила в качестве товара (стоимости) производится и воспроизводится на основе законов производства товаров, ее стоимость определяется общественными издержками ее воспроизводства, а необходимый продукт, за счет которого она воспроизво-

дится, создается трудом рабочего в материальном производстве. С этой точки зрения жизненные средства и их потребление уже не будут составлять особый элемент процесса материального производства. Оно включает лишь живой труд, его орудия и предмет, но без жизненных средств самого работника. Потребление последних, посредством которого воспроизводятся созидательные способности рабочего, оказывается как бы вне процесса производства, хотя без производимых жизненных средств не может совершаться живой труд, не могут функционировать и реализовываться способности к труду. Налицо противоречие, нуждающееся в разрешении.

Как говорилось, в социалистическом обществе проблема — где происходит формирование и развитие способностей работника — сохраняется. На основе трудовой теории стоимости объяснить воспроизводство созидательных способностей работника социалистического общества невозможно. Как для объяснения производства прибавочной стоимости нужно обращаться к потребительной стоимости рабочей силы, так и для объяснения воспроизводства человека как социалистической личности необходимо от трудовой теории стоимости перейти к трудовой теории потребительной стоимости. Пока эти теоретические положения на базе трудовой теории потребительной стоимости не разработаны, неизбежны противоречия в науке, в частности в трактовке воспроизводства человека.

Они порождаются прежде всего тем, что производство не рассматривается как производство человеческих способностей, т. е. как сфера, где воспроизводятся, да еще в расширенном масштабе, способности самих людей. В результате эту сферу ищут за пределами материального производства — в потребительном производстве и соответственно разделяют производство на два вида, в одном из которых производятся средства к жизни, а в другом — сами люди, их способности, их жизнь. «В отличие от способа материального производства, который обеспечивает производство средств жизни,— пишет А. М. Ковалев,— способ производства собственной жизни есть производство и воспроизводство самого человека...»[22]

А. М. Ковалев считает, что человек воспроизводится не в рамках производства средств труда, а в сфере производства собственной жизни и соответствующего

«способа производства собственной жизни». Последний определяется им как социально-экономическая категория для обозначения процесса воспроизводства социального человека, формирования и всесторонней подготовки его к общественно-исторической и трудовой деятельности. Производство собственной жизни включает в себя производство не только человеческих сил и способностей, но и всех форм и видов человеческой жизнедеятельности. Воспроизводство человеческих индивидов означает воспроизводство и естественной основы человеческих потенций, и социального облика людей, т. е. это воспроизводство целостного социального субъекта.

Способ производства собственной жизни, утверждает А. М. Ковалев, имеет специфические производительные силы, средства воспроизводства, а также систему отношений, которые выступают в качестве «производственных» в этом особом виде производства. Его производительными силами являются сами социальные субъекты, средства к жизни и та социальная инфраструктура общества, с помощью которой осуществляется формирование личности, процесс поддержания и развития ее жизнедеятельности. К «производственным отношениям» данного производства относятся семейно-бытовые, кровнородственные, отношения между поколениями, этническими группами в быту, сфере услуг, распределения и потребления.

А. М. Ковалев признает, что все эти отношения опосредованы в конечном счете экономическими отношениями способа материального производства. Но если основу способа материального производства составляют орудия и предметы труда, а также люди, приводящие их в движение, то основой производства собственной жизни выступают люди и производимые ими в сфере материального производства предметы потребления, обеспечивающие их жизнедеятельность, а также вся система социальной инфраструктуры общества, с помощью которой осуществляется социальное воспроизводство в непроизводственной сфере[23].

Противоречие, возникающее из противопоставления производства собственной жизни материальному производству, А. М. Ковалев решает посредством подведения этих двух способов производства под более общее понятие — способ производства всей общественной жизни, охватывающий как материальное производство, так и воспроизводство человека. Этот способ производства

представляет собой единство двух неразрывно связанных между собой компонентов: общественных производительных сил (природных, материально-производственных и личностных) и всей совокупности общественных производственных отношений (естественных, природных и непосредственно производственных). В совокупные производительные силы способа производства общественной жизни входят, по А. М. Ковалеву: а) человеческие индивиды, способные производить определенным образом; б) средства производства и социальная инфраструктура общества; в) географическая среда, участвующая в обмене между обществом и природой. Совокупные производственные отношения способа производства общественной жизни включают: а) естественные отношения, т. е. отношения по поводу производства и воспроизводства собственной жизни, отношения между самими индивидами как природными существами; б) социальные отношения, т. е. отношения по поводу производства средств жизни (главные из них — производственные отношения); в) отношения индивидов к природе[24].

В способе производства общественной жизни А. М. Ковалев выделяет две основные подструктуры — социальную (материально-производственную) и естественную (природную, географическую среду; производство и воспроизводство человеческих индивидов, народонаселения, естественных отношений между полами, поколениями; процесс подготовки человека к труду, к участию во всех сферах жизнедеятельности). Законы общественной жизни он подразделяет на законы производства средств жизни и законы воспроизводства самого человека. В целом структура общественной жизни включает в себя три основных компонента: а) человеческие индивиды; б) материальное производство и возникшие на его основе общественные формы и институты; в) географическую среду как необходимый элемент обмена общества с природой.

Введение понятия «способ производства общественной жизни» дает возможность А. М. Ковалеву утверждать, что основу общественной жизни образует не просто производство средств жизни, а производство и воспроизводство непосредственной жизни; что результатом и конечной целью общественного процесса производства оказывается не производство средств жизни, а воспроизводство самого человека в его общественных

отношениях, ибо само материальное производство, его условия и продукты выступают в этом движении лишь как моменты; что и материальное, и духовное производство, общественное сознание, духовная жизнь, производство науки, социальная инфраструктура общества направлены в конечном счете на обеспечение производства собственной жизни, т. е. самого человека как социального существа.

На наш взгляд, эти выводы можно сделать и не вводя категорию способа производства общественной жизни. Однако А. М. Ковалев прав в том, что в теории общественного воспроизводства проблема производства собственной жизни является наименее разработанной. До сих пор в нашей социально-философской литературе не установилось даже терминологического единства для обозначения этого процесса: одни называют его производством непосредственной жизни, другие — собственной жизни, третьи, вслед за К. Марксом,— вторым видом производства, четвертые — социальным воспроизводством [25].

В последнее время некоторые авторы для разрешения противоречия между материальным производством и другими видами производства (собственной жизни, духовного и т. п.) обращаются к способу производства вообще, к общественному производству вообще как к стоящим над этими типами производства. Можно указать, например, на попытки объяснить духовное производство посредством его подведения под родовое понятие «общественное производство», включить в состав последнего в качестве вида (наряду с материальным производством) духовное производство на том основании, что существует «потребность в обобщенном понятии, которое могло бы послужить исходным пунктом социально-философского анализа природы, структуры и функции производства сознания вообще. Таким понятием является *общественное производство*» [26].

От того, что духовное производство объявляется единой с материальным производством отраслью одного и того же общественного производства (оба охватываются единым понятием), у него не появляется свойства производительного труда или способности создавать жизненные средства. Но есть авторы, усматривающие решение проблемы (противоречия) в придании непроизводственной сфере (духовному производству) свойства создавать стоимость, которая должна-де увеличивать

стоимость, полученную в материальном производстве. Иногда результат непроизводственной сферы считают дополнительным общественным продуктом или особым благом — свободным временем, создаваемым в непроизводственной сфере и присоединяемым к продукту материальной сферы. Даже в случаях, когда последнему суждению противопоставляется положение о достаточности материального производства и способа материального производства для решения поставленных вопросов, трудности и соответствующие противоречия в науке дают о себе знать. Например, понимание производства как процесса создания материальных благ и соответствующих непосредственно общественных отношений по поводу производства этих благ считается правильным лишь для социалистической стадии общества.

На коммунистической стадии производство будет производством человека и общественных отношений по поводу воспроизводства самого человека. В результате вроде бы изменится соотношение между сферой материальной деятельности по созданию непосредственных условий жизни и сферой этой же материальной деятельности, результатом которой становится сам человек в определенной социальной форме[27]. Здесь по существу вообще отрицается возможность трактовать производство в качестве производства человека независимо от того, является ли последний членом общины, капиталистом, рабочим, членом социалистического общества. Производством человека оно будет лишь на высшей фазе коммунизма, но тогда оно уже не будет вроде бы производством вещей.

Понять производство общества нельзя, если не представить это производство *одновременно* и созданием материальных благ, и воспроизводством человека. Здесь уместно провести аналогию с объяснением возникновения прибавочной стоимости и воспроизводства капиталиста. Подобно тому как капитал не может возникнуть вне сферы обращения, но в то же время возникает в сфере производства, так и человек не может воспроизводиться вне потребления, но он производится и воспроизводится материальным производством, поскольку в нем создаются средства жизни и средства развития. Материальное производство является производством общественных отношений и их носителей — людей. Люди, их собственная или общественная жизнь как раз и составляют наличное бытие этих отношений и воспроизводятся вместе с ним.

Общественные отношения составляют действительную структуру общества.

Такая трактовка производства позволяет подойти к объяснению воспроизводства человека не просто через продукт труда и потребление, не просто через сведение его жизни к наличному бытию труда, а посредством производства общественных отношений. Это можно сделать, если производственные отношения не только представить предпосылками самого труда и потребления, но и видеть их наличное бытие в *личностных отношениях*. Производственные отношения не есть безличностное социальное образование, «немая» общественная связь, которая складывается за спиной живых личностей, но отделена от них и к которой они, субъекты, относятся как к объекту.

Признание историческим материализмом объективности производственных отношений не означает, что они существуют вне человека-субъекта, и их необходимо считать двумя началами, которые еще должны быть соединены посредством так называемого субъект-объектного отношения и соответствующего метода, т. е. нужно внести, например, субъект в структуру производственных отношений или дополнить последние субъектом. Без этого дополнения или их органичной «координации» якобы обойтись невозможно. Марксистская политическая экономия, например, объявляется наукой, которая изучает только объективные «факты, а лица рассматриваются ею как олицетворение этих фактов» *.

Исторический материализм рассматривает производственные отношения в персонифицированной форме, существующими как отношения людей, даже если в определенных исторических условиях они выглядят отношениями вещей (товарный фетишизм), их олицетворением. Равным образом производственные отношения не могут быть отделены от личности, тем более изъяты как сущностные, под тем предлогом, что они не могут быть персонифицированы и интериоризованы в ней **.

---

* *Розенберг Д. И.* Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса. М., 1951. С. 48. Взгляд на производственные отношения как на безличную форму отношений получил довольно широкое распространение в нашей литературе и служит поводом для отрицания возможности представить сущность личности совокупностью общественных отношений, а последние — личностными отношениями.

** Н. Д. Колесов, например, полагает, что, «поскольку при социализме производство организуется всем обществом и подчиненными ему отдельными производственными коллективами, здесь нет

Производственные отношения являются объективными не за пределами субъекта, а в качестве отношений субъектов, т. е. не чем-то существующим рядом с субъектами, вне людей. Они объективны «не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и *подчеркивает* своей «теорией» Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей»[28]. Если у К. Маркса, как отмечал В. И. Ленин, анализ капиталистической формации ограничен лишь производственными отношениями между членами общества, то это не значит, что он рассматривает людей как стоящих вне этих отношений субъектов. Когда речь идет о развитии производственных отношений (совокупность которых составляет общественно-экономическую формацию) как об естественноисторическом процессе, то этот процесс не есть некий поток событий, происходящих по ту сторону и помимо действий живых личностей, которые могут лишь так или иначе влиять на него.

Никто, заметил В. И. Ленин, и не думал никогда о том, чтобы приписывать обществу или социальной группе самостоятельное, независимое от составляющих их личностей существование[29]. Признание объективности существования общего вовсе не означает, что можно рассматривать общество, совокупную жизнь не как взаимодействие отдельных личностей, а как особое существо, вступающее в особое взаимодействие с отдельными жизнями[30]. Соответственно, когда мы изучаем общественные, производственные отношения людей, тем самым исследуем и реальных личностей, из деятельности и взаимодействия которых слагаются сами общественные отношения[31]. При анализе производственных отношений, общества от людей никак нельзя абстрагироваться.

Экономические отношения всегда функционируют в персонифицированном виде, олицетворяются. На это неоднократно указывал К. Маркс. Уже при анализе простого товарного производства он рассматривал об-

---

олицетворения производственных отношений в деятельности отдельной личности, персоны. В этом смысле при социализме отсутствует персонификация производственных отношений, ибо последние «обществофицируются»» (*Колесов Н. Д.* К вопросу о формах проявления социалистических производственных отношений//Экономические науки. 1976. № 6. С. 18).

мен товаров как отношение товаровладельцев: «Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека... Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников»[32]. Соответственно «экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу»[33].

То же самое происходит с собственностью капитала на условия труда, отношениями между капиталом и наемным трудом. В обмене между капиталом и трудом *для-себя-сущий* труд необходимо выступает в виде рабочего, *для-себя-сущий* капитал — в виде капиталиста. Таким образом, понятием «капитал» необходимо охватывается и капиталист. «Я могу, конечно,— заметил К. Маркс,— отделить капитал от этого отдельного капиталиста, и он может перейти к другому капиталисту. Но, теряя капитал, капиталист теряет и свойство быть капиталистом. Следовательно, капитал может быть отделен от отдельного капиталиста, но не от *капиталиста вообще*, который как таковой противостоит *рабочему вообще*»[34]. Капитал как собственность персонифицируется в капиталисте, выступает как собственность личности, чуждой рабочему[35].

Социалистические производственные отношения персонифицируются в личности каждого работника. Характеристика производственных отношений, пишет Г. Л. Смирнов, будет незаконченной, если не получит завершения в определенной личностной структуре общества[36]. При обобществленном производстве отношения людей уже не представлены в виде стоимости принадлежащих им вещей. Здесь общественной величиной выступает не стоимость, а человек, его развитие и удовлетворение его потребностей. От обобществленности производства отношения людей не делаются менее личностными, чем, например, в условиях частной собственности или личной зависимости. Общественные отношения всегда персонифицируются. Но для этого вовсе не требуется, чтобы они приобрели сугубо част-

ный характер, форму личной зависимости или совпадали с индивидуальностью, спецификой данного индивида как частного лица. Они остаются общественными отношениями, т. е. не превращаются в отношения конкретных личностей, касающиеся только их. Общественный характер социалистического производства приводит к тому, что в личности субъективируется подлинно *общественная* сущность (вместо субъективированной меновой стоимости), служащая основой всего личностного и индивидуального во взаимоотношениях людей, в их социальном развитии.

В практическом плане это можно показать на примере реализации общей собственности, отношений к ней отдельных индивидов и социальных групп. Вопрос сводится к тому, чтобы преодолеть отношение к общей собственности как принадлежащей лишь обществу, но не каждому его члену. Иногда полагают, что собственность общества не выступает в форме отношений многочисленных равных собственников средств производства, а принадлежит всему обществу или государству как единственному, или верховному, их собственнику. Вроде бы по самой сущности отношения общественной собственности нельзя трактовать как отношения личностей: невозможно, мол, чтобы отдельный человек был хозяином, собственником принадлежащих обществу средств производства. Он может быть только сохозяином общих средств и продукта производства. В данном случае понятие «общественное» трактуется не как принадлежащее одному, отдельному человеку, а как являющееся достоянием государства, его органов.

Это, безусловно, не так. Нельзя быть хозяином страны, говорилось на XXVII съезде КПСС, не будучи подлинным хозяином средств производства у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме. Министерства и ведомства, территориальные органы не собственники средств производства, а лишь органы государственного управления, ответственные перед обществом за эффективное использование народного достояния [37]. Отношения собственности, как и все производственные отношения,— это отношения между людьми и образуемыми ими социальными или другими образованиями: трудовыми коллективами, региональными объединениями, отраслевыми подразделениями и т. д. Принадлежность человека к определенному коллективу и отношение к общему достоянию посредством коллектива не лишают

его функции собственника общих средств производства. В этом смысле и его личная собственность есть индивидуализированная, персонифицированная общественная собственность.

2. ОТНОШЕНИЕ ПО ВОСПРОИЗВОДСТВУ ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ — ОСНОВНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Чтобы развернуть анализ процесса производства общественных отношений социализма, опять-таки надо выделить его исходный пункт. Но здесь речь идет об исходном начале развития в сфере самой сущности, на базе которого необходимо раскрыть законы движения основного отношения социалистического общества. Это отношение не тождественно отношению, связанному с воспроизводством существования индивида посредством подчинения производства потреблению в рамках отношений потребительной стоимости. Чтобы раскрыть специфику основного отношения социализма, необходимо найти дополнительные предпосылки, которые модифицируют первую, исходную основу, превращая ее во всеобщую форму.

Ее всеобщность утверждается посредством самого основного отношения. Поэтому важно понять не только как производство ради непосредственного потребления человека становится всеобщим и господствующим, но и какую новую сущность оно обретает благодаря активному действию основного отношения, составляющего differentia specifica данного общества. В этой связи уместно особо подчеркнуть активную творческую роль основного общественного отношения, т. е. самой общественной формы производства, которая становится субъектом процесса собственного расширенного воспроизводства, реализует творческое начало социальной субстанции. Труд как таковой безразличен к бытию человека как всесторонне развитой личности. Лишь труд определенной формы, подчиняющей производство воспроизводству условий развития человека, образует субстанцию социалистического общества.

В поисках основного общественного отношения социализма чаще всего обращаются к тем или иным формам непосредственно общественных отношений или к его общей форме как таковой. Одни авторы основным

отношением считают общественную собственность, другие — отношения планомерности и т. д. Третьи полагают, что поскольку при социализме производство, труд, продукт и т. д. носят непосредственно общественный характер, то можно исходным назвать непосредственно общественное отношение. «...Исходным отношением социализма,— пишет А. К. Покрытан,— выступает непосредственно общественное отношение индивидов»[38].

Социалистические общественные отношения, как и производство, труд, продукт, безусловно являются или становятся непосредственно общественными. Однако если добавляется к общественным отношениям определение «непосредственный», то этим утверждается, что они — социалистические, реализуются в данной общественной форме. Ведь когда производство при социализме трактуется как непосредственно общественное, то этим лишь указывается, что оно осуществляется в системе строя общественной собственности на средства производства, т. е. в системе социалистических отношений. В данном контексте «непосредственно общественное» тождественно социалистическому. Непосредственно общественный характер отношений означает непосредственно общественный характер производства, труда, т. е. производство, труд функционируют в условиях социалистической общественной формы.

Общественная собственность, например, характеризует социалистическое общество со стороны его наличного бытия, но еще не раскрывает его сущности, как не раскрывает и частная собственность специфическую сущность капиталистического общества. На уровне бытия отношения социализма выступают отношениями товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, поскольку все люди являются собственниками средств производства, что делает их отношения коллективистскими. Общественная собственность неизбежно предполагает контроль общества над производством, необходимость планирования экономического и социального развития.

Но нельзя выдавать за сущность социализма отношения общественной собственности, планомерности или другие формы непосредственно общественных отношений, ибо должна быть познана еще их сущность, скажем суть строя общественной собственности. Соответственно порядок категорий, отражающих область бытия, не является еще порядком категорий, выражающих

сущность. Если, например, отношения общественной собственности берутся в качестве основы или исходного пункта, а планомерность, коллективность — их дальнейшими определениями или наоборот, то речь идет о расположении категорий, отражающих бытие общества. Общенародный характер присвоения решающих средств производства, по верному замечанию В. Н. Черковца, принимается как очевидный, реальный факт, наблюдаемый в социалистическом обществе[39].

Производством такого специфического отношения является производство в рамках социалистической общественной собственности. Что здесь производится вместо, например, отношения наемного труда и капитала и каким способом? Сказать, что при социализме воспроизводится общественная собственность,— значит ограничиться утверждением, аналогичным тому, что при капитализме воспроизводятся отношения частной собственности. Но известно, что не всякая частная собственность реализуется как отношение наемного труда и капитала. При социализме производится, безусловно, принципиально новое общественное отношение и иным способом, чем при капитализме, но оно не лежит на поверхности. Иначе не были бы столь трудными и долгими его поиски.

Перечисленные выше формы бытия социалистического общества (общественная собственность, планомерность, товарищеское сотрудничество, непосредственно общественный труд и др.) наукой давно определены, и мы должны из них исходить, если в познании двигаться от первоначальных простых определений к более богатым конкретным положениям. Еще раз подчеркнем, что эти простые определения нельзя выдавать за характеристику сущности социалистической общественной системы, что, к сожалению, нередко бывает. Дело заключается не в разных точках зрения, а в том, что наука еще не дошла до ее познания: «...мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические»[40].

Переход от знания бытия к раскрытию сущности общества, в частности к определению его исходного отношения, труден. Наука приходит к выявлению основы изучаемых явлений не сразу. Историческое развитие всех наук, по словам К. Маркса, приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множе-

ство перекрещивающихся и окольных путей, причем ученые в отличие от архитекторов могут возводить отдельные жилые этажи здания раньше, чем закладывается фундамент [41].

Это относится и к исследованию основного и исходного общественного отношения социализма. Долгое время, например, производство толковали как процесс созидания материального, хотя и непосредственно общественного, продукта, не задумываясь над тем, что оно по сути является производством общественных отношений. Не менее трудно найти предметные воплощения искомого сущностного отношения: производством «чего» или «кого» является производство в условиях непосредственно общественных социалистических отношений. Утверждать, что оно производит непосредственно общественный продукт или непосредственно общественную потребительную стоимость,— значит довольствоваться знанием вещных форм проявления бытия и богатства социалистического общества.

В литературе социалистическое производство теоретически должным образом не представлено производством самого человека как основного богатства общества. В то же время в партийных документах, как известно, утверждается, что человек выступает исходным и конечным пунктом социально-экономической политики. Это положение вновь подчеркнуто в материалах XXVII съезда партии. «Социализм,— сказано в Программе КПСС,— это общество, на знамени которого начертано: «Все во имя человека, все для блага человека»» [42]. Социализм может и должен реализовать свои возможности как строй реального гуманизма, служащий человеку и возвышающий его [43]. Планомерное и всестороннее преобразование социализма, последующее продвижение советского общества к коммунизму КПСС непосредственно связывает с повышением роли человеческого фактора, с живым творчеством масс. Она ставит задачу поднять благосостояние трудящихся на новую ступень, обеспечить такие уровень и структуру потребления материальных, социальных и культурных благ, которые будут в наибольшей степени отвечать целям формирования гармонично развитой, духовно богатой личности [44].

Чтобы в теории социалистическое производство представить производством развитого человека, недостаточно ограничиваться его толкованием в рамках общей

генетической основы. Подобно тому как производство прибавочной стоимости не совпадает с производством стоимости как таковой, так и производство человека не совпадает с воспроизводством человеческого жизненного существования. Не выводит на решение задачи и теория воспроизводства человека как производительной, или рабочей, силы. В этом качестве, т. е. как фактор производства, человек давно стал предметом многочисленных исследований: о воспроизводстве рабочей силы, квалифицированной рабочей силы написано много книг, но они не раскрывают производство как воспроизводство развитой личности*.

Речь должна идти о качественно новом подходе к рассмотрению человека — о признании самого отношения людей по поводу воспроизводства развитой личности основным отношением социализма и о воспроизводстве этого отношения в расширяющемся масштабе. Оно еще не осознано в качестве основного, сущностного отношения социалистического общества, посредством которого реализуется и общественная собственность на средства производства, и планомерность общественного производства, и его непосредственно общественный характер, и социальная справедливость и т. д. В литературе, посвященной поискам основного и исходного отношения социалистического общества, указанное отношение не фиксируется, по крайней мере применительно к социалистической стадии коммунистической общественно-экономической формации **. Но это не значит, что ученые о нем не говорят. Если это отношение действует хотя бы в тенденции, то на него неизбежно наталкиваются если не в специальных исследованиях, то при изучении других вопросов.

Так, обсуждая вопрос о критериях социально-экономической эффективности социалистического производства, отдельные авторы, в частности В. С. Вечканов,

---

* Особый интерес к человеку лишь как к фактору производства проявляет буржуазная социальная наука. «Вся современная перестройка капиталистического менеджмента базируется на идеях... связанных с поисками мер активизации человеческого фактора» (*Хромушин Г. Б.* Вступительная статья//*Пигу А.* Экономическая теория благосостояния. Т. I. М., 1985. С. 54—55).

** А. К. Покрытан полагает, что только на коммунистической стадии образуется социально-экономическая система, в «пределах которой отношения складываются по поводу производства и воспроизводства социальной определенности человека» (*Покрытан А. К.* Указ. соч. С. 82).

трактуют эту эффективность как «выражение производственных отношений, складывающихся в обществе ассоциированных производителей по поводу всестороннего увеличения жизненных благ и свободного времени в целях обеспечения наиболее полного удовлетворения постоянно растущих потребностей и всестороннего развития своих членов» [45]. В этом же направлении ведут поиски представители теории оптимального функционирования советской экономики (СОФЭ). С их точки зрения, если не основным, то «исходным производственным отношением может служить общественная полезность, а исходной теоретической моделью — задача на поиск ее максимума» [46].

Стремление связать исходное производственное отношение с общественной полезностью объясняется повышением значимости роста народного благосостояния как высшей цели социализма. Отсюда желание представить это исходное отношение как производственное отношение, которое возникает между членами общества по поводу его цели, т. е. как целевое отношение. Поскольку цели возникают в начале и предполагаются первыми в программно-целевых методах, то и в теории они выступают носителями исходного отношения.

Исследование основного отношения коммунистического способа производства, на наш взгляд, должно начаться с отношения, служащего начальным пунктом анализа. Но им не может быть исходное отношение генетического основания, которым, как уже было показано, является производство человека с точки зрения его существования, поскольку при социализме человек фигурирует не в форме элементарного бытия богатства общества, а в ином качестве — как личность. В этой связи недостаточно ограничиваться рассмотрением простого процесса труда, обеспечивающего бытие человека, удовлетворение его необходимых жизненных потребностей.

Предпосылки воспроизводства основного общественного отношения, или превращения производства в воспроизводство развитой личности, связаны с тем, что труд не только обеспечивает потребности существования человека, но и создает условия для его развития. Аналогично тому как для возникновения прибавочной стоимости первоначально требуется определенная величина стоимости, а затем — способность наемного труда увеличивать стоимость, так и для воспроизводства че-

ловека в качестве развитой личности необходим определенный уровень производительности труда, благодаря которому кроме обеспечения нормального материального существования достигается производство общественного времени для развития человека. При этом дело не только в том, чтобы обусловленное ростом производительности труда сокращение необходимого рабочего времени превращать в прибавочный труд, а в том, чтобы экономию рабочего времени трансформировать в свободное время общества и отдельного работника.

Для этого нужны определенные исторические предпосылки, прежде всего способность человека производить больше, чем нужно для его собственного содержания, определенное, исторически достигнутое возвышение уровня человеческих потребностей над потребностями непосредственного существования. Можно указать на естественные основы производства прибавочного продукта: его существование не предполагает ничего иного, кроме такой естественно возникшей производительности труда, благодаря которой не все рабочее время человека идет на поддержание собственного существования или на воспроизводство его собственной рабочей силы. Физическая возможность получения такого продукта может определяться двумя обстоятельствами: во-первых, невысоким уровнем потребностей, для удовлетворения которых при низкой природной производительной силе труда достаточна лишь часть рабочего времени (это дает возможность другую его часть выделять для образования прибавочного продукта); во-вторых, высоким уровнем природной производительности труда и его факторов, позволяющим малым количеством затраченного рабочего времени (необходимого) добывать нужные жизненные средства, а остальное время затрачивать на производство прибавочного продукта[47].

Можно в какой-то мере принять в расчет общеисторическое назначение производства — доставлять достаточно полную массу жизненных благ, включающую как нужное количество потребительских благ, так и их многообразие, необходимое для развития человека как производительного работника, его производительных способностей[48]. Исторически рост производительности труда приводит к увеличению массы производимых потребительских благ, в том числе и потребляемой производителями части продукта, хотя в классово антагонистических формациях прибавочный продукт присваи-

вается в расширяющихся масштабах непроизводительными классами.

Не выпадает из общих предпосылок повышения плодотворности труда и капиталистическая эпоха. В той мере, в какой человек используется в качестве рабочей, производительной силы, его развитие становится фактором процесса производства. Культивирование всех качеств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами, связями, потребностями являются условием и такого производства, которое основано на капитале[49]. К. Маркс признавал правоту (для своей эпохи, разумеется) Рикардо, представившего производство ради производства формой развития производительных сил человека, а значит, и развития богатства человеческой природы.

Но К. Маркс не согласился с Сисмонди, возражавшим против того, чтобы производство сделать самоцелью и пренебрегать интересами отдельного человека — производительного работника. При таком подходе, заметил К. Маркс, остается непонятым то, что развитие способностей рода *«человек»*, хотя оно в определенный период истории и совершается за счет большинства человеческих индивидов и трудящихся классов, в конце концов преодолеет этот антагонизм и будет совпадать с развитием каждого отдельного индивида[50].

С этой точки зрения нельзя не принять во внимание, что возрастание прибавочного продукта не только выступает условием возникновения классов, не участвующих в производительном труде, но и в конечном счете составляет предпосылку преодоления классового деления общества, т. е. прибавочный труд из средства порабощения человека превращается в средство его освобождения.

Однако, как бы высоко ни было значение прибавочного труда и прибавочного продукта в качестве исторических, или общесоциальных, предпосылок воспроизводства развитого человека, они не могут служить характеристикой сущности общекоммунистического отношения по поводу воспроизводства развитого человека как основного отношения новой формации. На наш взгляд, не могут быть приняты суждения о том, что воспроизводство своего основного отношения социалистическое производство и общество начинают с овладения прибавочным продуктом. «Первоначально,— пи-

шет А. К. Покрытан,— общество в лице государства овладевает преимущественно прибавочным продуктом в стоимостной форме, что выражается в контроле за его аккумуляцией и использованием. Лишь постепенно общество начинает контролировать движение не только стоимостной, но и натурально-вещественной структуры прибавочного продукта» [51].

Превращение производства в производство самого человека и воспроизводство соответствующего отношения в нашей стране после социалистической революции начиналось с мероприятий по сохранению и воспроизводству главной производительной силы общества — рабочего, при этом основное внимание обращалось на потребительную стоимость как в сфере распределения и потребления, так и в сфере производства.

В последних пятилетних планах экономического и социального развития СССР подъем материального благосостояния все теснее связывается с подготовкой условий для развития личности, ибо производство материальных благ является при социализме не самоцелью, а предпосылкой этого развития. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, утвержденных XXVII съездом КПСС, ставится задача наряду с дальнейшим подъемом благосостояния всех слоев и социальных групп населения «усилить социальную ориентацию развития экономики, ее направленность на создание лучших условий для гармоничного развития личности, упрочение социалистического образа жизни, все более полную реализацию принципа социальной справедливости» [52].

3. ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ ОСНОВНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

Основное общественное отношение в своем движении, в процессе воспроизводства подчиняется соответствующему закону. В экономической науке, поскольку в ней изучаются производственные отношения, он называется основным экономическим законом социализма. Однако, как уже подчеркивалось, производственные отношения составляют ядро всех общественных отношений, и уже по этой причине закон их движения не может не выступать законом развития всего социалистического

общества *. Необходимо, стало быть, рассмотреть собственно социальные звенья закона, опускаемые обычно в исследованиях экономистов, и представить его не только основным экономическим, но и одновременно основным социальным законом. Главное для выявления его социальной природы — это трактовка его как закона движения отношения по производству и воспроизводству развитого человека.

Для этого нужно рассмотреть механизм действия данного закона: выразить его не только через связь цели и средств общественного развития, но и посредством взаимодействия его предпосылок и результатов. Цель в этом случае фиксируется не только в форме возможности, но и как нечто действительное, превращенное в реальный результат. Следовательно, основной закон будет представлять собой, с одной стороны, взаимосвязь предпосылок и результатов движения господствующего общественного отношения, с другой — тенденцию этого движения, что также предопределяется диалектикой предпосылки и результата.

Вопрос о том, что основной закон предполагает рассмотрение целей общества, решен. Более того, взаимодействие цели и средств ее реализации обычно используется в качестве исходной теоретической схемы анализа закона. Вместе с тем центральный компонент этой цели — развитие человека — иногда выносится за сферу самого социалистического производства. Об этом речь шла в начале 50-х годов, в частности, в связи с утверждением Л. Д. Ярошенко о том, что с отнесением человека с его потребностями к целям самого производства якобы утверждается примат потребления над производством, тем самым отрицается значение последнего как основы жизни общества. Тогда пришли к выводу, что целью социалистического производства является не прибыль, а человек с его потребностями, т. е. максимальное удовлетворение его материальных и культурных потребностей, средством — непрерывное совершенствование и рост производства на базе высшей техники.

---

* В экономической литературе все чаще стал отмечаться общий характер данного закона. «Между тем основной экономический закон — это закон воспроизводства всей системы общественных отношений. Действительным результатом его функционирования является данный тип общества (всего общества), а не какой-либо его отдельной структуры» (*Покрытан А. К.* Указ. соч. С. 84).

В 60-е годы определенной негативной реакцией на выдвижение человека целью социалистического производства явилось утверждение о том, что человек и его развитие служат целью лишь всего социалистического общества или по крайней мере всего воспроизводственного процесса, но не самого производства. Особенно оспаривался тезис о человеке как цели производства в оценках целей деятельности социалистического предприятия. Утверждалось, например, что «предприятие имеет собственную цель производства и собственный критерий эффективности, соответствующий его особенным экономическим интересам. Такой целью предприятия выступает прибыль»[53]. В настоящее время вновь появились подобные суждения. Однако Закон СССР о государственном предприятии (объединении) вносит полную ясность в этот вопрос. Главной задачей предприятия, говорится в нем, является всемерное удовлетворение потребностей народного хозяйства и граждан в продукции с высокими потребительными свойствами и качеством при минимальных затратах, увеличение вклада в ускорение социально-экономического развития страны и обеспечение на этой основе роста благосостояния своего коллектива и его членов[54].

Умаляется роль человека и в том случае, когда цель социалистического производства низводится до уровня потребления, удовлетворения потребностей, т. е. потребление необходимо не связывается с развитием личности работника. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к пониманию действия основного закона коммунистического способа производства как более высокого в сущностном отношении закона, чем закон производства потребительной стоимости. Правильное решение этого вопроса зависит опять-таки от того, понимается ли под производством производство человека, или оно сводится к процессу создания вещей, общественной потребительной стоимости.

Второй подход ведет к ограничениям содержания закона сферой потребления — к требованиям лучшего удовлетворения нужд человека. Следовательно, отношения, выражающиеся данным законом, замыкаются на отношениях по производству материальных благ, потребительных стоимостей. Не считая производство производством человека, отношений между людьми по поводу воспроизводства развитой личности, основной экономический закон приходится трактовать только в терми-

нах производства материальных благ, т. е. рассматривать в лучшем случае в качестве закона социалистического потребления, но не движения общественных отношений, включающего и их результат, т. е. развитие человека.

Такой подход тоже обозначился в литературе: выдвинуто положение о законе социалистического потребления, который по содержанию совпадает с основным экономическим законом. Требования закона социалистического потребления обычно сводятся к тому, чтобы общество в соответствии с достигнутым уровнем производства, трудовым вкладом обеспечивало всем членам определенный необходимый уровень (меру) потребления материальных и культурных благ, используемых в целях гармоничного и всестороннего развития личности[55]. При исключении из формулировки закона указания на развитие человека как на непосредственную цель производства легко обнаружить, что речь фактически идет об общем исходном основании социалистического производства — о взаимодействии производства и потребления, взаимозависимости труда и благосостояния, т. е. о законе производства потребительной стоимости.

Обращение к этому основанию позволяет выявить и в основном экономическом законе, и в законе распределения по труду моменты воспроизводства человека. Если, например, закон распределения свести лишь к количественной мере — получению жизненных средств по труду, то остается в тени исходная субстанциальная характеристика распределения — непосредственная подчиненность социалистического производства удовлетворению человеческих потребностей, степень удовлетворения разумных потребностей *.

Основной экономический закон социализма поднимает закон потребительной стоимости на более высокую ступень и избавляет от «услуг» так называемого закона возмещения затрат рабочей силы, согласно которому необходимый труд (затраты) связывается с обеспечением прожиточного минимума, достаточного лишь

---

* В социалистическом обществе основная часть имеющихся у населения денег первоначально получена как вознаграждение за труд, т. е. соответствует по своему количеству той сумме труда, которая подлежала оплате. Но аналогично сумме меновой стоимости, выражающей количество, а не субстанцию стоимости, мера труда еще не характеризует существо потребления, хотя последнее и зависит от меры труда.

для воспроизводства рабочей силы человека. Уже тот факт, что потребности постоянно возвышаются, не позволяет ограничиваться простым воспроизводством рабочей силы человека и вообще его воспроизводством в качестве лишь рабочей силы.

Вместе с тем такое понимание и производства (подчинение его потреблению), и основного закона социализма наталкивается на трудности в объяснении существа дела. Они проистекают из того, что господствующее отношение социализма трактуется лишь как воспроизведенное исходное отношение, а производство — лишь как создание материальных благ, вещей. Звено от продукта к человеку при этом исчезает из механизма действия основного экономического и социального закона и из предмета общественных наук, в частности из политической экономии социализма и научного коммунизма. Тем самым человек и его развитие выпадают из результатов производства, из сферы действия указанного закона.

Содержанием данного закона социализма в этом случае становится отношение не по воспроизводству самого человека, а по производству и воспроизводству материальных благ. Закон, стало быть, приспосабливается к пониманию производства как производства продуктов, вещей, а не общественных отношений и их носителей — людей. Даже тогда, когда учитывается производство общественных отношений, утверждается, что для социалистического общества такими отношениями являются отношения по поводу производства материальных благ.

Так, А. К. Покрытан считает, что при социализме мы имеем дело с такой производственно-экономической системой, в пределах которой отношения людей складываются по поводу производства материальных благ, и лишь на коммунистической стадии осуществится переход к системе, в которой отношения будут складываться по поводу производства и воспроизводства социальной определенности человека. Только при коммунизме процесс материального производства приобретет характер производства непосредственно человека. «Процесс воспроизводства общества принимает форму воспроизводства преимущественно самого человека без каких-либо опосредований (кроме опосредования самой формы его общественной организации), отношения между членами складываются уже не по

поводу условий и результатов производства, распределения и обмена материальных благ, а по поводу условий обеспечения воспроизводства весьма подвижной и динамичной структуры совокупной деятельности членов общества»[56].

Производство никогда не перестанет быть производством материальных благ. Одновременно оно *всегда* выступает производством человека в качестве определенного социального или классового индивида. Отношения людей по поводу условий производства и распределения всегда есть по существу отношения по поводу условий существования и воспроизводства самих людей, классов, социальных групп. И наоборот, отношения людей друг к другу по поводу их общественного воспроизводства предполагают всегда наличие их отношения к средствам производства, к производимому продукту. Вопрос лишь в том, что на социалистической фазе условия существования и развития людей еще недостаточны для обеспечения всестороннего развития личности, еще не достигается полное благосостояние.

Однако производство и здесь выступает производством отношений по воспроизводству как можно более развитого человека, хотя еще во многом ограниченного в своей деятельности, подчиненного условиям существования своего класса или социальной группы, общественного разделения труда. Без выхода на человека, на расширенное воспроизводство его способностей невозможно раскрыть сущностную основу социализма и его основной закон, поскольку эта основа низводится до общего исходного генетического основания — обеспечения производством простого жизненного существования человека.

В действительности на стадии социализма общество не ограничивается воспроизводством общей исходной генетической основы, а поднимает ее до воспроизводства основного отношения работников — отношения по поводу производства и воспроизводства всех членов общества как развитых личностей. Но этим не уничтожается исходная основа и ее предметное выражение — отношения людей по поводу производства вещей, материальных условий своего существования и развития. При решении этого вопроса нельзя не учитывать многократные высказывания В. И. Ленина о невозможности ограничивать цель социалистического производ-

ства удовлетворением нужд человека, да еще лишь за счет его индивидуальной доли, получаемой на эквивалентных началах. В. И. Ленин в свое время подверг критике подобные суждения Р. Люксембург, Г. В. Плеханова, Н. И. Бухарина.

Еще дальше от человека уводит трактовка основного экономического закона как закона производства чистого продукта (в форме национального или народного дохода) или другой какой-либо части или формы непосредственно общественного продукта. В ней теряются даже те небольшие преимущества, которыми сопровождается рассмотрение потребностей и нужд в качестве непосредственной цели производства, т. е. когда основной экономический закон рассматривается как закон производства фонда, используемого затем для потребления и всестороннего развития личности.

Если подходить к проблеме с этой точки зрения, то становится понятной позиция наиболее дальновидных экономистов по поводу того, что при обсуждении вопроса о высшей цели социалистического производства следует переходить к конкретной, детальной разработке параметров развития человека, облика работника, закономерностей развития его потребностей, путей формирования социалистической модели потребления [57]. На этом же настаивает В. Н. Черковец, по мнению которого целью социалистического производства выступает «не потребление, не распределение, взятые сами по себе, а потребление, развитие человека» [58]. Он предлагает удовлетворение общественных потребностей рассматривать в качестве исходной экономической категории социализма, заменяющей товар как исходную форму реализации цели капиталистического производства.

Однако значение потребностей им умаляется, поскольку высокая мера удовлетворения всех общественных потребностей, по его мнению, оказывается величиной весьма расплывчатой и практически пока не поддающейся точному измерению. Остается лишь традиционный способ выражения цели — продуктовый агрегат, в данном случае совокупный (валовой) общественный продукт [59]. Невольно возникает вопрос: может вообще не следует браться за измерение уровня удовлетворения потребностей, лучше ограничиться измерением этого уровня суммой денег, необходимой для воспроизводства человека как рабочей силы, т. е. заработной платой?

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что иногда правильный подход к определению цели социалистического производства не сопровождается соответствующей трактовкой его результатов. В их числе обычно значатся лишь те или иные формы общественного продукта. Что касается человека, то он относится не к результатам производства, а к системе затрат или ресурсов производства (трудовые ресурсы). Вроде бы и не отрицается, что целью социалистического производства является удовлетворение потребностей и развитие человека, но эта цель не берется в качестве его результата. Это обстоятельство имеет серьезное значение для понимания существа основного закона социализма, поскольку, как было отмечено, он является законом, выражающим не только и не просто цель, но и результат производства.

Цель, не доведенная до реализации, не превращается в действительный результат, остается на уровне идеи, идеального образа будущего. Соответственно основной экономический закон, представленный как выражение лишь цели производства, неизбежно предстает законом движения целевого отношения, ценностных отношений людей, а не действительных материальных отношений. Согласно концепции оптимального функционирования социалистической экономики, цель развития социалистического общества в виде максимизации общественной полезности сводится к особым «производственным» отношениям, возникающим между людьми по поводу этой цели. И в этой «элементарной форме заключена формулировка основного экономического закона первой фазы коммунизма»[60]. Одновременно утверждается, что целевыми отношениями, выраженными данным законом, определяются все другие общественные отношения: коллективизм выступает отношением согласования целей (интересов) между отдельными членами общества, с одной стороны, и обществом в целом — с другой; планомерность является категорией, производной тоже от целевого отношения[61].

Основной закон социализма — это прежде всего закон, выражающий результат движения основного производственного отношения общества. «...Суть дела,— отмечал Гегель,— исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительно* целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подоб-

но тому как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность...»[62]

Цель социалистического производства в основном законе представлена в ее реализации, осуществлении, т. е. как цель, превращающаяся в результат производства, ибо именно этот результат должен выступать целью производства[63]. Если лучшее удовлетворение потребностей, всестороннее развитие человека определены в виде цели социалистического производства, то они должны присутствовать в его результатах. Развитие самого человека, степень удовлетворения его разнообразных потребностей охотно признаются результатом функционирования социалистического общества в целом, включающего все сферы деятельности людей — и производственную, и непроизводственную. Если же берется только материальное производство, то его эффективность, его результат ограничиваются производством продуктов.

Стало быть, отводя человеку должное место в системе целей социалистического производства, обычно не считают развитие человека одним из результатов производства. В этом случае диалектика результата и предпосылки (то, что выступает предпосылкой, оказывается результатом, а результат в свою очередь служит предпосылкой) остается незавершенной. Между тем, на наш взгляд, ее последовательное применение неизбежно приводит к выводу о том, что человек является не только исходной формой богатства социалистического общества, но и результатом социалистического производства. Другими словами, с победой социализма на место производства капитала приходит производство человека. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, порождает необходимость обращения к потребительной стоимости, которая только при социализме приобретает определенность экономической формы. Задача состоит в том, чтобы от потребительной стоимости перейти к человеку и включить его производство и воспроизводство в качестве развитой личности в теорию развития социализма.

Механизм основного закона, регулирующего воспроизводство развитого человека, включает последнее в себя не только в качестве результата производства, но и как предпосылку. Человек в этом аспекте выступает субъективным фактором производства, затрачивающим способности, субъективные производительные

силы; поэтому действию основного закона подчиняется и движение затрат человеческого труда.

Это движение имеет свою специфику, определяемую сущностной основой социализма. Оно не может быть выражено предлагаемым иногда специальным законом возмещения затрат рабочей силы, поскольку в нем игнорируются потребности развития человека как личности. Затраты труда ограничиваются пределами необходимого продукта, а сам закон в общем и целом приспосабливается для объяснения одной из сторон производства прибавочного продукта в его стоимостном значении. Еще менее приемлемы, на наш взгляд, суждения, согласно которым социалистическое общество, максимизируя стоимостное (валовое) выражение общественного продукта, тем самым якобы максимизирует и удовлетворение потребностей непосредственных производителей.

В механизме основного закона пределы затрат определяются их отношением не к меновой стоимости, а к степени удовлетворения потребностей. Однако соответствующие функции закона не могут быть отождествлены не только со стоимостными механизмами, но и с требованиями закона потребительной стоимости. Конечно, и здесь предполагается, что обществу требуется столько рабочего времени, сколько необходимо для покрытия его потребностей. Но этого мало: для расширенного воспроизводства основного общественного отношения коммунистической формации фонд жизненных средств должен расширяться до такого объема, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества и которого, с другой стороны, «требует полное развитие индивидуальности» [64]. Затраты производства, определяемые потребностями, должны раздвигаться до границ, диктуемых всесторонним и гармоничным развитием каждого члена общества.

Условием такого развития может служить не просто определенное количество затрат труда, а их всемерное сокращение. Если закон потребительной стоимости ограничивает свои требования количеством рабочего времени, нужным для удовлетворения данных потребностей, то основной закон требует сокращения самого рабочего времени до возможного минимума. В этом основная специфика его действия, которая подлежит раскрытию в дальнейшем анализе.

От правильного понимания результата и предпосылок социалистического производства во многом зависит и понимание существа распределения. Необходимость производства служить удовлетворению растущих потребностей людей, их развитию не всегда считается принципом распределения. Во всяком случае функции распределения чаще отдаются закону распределения по труду, а основной экономический закон лишается их. В современных условиях при социалистическом распределении учитывается прежде всего количество труда. Возникает впечатление, что субстанциональная характеристика распределения подменяется его мерой. Между тем основоположники марксизма-ленинизма указывали прежде всего на субстанциональный принцип распределения при социализме: здесь «развитие... производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»[65].

Поскольку принцип потребления не включается в распределение, постольку потребление как процесс реализации цели производства не учитывается в качестве закономерности социализма. Однако все более очевидно, что без теории потребительного производства невозможно раскрыть сущность и пути реализации цели социалистического производства, воспроизводства общественных отношений и работников социалистического общества.

С «введением» человека в систему результатов социалистического производства изменяются и существующие представления о принципах распределения при социализме. Когда человек и его труд фигурируют лишь в системе затрат и отсутствуют среди результатов производства, то и распределение продукта происходит по затратному принципу. Вместе с тем, как уже говорилось, масса потребительных стоимостей зависит не только от количества труда, но и от его производительности. Более того, с ростом производительности труда неизбежно сокращается количество живого труда и рабочего времени, затрачиваемое на единицу продукции, что, однако, не может служить основанием для уменьшения объема потребления. Поэтому потребление и соответственно распределение при социализме не могут быть ориентированы только на рабочее время как на определяющий фактор и меру, они должны исходить

из цели и результата производства, а не только из затрат труда.

В. И. Ленин подверг критике тезис Р. Люксембург о неизбежном отставании производства средств потребления в социалистическом обществе именно потому, что объем потребления трудящихся определялся только затратами живого труда, т. е. это отставание объяснялось неизбежным сокращением доли живого труда в общей сумме труда, воплощенного в общественном продукте[66]. Способ распределения, как известно, определяется способом производства. Если способ производства предполагает в качестве цели и результата развитие человека и более полное удовлетворение его потребностей, то они должны быть исходным принципом распределения. Оплата по труду, выступающая в качестве издержек производства, и соответствующее ей потребление обычно связаны лишь с необходимым продуктом. Производимый же рабочими прибавочный продукт, по словам В. И. Ленина, с самого начала служит удовлетворению потребностей самих рабочих, развитию их способностей и равноправному пользованию всеми достижениями культуры[67]. В другом месте В. И. Ленин счел необходимым дополнить формулу о цели производства при социализме указанием на то, что не просто удовлетворение нужд, а обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества должно осуществляться «за счет *всего* общества»[68].

Богатство социалистического общества в виде развитых способностей всех людей зависит не от продолжительности труда, а от его производительности, обеспеченности производства соответствующими условиями. Вполне очевидно, что распределение и потребление, поставленные в зависимость от производительной силы труда, будут иными, чем в случае, когда они замыкаются на продолжительности рабочего времени, количестве труда, его затратах, а не на результатах в виде потребительной стоимости. Признавая зависимость оплаты труда от его производительности, нельзя подменять сущность распределения его мерой.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ И СПОСОБЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Развитие отношения по воспроизводству человека связано с преобразованием всего социально-экономического механизма воспроизводства общества и человека. В той мере, в какой результатом производства выступает развитая личность, теряет силу способ воспроизводства социального богатства посредством увеличения прибавочной части труда (продукта) и соответствующего уменьшения необходимой части труда (продукта).

Социально-экономический механизм, нацеленный на уменьшение необходимого и увеличение прибавочного рабочего времени, осуществляет производство прибавочной стоимости и воспроизводство капиталистического общества, в котором условия развития монополизированы непроизводительными классами. Было время, когда общество воспроизводило себя без общественного разделения деятельности на необходимый и прибавочный труд. Пока производительность труда не достигла определенного уровня, у работника не было более или менее значительного количества времени для прибавочного труда. Общество воспроизводило себя в целом необходимым трудом всех своих трудоспособных членов без исключения. В предшествующих капитализму классовых общественно-экономических формациях, в которых преимущественное значение имела не меновая, а потребительная стоимость, прибавочный труд шел на удовлетворение более или менее узкого круга потребностей[1].

С переходом от производства прибавочной стоимости к производству развитой личности, т. е. когда место капитала занимает непосредственный производитель, во имя которого организуется производство, механизмом воспроизводства общества становятся уменьшение всего

рабочего времени, отдаваемого материальному производству, и увеличение свободного времени общества, используемого за пределами этого производства. На наш взгляд, время деятельности вне материального производства является свободным временем общества, т. е. временем, «которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития»[2]. По К. Марксу, царство свободы по своей природе находится по другую сторону собственно материального производства, целью которого является развитие человеческих сил, хотя это царство может расцвести лишь на материальном производстве как на своем базисе[3]. В этом смысле мы и будем рассматривать свободное время в дальнейшем, т. е. с позиций его общественной определенности, а не как нерегламентируемое время отдельного лица.

Переход воспроизводства членов общества на новую, социалистическую, социально-экономическую основу предполагает уничтожение специфически антагонистического отношения между необходимым и прибавочным трудом. В результате прибавочный в общеэкономическом смысле продукт выступает необходимым продуктом, что обеспечивает каждому человеку время для других видов деятельности[4].

На удовлетворение всех наличных потребностей общества идет все рабочее время, отдаваемое материальному производству как необходимое; таким же будет продукт материального производства. Однако в необходимом рабочем времени можно выделить часть, идущую на удовлетворение потребностей первой необходимости, и часть, превышающую время, нужное для воспроизводства способности к труду и удовлетворения обычных жизненных потребностей производителей. К. Маркс отмечал, что если, с одной стороны, свести заработную плату рабочего к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая нужна для индивидуального потребления, освободить последнее от капиталистических ограничений и довести до объема, достаточного для полного развития личности рабочего, а с другой стороны, если свести прибавочный труд и прибавочный продукт до размеров, необходимых для образования фонда, используемого в целях расширения производства и страхования общества от всяких бедст-

вий, то останутся общие основы деления отдаваемого материальному производству рабочего времени. Они присущи всем общественным способам производства. Прибавочная часть в целом необходимого рабочего времени состоит, следовательно, из времени, расходуемого на воспроизводство средств производства и создание резервного (страхового) фонда, и времени, которое производительные работники должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных членов общества[5]. Время, затрачиваемое на содержание неработоспособных членов общества, связано с удовлетворением потребностей не первого, а второго порядка необходимости.

Наличие общих основ деления рабочего времени не означает, однако, что социалистическое общество не вносит в него свою специфику. Результат труда, который в условиях капитализма присваивается господствующим классом в интересах собственного развития и создается прибавочным трудом рабочего, при социализме расходуется на развитие непосредственных производителей и создается необходимым трудом. В этом смысле общеэкономически понятый прибавочный труд превращается в необходимый. «Устранение капиталистической формы производства позволит, — по мнению К. Маркса,— ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны, потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления» *. Следовательно, по мнению К. Маркса, прибавочный труд в общеэкономическом смысле после устранения капитализма должен быть отнесен к необходимому труду.

Законно возникает вопрос: что же тогда займет место специфически прибавочного труда? В научной литературе нет достаточно ясного ответа на этот вопрос. Чаще обращаются к общеисторическому толкованию прибавочного труда (фонд накопления и резервы) и рассматривают его как парную категорию необходимого

* *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 539. Это положение К. Маркса, сформулированное в «Капитале», очень редко используется в современной литературе.

труда и продукта. На наш взгляд, вопрос надо решать по-другому.

Прибавочное рабочее время сменяется внерабочим, свободным временем. Оно уже не входит в состав труда работника, занятого в материальном производстве. Но оно возникает за счет сокращения этого труда, причем всего, а не только его необходимой части. Производительный труд, создающий условия жизни и развития общества, уменьшаясь, увеличивает время для другой деятельности. Результат материального производства, следовательно,— это не только фонд благосостояния, но и приращение свободного времени.

В данной главе основное внимание уделяется анализу производства свободного времени, а не росту благосостояния. Но это не означает, что увеличение свободного времени не ведет к росту благосостояния членов общества как основы их деятельности, свободной от материального производства. Именно в социальной сфере, как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, реализуются результаты производительной деятельности, воплощаются высшие цели и ценности социализма, его преимущества и гуманистическая природа. В перспективном плане до 2000 г., в его основных направлениях, одобренных съездом, намечается поднять народное благосостояние на качественно новую ступень, удвоить ресурсы, направляемые на улучшение условий жизни трудящихся. Реальные доходы в расчете на душу населения будут повышены в 1,6—1,8 раза [6].

Улучшение условий жизни, когда создаются возможности для расширения творческих способностей личности, для ее умственного и физического развития, должно сопровождаться соответствующим ростом свободного времени общества. Это время не просто одно из благ, а скорее пространство, в котором реализуются условия жизни и осуществляется развитие человека. Производство, продолженное за известные пределы, когда решаются задачи полного удовлетворения жизненных потребностей, становится процессом созидания этого пространства для развития личности, не теряя, конечно, значения материального базиса свободного времени.

1. ПРОИЗВОДСТВО СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

Свободное время образуется иначе, чем прибавочное рабочее время. Если последнее составляет часть рабо-

чего времени и может увеличиваться за счет сокращения его необходимой части или удлинения всего рабочего времени, то свободное время с самого начала выходит за пределы всего рабочего времени общества. Это, конечно, не исключает его зависимости от продолжительности рабочего времени: оно возрастает за счет сокращения рабочего времени общества. В условиях коллективного производства, как полагал К. Маркс, чем меньше времени общество будет тратить на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени у него окажется для другого производства, для собственного всестороннего развития, потребления и социальной деятельности[7].

Как же создается свободное время? Оно возникает не как особое социальное благо параллельно с фондом потребления или после того, как произведен этот фонд. Общество, создавая продукт за меньшее количество рабочего времени, тем самым экономит свой производительный труд. Каждый раз, когда повышается производительность труда, на производство нужного объема продукции и покрытие общественных потребностей общество тратит меньше времени, чем до повышения. Тем самым из сферы материального производства высвобождается определенное количество труда, которое нужно было затратить, если бы развитие производительных сил осталось на старом уровне. Высвобождаемое, или сэкономленное, таким образом рабочее время превращается во внерабочее время лиц, которые не нужны материальному производству.

Произведем небольшой расчет и покажем механизм превращения сберегаемого труда в деятельность, свободную от материального производства (табл. 1).

Из таблицы видно, что в 1965 г. один работник материального производства за счет роста производительности труда высвобождал для деятельности в непроизводственной сфере 0,25 работника (19,3 : 76,2 = 0,25), т. е. четыре работника производственной сферы высвобождали одного работника для деятельности в непроизводственных отраслях народного хозяйства. Для обеспечения занятых в непроизводственной сфере 19,3 млн человек надо было иметь сэкономленного в материальном производстве труда в сумме 77,2 млн годовых работников (19,3 × 4 = 77,2), или дополнительно к занятым в материальном производстве 76,2 млн человек занять еще 77,2 млн человек.

Таблица 1. Динамика деятельности населения вне материального производства

Показатели	1965	1985	Прирост в 1985 к 1965
Население (млн чел.)	232,2	276,3	44,1
Численность работников, занятых в народном хозяйстве (млн чел.)	95,5	130,3	34,8
Численность работников, занятых в отраслях материального производства (млн чел.)	76,2	95,5	19,3
Численность работников, занятых в непроизводственных отраслях (млн чел.)	19,3	34,8	15,5
Незанятое в народном хозяйстве население (млн чел.)	136,7	146,0	9,3

Рассчитано по: СССР в цифрах в 1982 году. М., 1983. С. 7, 131, 162, 163; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 411.

Иначе обстояло дело через двадцать лет. Поскольку производительность труда выросла, то в 1985 г. один работник материального производства высвобождал для деятельности в отраслях непроизводственной сферы уже больше труда — 0,36 работника (34,8 : 95,5 = 0,36), т. е. примерно три (а не четыре) работника материального производства высвобождали одного работника для деятельности в непроизводственной сфере. Соответственно в 1985 г. в деятельность работников этой сферы было превращено сэкономленного в материальном производстве труда, равного труду 96,7 млн годовых работников (34,8×2,78). Из расчетов, проведенных другими авторами, известно, что в 1980 г. была получена экономия живого труда в количестве 96,1 млн годовых работников [8], т. е. примерно столько же, сколько мы получили по упрощенному расчету.

Чтобы обеспечить деятельность 34,8 млн работников, занятых в непроизводственной сфере в 1985 г., нужно было (при сохранении уровня производительности труда 1965 г.) иметь сэкономленного труда в сумме 139,2 млн годовых работников (34,8×4 = 139,2). Поскольку производительность труда поднялась и в 1985 г. каждые три работника материального производства высвобождали для непроизводственной сферы одного работника, то было высвобождено дополнительно 42,5 млн годовых работников для того, чтобы вовлечь в непро-

изводственную сферу еще реальных 15,5 млн человек. Всего сэкономлено гораздо больше. Высвобождаемое рабочее время не полностью используется в деятельности работников непроизводственной сферы. Определенная его часть идет на то, чтобы освободить от участия в материальном производстве учащихся, нетрудоспособное взрослое население и другие категории лиц. Так, увеличение на 9,3 млн человек численности незанятого населения в 1985 г. по сравнению с 1965 г. надо было возместить: сэкономить труд еще 18,9 млн годовых работников.

Из приведенных расчетов видно, как производится время, необходимое для свободной от материального производства деятельности: труд, сэкономленный в материальном производстве, может превращаться в другие формы деятельности. С этой точки зрения свободное время является сбереженным рабочим временем общества. Сэкономленное рабочее время, даже когда речь идет об условном высвобождении труда, *не пропадает,* оно лишь приобретает новую форму — форму свободного времени общества.

Сэкономленный труд не воплощается в продукте материального производства. Этим сэкономленное рабочее время существенно отличается от прибавочного рабочего времени, которое возникает из сокращения необходимой части рабочего времени (а не из экономии рабочего времени вообще), обязательно является рабочим временем и воплощается в продукте (прибавочном) материального производства. Прибавочный труд — это труд, затраченный, потребленный в материальном производстве, сэкономленный — труд не потребленный, не затраченный. Следовательно, сэкономленный, высвобожденный труд не идет на производство фонда потребления для работников непроизводственной сферы: учителей, врачей, управленцев и т. д. Их жизненный фонд, материальные условия их развития создаются не сэкономленным, а израсходованным трудом — потребленным необходимым и прибавочным временем.

Свободное время не создается в форме прибавочного времени и прибавочного продукта, обеспечивающих деятельность работников непроизводственной сферы. Труд врачей, учителей и других работников, оказывающих услуги работникам материального производства, не входит ни в необходимое, ни в прибавочное рабочее время общества. Из рабочего, в том числе прибавочного,

времени лишь тогда можно получить свободное время, когда оно не затрачивается, не реализуется в продукте производства, а сберегается, экономится. Этим создается возможность обществу часть своих членов не направлять в сферу материального производства или уменьшать рабочее время занятых в нем работников и высвобождать время для другой деятельности, т. е. создавать свободное, внерабочее время *.

Рассмотрение воспроизводства общества и человека в плоскости взаимодействия свободного и рабочего времени вместо плоскости «необходимое рабочее время — прибавочное рабочее время» требует введения ряда дополнительных определений и категорий. Обычно воспроизводство общественного продукта в условиях социализма характеризуется в пропорциях необходимого и прибавочного рабочего времени и соответственно необходимого и прибавочного продукта. Для этой цели определяется норма прибавочного продукта, рассчитывается ее динамика, т. е. изменение соотношения двух частей стоимости вновь созданного продукта, что обусловлено «фактом разделения стоимости вновь созданного продукта на необходимый и прибавочный» **. Отдельные авторы полагают, что суждение К. Маркса об измерении степени богатства общества не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта имеет общеэкономическое значение, хотя социальный смысл богатства общества принципиально различен в капиталистическом хозяйстве и при социализме ***.

---

* Во внерабочее время обычно включают кроме свободного еще и время, затрачиваемое на удовлетворение естественных потребностей. Специально этот вопрос нами не обсуждается, данные категории берутся как однопорядковые.

** *Ситарян С. А.* Распределительные отношения и эффективность производства. М., 1980. С. 263. Автор считает ошибочным отказ от показателя нормы прибавочного продукта при социализме. Другие авторы используют термин «прибавочная стоимость» (см.: Вопросы экономики. 1986. № 1. С. 57).

*** См.: *Ситарян С. А.* Указ. соч. С. 263. К. Маркс, конечно, имел в виду капитализм, что видно из текста и примечания к нему, если привести их полностью: «Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 240). В добавлении к примечанию К. Маркс приводит слова Т. Гопкинса, который считал странной сильную склонность изображать чистый продукт как нечто благотворное для рабочего класса (см. там же. С. 241).

Степень богатства социалистического общества обычно характеризуется ростом нормы прибавочного продукта (табл. 2).

Таблица 2. Рост прибавочного продукта в СССР за период с 1959 по 1972 г.

Годы	Национальный доход (млрд руб.)	Необходимый продукт (млрд руб.)	Прибавочный продукт (млрд руб.)	Норма прибавочного продукта (%)
1959	136,2	82,8	53,4	64,4
1966	207,4	128,6	78,8	61,2
1972	313,6	186,3	128,3	68,8

Источник: Ситарян С. А. Распределительные отношения... С. 270.

В 1932 г. пропорции необходимого и рабочего времени в составе рабочего дня в СССР составляли соответственно 4,07 и 3,03 (норма прибавочного времени 74%), в 1977 г.— 3,16 и 3,77 (норма прибавочного времени 119%)[9]. В этих расчетах отражена лишь динамика рабочего времени, реализованного в материальном продукте. Экономия рабочего времени не учитывается. Более того, заранее предполагается, что продолжительность рабочего дня остается на прежнем уровне, масса рабочего времени общества увеличивается, но свободного времени у непосредственных производителей не прибавляется: у них может расти фонд потребления материальных благ, но не время деятельности, свободной от материального производства.

Для выражения богатства общества в форме свободного времени нужно, на наш взгляд, вместо затратного измерителя материального богатства ввести измеритель другого рода — *норму свободного времени,* выражаемую отношением свободного времени общества к его рабочему времени. Динамика нормы свободного времени в ее элементарной форме обнаруживается в изменении пропорций производительного и непроизводительного труда и занятых в отраслях материального производства и в непроизводственных отраслях. (Об изменении этих пропорций в СССР за 30 лет см. табл. 3.)

Из таблицы видно, что норма времени деятельности, свободной от материального производства, за 30 лет в стране увеличилась почти в 2 раза. Больше населения было привлечено к деятельности в области науки, ис-

Таблица 3. Распределение населения, занятого в народном хозяйстве, по отраслям материального производства и непроизводственным отраслям (%)

Население	1950	1980
Всего занято в народном хозяйстве	100	100
В отраслях материального производства	86,2	74,1
В непроизводственных отраслях	13,8	25,9

Источники: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 411; СССР в цифрах в 1982 году. С. 162.

кусства, просвещения и в других сферах. При такой ситуации, по словам К. Маркса, «страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда» [10].

Время, принадлежащее занятым в непроизводственной сфере, можно принять за величину основной части свободного времени общества, а его рост — за увеличение массы этого времени. Так, в 1980 г. в отраслях непроизводственной сферы было занято 32,8 млн человек, т. е. почти в 2 раза больше, чем в 1950 г. В двенадцатой пятилетке весь прирост занятых в народном хозяйстве будет происходить только за счет непроизводственной сферы, а увеличение объемов материального производства будет обеспечиваться практически без привлечения дополнительной рабочей силы в производственную сферу. Времени, уделяемого обществом для деятельности, свободной от материального производства, станет еще больше.

2. ЭКОНОМИЯ РАБОЧЕГО И УВЕЛИЧЕНИЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ ОБЩЕСТВА

Экономия рабочего времени, будучи основным способом производства свободного времени и расширенного воспроизводства социалистического общества, является исходным социально-экономическим законом социализ-

ма. «...Экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени»[11]. Этот закон пока еще недостаточно используется при объяснении воспроизводственных процессов и в практике социального планирования. «Рисуя научную схему системы экономических законов, действующих при социализме,— заметил в свое время В. Н. Кашин,— некоторые ученые вообще «обходятся» без указанного закона» *.

Это происходит опять-таки потому, что предметом исследования берется воспроизводство общественного продукта, в котором воплощается лишь рабочее время общества. При этом принимается, что его количество увеличивается соответственно росту численности занятых в материальном производстве. Экономия рабочего времени исчезает и из последствий действия закона роста производительности труда, поскольку производительность, рассчитываемая по заводскому методу, выражает больше динамику стоимостного результата труда, чем его экономию. Валовые показатели требовали не уменьшения, а увеличения затрат рабочего времени, порождали затратный метод оценки результатов производства. В этих условиях об экономии труда говорилось мало, а если ставился вопрос об экономии материальных затрат, то речь шла чаще всего о затраченном прошлом труде, воздействующем на изменение стоимостной структуры продукта. Действительная же экономия труда или выглядела как нечто условное, за которым не оказывалось реального содержания, или рассчитывалась для отчетов.

Между тем именно эта экономия, как уже говорилось, вызывала реальное увеличение свободного времени общества, ускоряла его социальное развитие. Она обусловливается ростом производительности труда, но в другом ее измерении. Так, в двенадцатой пятилетке

---

* *Кашин В. Н.* Познание и использование экономических законов при социализме. М., 1975. С. 76. Этот закон не просто экономический, но и «первый социологический закон функционирования и развития социализма и коммунизма... Сбережение, экономия рабочего времени, увеличение времени свободного, рациональное, на пользу человека и общества его использование является,— отмечал В. Г. Афанасьев,— и сутью, и главным направлением интенсификации социалистического производства, прогресса общества в целом» (Правда. 1985. 11 янв.).

для достижения запланированного объема прироста национального дохода в 19—22% по отношению к 1985 г. без увеличения производительности труда понадобилось бы дополнительно свыше 22 млн человек. Действительный прирост трудовых ресурсов за этот период составит лишь 3,2 млн человек, причем почти все они будут направлены в сферу образования, здравоохранения и другие социально-культурные отрасли[12]. Высвобождаемые из материального производства за счет увеличения производительности труда 22 млн, казалось бы, условных производительных работников на деле дадут возможность освободить от участия в материальном производстве и занять в непроизводственной сфере 3,2 млн работников. Произойдет, следовательно, абсолютная экономия рабочего времени в материальном производстве.

Этим создается принципиально новая ситуация: если раньше воспроизводство общества и человека предполагало превращение сэкономленного необходимого рабочего времени в прибавочное рабочее время без существенного сокращения рабочего дня, то теперь открывается возможность поставить его в зависимость от абсолютного сокращения рабочего дня в материальном производстве. Это два социально-экономических способа получения свободного времени: первый создает относительное свободное время общества, второй — абсолютное; в первом случае можно говорить о формальном подчинении производства всестороннему развитию личности, во втором — о реальном его подчинении. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Если экономится лишь необходимая часть рабочего времени и за счет этого увеличивается его прибавочная часть, то посредством такой экономии создается прибавочный продукт, который большей частью идет на материальное обеспечение деятельности специально высвобождаемых работников для непроизводственной сферы. Поскольку общество может в значительных размерах высвобождать труд из сферы материального производства, то этим оно увеличивает время для других видов деятельности. В рамках рабочего времени работниками материального производства создается продукт для высвобожденной части работников непроизводственной сферы, но прибавочное время занятых в материальном производстве не превращается еще в их собственное свободное время или превращается в таковое в небольших размерах. Социалистическому обществу долгое

время приходится пользоваться относительно свободным временем, т. е. экономию рабочего времени опосредовать увеличением прибавочного времени. Иначе пока невозможно обеспечивать существование освобожденных от участия в материальном производстве работников. Общество для этого вынуждено сохранять на значительный период общую продолжительность рабочего дня или осуществлять небольшие его сокращения. Так, средняя продолжительность рабочей недели в промышленности СССР уменьшилась на 18 часов — с 58,5 (1913 г.) до 40,5 часа (1986 г.) [13].

Недостаточный уровень производительности труда еще не позволяет советскому обществу увеличивать свободное время за счет сокращения всего времени в материальном производстве, а вынуждает использовать для этого лишь сокращение необходимой части этого времени, чтобы за счет прибавочного продукта предоставить другим время для свободной от производства деятельности. Социализм ликвидирует классовую противоположность рабочего и свободного времени, но на определенный исторический период сохраняет прежние естественноисторические условия производства свободного времени.

При капитализме эти условия связаны с прибавочным трудом рабочих, который обеспечивает существование лиц, не участвующих непосредственно в производстве потребительных стоимостей. От прибавочного труда не работающие в материальном производстве получают двоякий результат: во-первых, материальные условия жизни в виде участия в потреблении прибавочного продукта, производимого рабочими сверх того продукта, который идет на воспроизводство их собственной рабочей силы; во-вторых, свободное время, которое может ими использоваться для осуществления деятельности, не являющейся непосредственно производительной. К такому времени К. Маркс, например, относил время для воинской деятельности, государственного управления или для развития человеческих способностей (искусство, наука, и т. д.), т. е. время, не поглощенное непосредственным производством средств существования. С этой точки зрения производство прибавочного рабочего времени одной частью общества является производством свободного времени для другой его части, следовательно, человеческое развитие в той мере, в какой оно выходит за рамки развития, необходимого лишь

для естественного существования людей, состоит исключительно в использовании этого свободного времени [14].

Данная форма производства свободного времени и его использования для развития человека основана на классовом антагонизме: развитие рабочего человека ограничено рамками воспроизводства его собственной рабочей силы. Свободное время неработающей (производительно) части общества основывается на том, что рабочие все свое время, т. е. все «пространство» для своего развития, должны затрачивать исключительно на производство определенных потребительных стоимостей. Следовательно, «развитие человеческих способностей на одной стороне базируется на тех барьерах, которые поставлены развитию на другой стороне. На этом антагонизме базируется вся существовавшая до сих пор цивилизация и все общественное развитие» [15].

Может создаться впечатление, что другого способа общественного развития и воспроизводства свободного времени не существует. Противоположность рабочего и свободного времени, их распределение между разными частями населения буржуазными теоретиками выдаются за естественную, вечную основу цивилизации. Экономисты, заметил К. Маркс, любят рассматривать отношение между рабочим и свободным временем капиталистического общества как естественное отношение или божественное установление [16]. Этому в определенной мере способствует абсолютизация общеисторических различий необходимого и прибавочного продукта, общей зависимости прибавочного продукта от производительности труда, что позволяет прибавочный продукт рассматривать вне стоимостной формы, а рабочее время считать необходимым для производства потребительной, а не меновой стоимости. Если, например, два квартера пшеницы являются продуктом того же количества времени, которое раньше реализовывалось в одном квартере, то стоимость этих двух квартеров не будет большей, чем прежнего одного квартера. В то же время при сохранении производительности труда на одном и том же уровне два часа труда дают большую массу потребительных стоимостей, чем один час [17]. Не получая дополнительной стоимости, можно, следовательно, увеличить неработающую часть населения.

Свободное время имеет своей предпосылкой не только прибавочный продукт, расходуемый на жизненные средства не работающих в производстве членов общест-

ва, но и создаваемую ростом производительности труда возможность производить весь продукт меньшим количеством производительного труда, с тем чтобы увеличивать массу не занятых в материальном производстве лиц. С точки зрения идеологов буржуазии, это означает, что классы общества, время которых не поглощено материальным производством, должны быть как можно более многочисленными по сравнению с теми классами, время которых почти целиком поглощено материальным производством. Рикардо, например, этим хотел сказать, что необходимо, чтобы на рабство труда обрекалась возможно меньшая часть населения. Это, по словам К. Маркса, есть самое большее из того, до чего добираются представители буржуазной точки зрения[18]. Пролетарские противники идеологов буржуазии с самого начала не приняли эту точку зрения. Прекрасным назвал К. Маркс их тезис: ««Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство»* (реальное богатство) «представляет собой не распоряжение прибавочным рабочим временем, а *такое время, которым можно свободно располагать* за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство, — свободное время для *каждого индивида* и всего общества»»[19].

Работа в течение 6 часов вместо 12 предполагает, по мнению К. Маркса, что не существует ни прибавочного продукта, ни прибавочного труда, что работать должны все трудоспособные члены общества. Тогда отпадет противоположность между работающими в материальном производстве и занятыми другими формами деятельности вне его: все члены общества за 6 часов работы произведут необходимое изобилие продуктов (больше, чем за 12 часов) и вместе с тем все будут иметь 6 часов времени, которым они смогут свободно располагать, т. е. будут иметь время для удовольствий, досуга и собственного развития, участвуя в разных формах деятельности.

К. Маркс видел в соединении рабочего и свободного времени в деятельности одних и тех же членов общества способ преодоления социальных различий между необходимым и прибавочным трудом, существенное средство абсолютной экономии рабочего времени. Он полагал, что при данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, будет тем короче, чем

равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность «для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда»[20]. Данный социальный способ сокращения рабочего времени в материальном производстве, т. е. всеобщность производительного труда, предполагает увеличение времени, остающегося для свободной умственной и общественной деятельности каждого индивида. Здесь начинается, отмечал К. Маркс, развитие человеческих сил, которое становится самоцелью, утверждается истинное царство свободы. Но это царство может установиться лишь на базе материального производства, и основным условием для этого является сокращение рабочего дня[21] в материальном производстве, т. е. рабочего времени каждого работоспособного члена общества.

С сокращения рабочего дня начинается абсолютная экономия рабочего времени и производство абсолютного свободного времени как времени, принадлежащего непосредственным производителям. Последнее увеличивается не при всякой экономии рабочего времени, а лишь тогда, когда сокращается рабочий день в материальном производстве. Закон экономии времени, как первый закон коллективного производства, по существу предполагает экономию рабочего времени, взятого вне его стоимостной структуры, т. е. экономию не необходимого рабочего времени ради увеличения прибавочного труда, а всего рабочего времени как необходимого, взятого по отношению к наличным потребностям общества.

К. Маркс разъясняет, что такое время существенно отличается от того рабочего времени, которым измеряются меновые стоимости. Если развитие производительных сил привело бы к уменьшению абсолютного числа рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать производство в более короткое время, то при капитализме это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел. «Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство»[22]. Развитие производительной силы труда здесь нужно лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не потому,

что оно вообще сокращает рабочее время в материальном производстве.

Закон экономии времени на базе коллективного производства имеет своим главным результатом сокращение рабочего дня в материальном производстве. В той мере, в какой возникают условия для производства материального продукта в более короткое время, создается возможность сокращать рабочий день и увеличивать свободное время непосредственных производителей. Крупное производство, машины, железные дороги, писал В. И. Ленин, дают тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь[23]. Он полагал, что социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производственно-потребительских коллективов, добросовестно учитывающих свое производство и свое потребление, экономящих труд, повышающих его производительность и обеспечивающих этим возможность сокращать рабочий день до семи, шести часов в сутки и еще меньше[24]. Не случайно переход к социализму при всех экономических трудностях сопровождался сокращением рабочего дня — установлением восьмичасового рабочего дня как максимального рабочего времени.

Пока нет экономических условий, необходимого уровня производительности труда, чтобы можно было вновь сократить рабочий день в материальном производстве. Но это не значит, что данная проблема не может возникнуть и не стать актуальной. Пока, конечно, экономия труда в материальном производстве, получаемая за счет роста производительности труда, в своей значительной части превращается в свободное время всего общества в лице работников непроизводственной сферы, расходуется на образование подрастающего поколения и другие виды социальной и культурной деятельности. Но по мере насыщения этой сферы соответствующими работниками создаются новые возможности для превращения высвобождаемого (сэкономленного) в материальном производстве рабочего времени в дополнительное свободное время каждого производительного работника, т. е. для реального подчинения производства развитию каждого члена общества, когда во все больших масштабах индивидуальное развитие каждого становится условием развития всего общества.

Создаются определенные возможности и для приме-

нения собственно социальных средств решения данной задачи. Так, в результате интенсификации материального производства уже в ближайшие пятилетки численность занятых в материальном производстве практически не будет расти, что позволит значительно увеличить число работников непроизводственной сферы, довести их численность до $^1/_3$ всего занятого в народном хозяйстве населения. Если допустить, что в три последующие пятилетки прирост их численности составит 10%, то может возникнуть ситуация, при которой одна половина занятых будет работать в материальном производстве, а другая — в непроизводственной сфере. Тогда, возложив производительный труд на плечи всего трудоспособного населения, можно сократить рабочий день в материальном производстве наполовину, довести до 20 часов в неделю и настолько же увеличить свободное время всех. Получается, таким образом, уже не «шесть часов физической работы для каждого взрослого гражданина ежедневно и четыре часа работы по управлению государством»[25], как предсказывал В. И. Ленин, а четыре часа производительного труда и четыре часа регламентированной работы в непроизводственной сфере в каждый из пяти дней недели.

Возможна и более благоприятная ситуация. Производительность труда может повыситься настолько, что в материальном производстве вместо $^2/_3$ населения будет непосредственно участвовать всего $^1/_3$. Если раньше $^2/_3$ населения доставляли жизненные средства для $^3/_3$ населения, то в последующем — $^1/_3$. При отсутствии социального разделения труда между различными классами и слоями общество могло бы употребить на непосредственное производство $^1/_3$ своего времени вместо прежних $^2/_3$, и, таким образом, все имели бы больше времени ($^2/_3$) для непроизводительного труда и досуга[26].

Всеобщий производительный труд и предоставление всем одинаково большего количества свободного времени К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. И. Ленину казались задачей, выполнимой на первой фазе коммунистического общества. Предложенный К. Марксом в «Критике Готской программы» принцип распределения общественного продукта, находящегося в распоряжении всего общества, по трудовому вкладу в его производство предполагает участие в создании продукта каждого трудоспособного в качестве производительного работника. Непроизводи-

тельные, но необходимые функции, конечно, останутся, но расходы на их выполнение особой, освобожденной от материального производства частью общества будут покрываться за счет фонда, производимого производительным трудом, до тех пор, пока будет существовать социальное разделение указанных видов труда. «В обществе с обязательным для всех производительным трудом,— а ведь такое общество также «мыслимо»,— это (социальное разделение труда.— *В. Е.*),— по мнению Ф. Энгельса,— отпадает»[27].

Необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления, конечно, останется и в этом случае. Ф. Энгельс полагал, что их производство будет возложено на всех трудоспособных членов общества и критиковал Родбертуса, который под предлогом необходимости «урезать трудовой доход» защищал вечность бюрократического аппарата. Ф. Энгельс отмечал, что представители утопической теории рабочих денег не исключали расходы на экономически непроизводительные функции за счет общего, всем принадлежащего продукта труда. Ее сторонники считали, что сами рабочие в обычном демократическом порядке должны облагать себя налогом для этой цели. Родбертус же передавал «все дело на усмотрение бюрократии, которая сверху определяет и милостиво выдает рабочему его долю из его собственного продукта»[28].

В. И. Ленин предполагал, что каждый трудящийся должен бесплатно выполнять государственные обязанности по отбытии им восьмичасового урока производительной работы. Переход к этому он считал трудным делом, но только в этом переходе он видел залог окончательного упрочения социализма[29]. Задача по увеличению свободного времени непосредственных производителей путем вовлечения в материальное производство как можно большей части трудоспособного населения оказалась трудной и не выполнена по сей день. Она входит в сумму тех нереализованных задач, о которых говорится в последнее время в партийных документах и которые заставили по-иному решать вопрос об уровне развития социалистического общества и сроках достижения его нового качественного состояния. Очевидно, что сэкономленное в материальном производстве рабочее время не удалось превратить в свободное время непосредственных производителей и потому, что значительно расширившиеся в свое время управленческие

функции выполнялись не в порядке самоуправления и потребовали около двух десятков миллионов работников, занятых в управлении обществом, народным хозяйством *. Значительно и постоянно сокращая аппарат управления, немалую часть общественной деятельности можно передавать самим производительным работникам, предоставив им соответствующее количество свободного времени общества.

Однако главным средством производства свободного времени остается создание соответствующей материально-технической базы, кардинальное повышение производительности труда. К. Маркс полагал, что если бы рабочие сами господствовали над своим производством, если бы они имели возможность производить для самих себя, то они очень скоро подтянули бы производительные силы до уровня своих потребностей [30]. Речь идет не просто об уровне материально-технической базы, но и о ее новой социальной направленности, о новых социальных границах, в рамках которых экономия рабочего времени будет реально служить всестороннему развитию личности, которое одновременно становится главным показателем общественного прогресса, а свободное время — его мерилом.

3. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Общественные отношения и их изменения, развитие личности в современной литературе часто связываются лишь с научно-техническим прогрессом, совершенствованием материально-технической базы общества. Между тем материально-технический базис производства по своей социально-экономической сущности является в свою очередь порождением самих общественных, производственных отношений. Он вызывается к жизни потребностями определенной социальной системы в утверждении своего господства и выступает способом реализации ее требований. У К. Маркса, например, в «Капитале»

* Только в сфере экономического управления занято свыше 15 млн человек (см.: *Симчера В.* Подбор, расстановка и использование кадров управления//Вопросы экономики. 1977. № 2. С. 95). Во всем аппарате управления ныне занято 18 млн человек (см.: Правда. 1987. 30 июля. С. 1).

машинное производство представлено как созданный капиталистическим отношением способ производства относительной прибавочной стоимости и реального подчинения труда капиталу. Капиталистический способ производства порождает специфическую материальную форму производственного процесса, а затем, укрепляя ее, делает средством дальнейшего развития самого капиталистического отношения.

Форма производственного процесса социалистического общества также должна отвечать требованиям воспроизводства его основного общественного отношения, которое в свою очередь «оказывает решающее формообразующее влияние на материально-техническую базу»[31]. Если это не учитывать, то трудно понять, почему данная база должна вызывать именно эти, а не другие социальные последствия. Характеристика научно-технического прогресса со стороны его социальных последствий должна предполагать его социальную сущность, для реализации которой он предназначен.

Основное производственное отношение закрепляется определенной системой орудий производства и его организацией. В этой связи в литературе отмечается, что суждение К. Маркса о средствах труда как показателе общественных отношений, при которых совершается труд, свидетельствует не о том, что средства труда определяют систему общественных отношений, а скорее о том, что они сами выступают показателем общественных отношений и определяются ими[32].

В довольно обширной литературе по научно-техническому прогрессу последний, к сожалению, нередко рассматривается без учета его социальной сущности: он берется лишь как процесс системного совершенствования элементов производства на основе научных исследований и разработок.

Сущность научно-технической революции нередко сводится или к переворотам в отдельных элементах материальных производительных сил, или к единому, целостному технологическому перевороту, обладающему некоторым общественным аспектом. Социальные последствия научно-технической революции нередко сводятся к преобразованиям лишь отношения между человеком и природой, но не производственных отношений, надстройки. В этом вопросе существует «известный перекос в сторону технократических подходов»[33], связанный с ослаблением внимания к социальной стороне

производства, с оценкой социального только как следствия технического развития.

В решениях XXVII съезда КПСС предусмотрено усиление социальной ориентации научно-технического прогресса, решительный поворот планирования и управления к потребностям социальной сферы. Предстоит преодолеть ситуацию, при которой социальное фигурирует чаще всего в качестве отрицательных последствий научно-технического прогресса.

Нередко в программах научно-технического прогресса социальная проблематика или вовсе отсутствует, или сводится к немногим общим положениям, подменяется строительством объектов для непроизводственной сферы. В планах экономического и социального развития коллективов и регионов больше внимания уделяется повышению производительности труда и эффективности производства, чем подчинению производства решению социальных задач.

Социальное развитие, вместо того чтобы быть ориентиром технического прогресса, занимает в структуре планов социально-экономического развития последнее место, что делает его скорее обычным следствием, чем ориентиром научно-технического развития. Нельзя же на практике пользоваться таким ориентиром, который стоит позади научно-технического прогресса и других разделов плана, предусматривающих развитие материальных средств производства. Социальные задачи часто не включаются в программы решения научно-технических проблем, которые ограничиваются заданными техническими и технологическими параметрами. На практике социальные критерии эффективности научно-технического прогресса используются недостаточно, не определяются социальные границы применения новой техники и новых технологий. В общественных науках не решены вопросы методологии и методики оценки социальной эффективности научно-технического прогресса, критериями экономической эффективности предлагаются чаще всего стоимостные принципы.

Если говорить о социальной сущности научно-технического прогресса, то она реализуется прежде всего через экономию труда и увеличение свободного времени трудящихся. Прогресс техники, по мысли В. И. Ленина, в том и выражается, что человеческий труд все более и более отступает на задний план перед работой машин, что в замене ручного труда машинным «состоит вся про-

грессивная работа человеческой техники» [34]. В условиях социализма в гораздо более высокой степени, чем при капитализме, социальная граница применения машин «определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением» [35]. Социализм раздвигает границы применения новой техники до такого масштаба, когда экономится весь труд, а не только оплачиваемая часть живого труда.

При социализме увеличение прибавочного труда за счет такого же уменьшения необходимого не может выступать в качестве обобщающего критерия эффективности производства и применения новых машин. Все работники, являясь одновременно собственниками средств производства, одинаково заинтересованы в применении новой техники, позволяющей экономить как прошлый, так и весь живой труд. «Поэтому, — указывал К. Маркс, — такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при любых общественных условиях производства. В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее начертанному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом» [36].

Социальные требования социалистического общества к научно-техническому прогрессу могут быть удовлетворены не любым экономическим эффектом, а лишь таким, который дает максимальный социальный эффект, связанный с развитием человека. От того, что́ берется за основу определения эффективности новой техники (стоимостная оценка или оценка на основе потребительной стоимости, вытекающей из социалистического непосредственно общественного характера производства), во многом зависят пути дальнейшего развития материально-технической базы советского общества. Для их определения недостаточно сопоставить затрату и результат только в стоимостной форме.

Согласно трудовой теории стоимости К. Маркса, результат (новая стоимость), взятый как меновая стоимость, не может быть больше затраченного на его производство общественно необходимого труда. Закон стоимости неизменно устанавливает, что из меньшего нельзя получить большее. Прошлый труд, взятый в стоимостном

выражении (будь это стоимость средств производства или прошлый труд, воплощенный в рабочей силе), не увеличивает новую стоимость: конкретный труд работника лишь переносит стоимость средств производства на продукт, т. е. их стоимость появляется во вновь созданной потребительной стоимости. Производить большее количество новой стоимости может только живой труд при помощи средств производства, функционирующих в роли потребительных стоимостей. Единственное, что можно получить в стоимостной плоскости при данных или меньших затратах труда, — это увеличение стоимости прибавочной части продукта, но за счет такого же уменьшения стоимости его необходимой части.

Увеличение результата за счет уменьшения затрат может происходить в двух случаях: во-первых, когда затраты живого общественного труда, измеряемые временем, уменьшаются, а масса производимых потребительных стоимостей увеличивается; во-вторых, когда одна часть воплощенного в продукте труда (необходимый труд) уменьшается, а другая часть труда (прибавочный труд) за счет этого увеличивается. В первом случае количество труда соизмеряется с количеством потребительных стоимостей, во втором — количество прибавочного труда с количеством необходимого труда. В первом случае при меньших затратах труда за счет роста его производительности действительно можно получить больше продукта. Во втором случае результат, взятый как стоимость, не может быть больше затраченного на него общественно необходимого труда: в продукте может расти лишь доля, падающая на прибавочную часть труда, и соответственно уменьшается доля, приходящаяся на необходимую часть труда. Тогда эффектом, получаемым от уменьшения оплачиваемой части материальных и трудовых затрат и приводящим к увеличению затрат на производство прибавочного труда, будет рост чистой прибыли. Если развитие материально-технической базы социализма ориентировать на получение большей прибыли, или прибавочной стоимости, то трудно будет превзойти капитализм по научно-техническому развитию.

Социальная ориентация научно-технического прогресса на расширение воспроизводства социалистических общественных отношений, на наш взгляд, наилучшим образом может быть реализована в условиях, когда

экономическая эффективность производства измеряется в потребительной стоимости. В. А. Медведев обоснованно утверждал, что в условиях социалистической экономики решающее значение имеет потребительная стоимость как самого общественного продукта, так и средств его производства[37]. Такая оценка, к сожалению, не получила еще признания в работах по социально-экономическим вопросам научно-технического прогресса и эффективности научных исследований.

Потребительная стоимость и потребности, определяющие технический строй производства, тоже ставят его в определенные границы, особенно если реализуются возможности полного удовлетворения абсолютных потребностей членов общества. Однако эти границы другого порядка по сравнению, например, с ограничениями в развитии производительных сил, диктуемыми нормой прибыли. Они не лишают закон повышающейся производительной силы труда безусловного значения, поскольку вместо обратного соотношения между стоимостью и производительностью труда здесь устанавливается прямая пропорциональная связь между производительной и потребительной силой общества. Средства производства становятся средствами постоянного обогащения жизненного процесса трудящихся, круга их потребностей, новой исторической структуры последних. С преодолением тенденций, вызванных к жизни «работой» затратных механизмов и развитием производства ради производства, неизбежно должен преобразоваться весь технический уклад производства.

Научную картину технического строя производства, призванного служить утверждению более высокой общественной формы, основным принципом которой будет полное и свободное развитие каждого индивида, дал К. Маркс. Он исходил из того, что капиталистическое общественное отношение не может являться единственным и наиболее адекватным способом развития технической базы общества. Таковым оно не может быть прежде всего потому, что рабочий в нем низводится до уровня простого средства производства, не принимается в качестве самоцели и цели производства. Соответственно основным устоем, определяющим моментом функционирования материально-технической базы капитализма является количество непосредственно живого труда, непосредственного рабочего времени. Это обусловлено не требованием техники, а стоимостным отношением и ос-

нованной на стоимости организацией производственного процесса [38].

Материально-техническая база коммунистического способа производства, напротив, нуждается в максимальном сокращении рабочего времени, выводе непосредственного производителя из системы прямых и главных агентов производства, с тем чтобы он встал рядом с производственным процессом, был его контролером и регулятором. Поэтому обязательной характеристикой, атрибутом каждой новой технической и технологической системы должно стать высвобождение живого труда, если речь идет о ее соответствии социалистическому отношению *. Превращаясь в количественном отношении в незначительную долю рабочего времени, труд в качественном отношении становится применением науки к производству. «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида» [39].

Соответствующие требования предъявляются и к средствам производства. Утверждение отношения по поводу производства развитого человека предполагает уже не количество рабочего времени, а высочайшую дееспособность технических средств, т. е. мощь материальных агентов, «которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству» [40]. Это значит, что стоимость машин не будет определять функционирование материально-технической базы; ее обновление, сроки службы техники будут обусловливаться не стоимостью, а потребительной стоимостью средств производ-

---

* См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213—214. В Германской Демократической Республике, например, норматив высвобождения живого труда устанавливается для каждого технического нововведения и входит в обязательные условия конструкторской и проектной деятельности.

ства. Экономия живого труда посредством применения новой техники превратится в норму технического прогресса.

Эти и другие сущностные черты материально-технической базы коммунистического способа производства предстают как его собственный продукт, следовательно, сами общественные отношения для своего утверждения нуждаются и в более развитой материально-технической базе.

Глава VI

НАКОПЛЕНИЕ И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНОГО БОГАТСТВА ОБЩЕСТВА

Общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянном потоке своего возобновления, одновременно выступает и процессом воспроизводства, а условия производства — условиями воспроизводства [1]. Воспроизводству подлежат прежде всего расходуемые средства производства. Каждый раз общество часть произведенного продукта превращает в средства производства и элементы нового производства. Ни одно общество не может обходиться без этого, хотя в разных формациях расширенное воспроизводство совершается по специфическим законам и в разных масштабах.

Вопросам накопления и воспроизводства общественного продукта уделяется достаточное внимание в литературе, если не сказать больше: накопление вещного богатства, особенно производственных фондов, составляет почти единственный предмет анализа и противопоставляется индивидуальному потреблению как процессу, не имеющему отношения к накоплению или являющемуся минусом по отношению к накоплению. Это объясняется той же причиной, о которой уже говорилось, — сведением содержания производства к процессу создания вещей, а в стоимостном отношении — к овеществленной стоимости. Очевидно, что если стоимость в этой форме расходуется при индивидуальном человеческом потреблении, то она накапливаться не может, она перестает существовать, уничтожается. В отличие от такого подхода в данной главе, согласно поставленной задаче, накопление и расширенное воспроизводство рассматриваются применительно к индивидуальному потреблению и человеку как результату воспроизводственного процесса, с одной стороны, и к обществу в целом как общему, конечному его результату — с другой.

В литературе человек, как говорилось, пока еще в

большинстве случаев не признается результатом производства, хотя к результатам воспроизводственного процесса его уже относят *. Правда, он выступает главным образом в виде рабочей силы, поскольку в рамках стоимостного отношения производится именно она: стоимость жизненных средств в потреблении рабочего не исчезает, а превращается в его рабочую силу, но не больше. Однако в условиях социализма рабочая сила перестает быть товаром и выступать как стоимость, что предполагает иное объяснение воспроизводства человека как производительной силы и иную оценку роли потребления в воспроизводственном процессе. Вопрос должен быть поставлен, на наш взгляд, так: как включить индивидуальное потребление в общую схему воспроизводства и представить его стороной, если не содержанием, процесса накопления общественного богатства?

В работах по вопросам социалистического воспроизводства (теория воспроизводства пока является монополией экономистов) в лучшем случае упоминается о том, что производственные отношения должны воспроизводиться. Это означает, что производственные отношения (тем более общество в целом) еще в меньшей мере, чем человек, включаются в общий воспроизводственный процесс и рассматриваются как его результат. Если обратиться к конечным результатам воспроизводства или экономического развития, о чем ныне пишется достаточно много, то производственных отношений мы там не обнаружим **. В последующем изложении будет рассмотрено воспроизводство общественных отношений и общества в общем виде как ассоциации производителей, работающих на себя.

---

* Так, встречается утверждение, что человек в принципе может быть отнесен к результатам воспроизводства, но не производства. Критику этой точки зрения можно найти в работе В. Т. Пуляева «Главная производительная сила социалистического общества и экономические законы ее развития» (Л., 1979).

** См., например: Экономический строй социализма. М., 1984. Т. II. С. 400—405; Социалистическое воспроизводство: Динамизм и результативность. М., 1983. Между тем в проект программы по политической экономии социализма впервые включена тема «Всестороннее развитие личности — обобщающий результат социалистического воспроизводства» (см.: Экономические науки. 1986. № 6. С. 129).

1. ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК НАКОПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО БОГАТСТВА

Необходимость непрерывного воспроизводства средств производства и накопления общественного продукта очевидна. Не ясна, однако, роль потребления в накоплении: обычно последнее связывается с производством продукта, а не с индивидуальным потреблением. Не случайно поэтому индивидуальное потребление как деятельность в непроизводственной сфере не включается в известные схемы воспроизводства совокупного общественного продукта, в воспроизводственный процесс в целом. Некоторые авторы считают, например, что В. И. Ленин в схемах воспроизводства, касающихся коммунистического способа производства, абстрагируется от непроизводственной сферы и из фонда потребления берет лишь продукт, идущий на индивидуальное потребление работников производственной сферы *. Есть суждения, в которых хотя и признается неправомерность исключения непроизводственной сферы из воспроизводственного процесса, но утверждается, что К. Маркс «при анализе реализации совокупного продукта абстрагировался от наличия в обществе непроизводственной сферы» [2].

Если потребление, пусть даже частично, в форме условия воспроизводства рабочей силы, включается в воспроизводственный процесс, то из процесса накопления оно почти всегда исключается. Сложилась традиция, согласно которой накопление, как сторона воспроизводства, связывается исключительно с увеличением вещественного богатства и противопоставляется потреблению по формуле: одна часть продукта используется для на-

---

* См.: *Бадер В. А.* В. И. Ленин о структуре и воспроизводстве совокупного общественного продукта при социализме//Тезисы выступлений на республиканской научно-теоретической конференции «Политико-экономические проблемы социалистического воспроизводства». Киев, 1981. С. 18. В схемах воспроизводства, предложенных В. И. Лениным для анализа процессов накопления при социализме, потребление фигурирует в качестве их обязательного и наиболее существенного момента. В. И. Ленин, употребляя понятие «потребление рабочих», не ограничивал потребление в воспроизводственной системе только фондом потребления работников производственной сферы. Он исходил из того, что новая общественно-экономическая формация предполагает всеобщее участие в производительном труде и фонд индивидуального потребления охватывает процессы воспроизводства во всех сферах общественной жизни и, следовательно, всех членов общества.

копления, другая — для потребления. Богатство, или результаты производства, может накапливаться вроде бы только в вещественной форме *.

Без признания «накопительной» функции потребления нельзя понять расширенное воспроизводство социального, поскольку в этом случае само производство опять-таки низводится до уровня производства вещи, т. е. отрицается главный его результат—расширенное воспроизводство тех или иных общественных отношений и их носителя — человека. Очень важно поэтому представить потребление необходимым звеном как воспроизводства, так и накопления, причем придать потреблению основную роль в накоплении социального богатства, а человека представить не просто рабочей силой, а развивающейся в пространстве свободного времени личностью. Для этого надо более решительно переводить воспроизводство человека с основы, ограниченной присвоением лишь необходимого продукта, на основу, позволяющую передать в фонд личного потребления весь тот продукт, который раньше присваивался господствующими классами и имел форму прибавочного продукта, используемого в целях потребления.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что К. Маркс никогда не исключал потребление из сферы воспроизводства общества и рассматривал его способом накопления главного богатства социалистического общества. Об этом свидетельствует отношение К. Маркса к высказываниям по этому поводу пролетарских противников буржуазных политэкономов, в частности Т. Годскина **.

---

* В последнее время наряду с собственно накоплением (материальным накоплением) отдельные экономисты стали признавать растущее значение процесса накопления нематериальных факторов производства, т. е. нематериальное накопление, под которым понимается приращение «субъективного фактора производства, способностей индивидов к труду» (*Каратуев А.* Нематериальное накопление//Экономические науки. 1986. № 5).

** О важности этих суждений пишет венгерский философ А. Агг, отмечая недостаточное внимание к ним в настоящее время. Говоря также о высказанном Ф. Энгельсом сожалении по поводу забвения вклада пролетарских противников — буржуазных политэкономов, он замечал, что «в наше время для подобного сожаления причин еще больше, ибо с течением десятилетий оказались оттесненными не только роль и значение социальных рикардианцев, но все более предаются забвению и сами принципы «человеческого богатства», «времени, находящегося в собственном распоряжении», и «человеческого накопления»...» (*Агг А.* Мир человека как субъекта производства. С. 187).

К. Маркс признал правильным его суждение относительно того, что накопление есть по существу накопление производительной силы самого человеческого труда, что накопление научной силы, мастерства, знаний самих рабочих является основным накоплением, несравнимо более важным, чем отражающее его накопление объективных условий труда [3]. Степень искусности населения К. Маркс считал предпосылкой совокупного производства, главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда [4].

Действительно, единственная вещь, о которой можно сказать, что она накапливается и не исчезает, — это искусство труда. Но это уже не вещь, а социальное богатство. Из предшествующих эпох почти никаких материальных производительных сил, используемых сегодня в производстве, не сохранилось. Но сохранилась, преумножилась (и в этом смысле наполнилась социально) способность человека к труду, и вместе с нею воспроизводится все в более развитом виде он сам. Это обстоятельство и позволило К. Марксу согласиться с Т. Годскиным в том, что предметный момент производства, вещественное богатство чрезвычайно незначительны по сравнению с живым процессом труда и обладают ценностью лишь как его момент, а сами по себе никакой ценности не имеют. Соответственно все вещественное богатство оказывается лишь постоянно исчезающим элементом в потоке совокупного производства [5].

Если рассматривать буржуазное общество в целом, то, по словам К. Маркса, «в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент... Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново» [6].

Буржуазные теоретики выводят личностное потребление за рамки накопления прежде всего потому, что речь идет о накоплении капитала, имеющего форму овеществленного труда. По отношению к живому труду они представляют накопление в виде простого потребления их прибавочного продукта производительными рабочи-

ми, т. е. в виде превращения переменного капитала в рабочую силу, дающую дополнительную стоимость. Всякое другое потребление с этой точки зрения никакого отношения к накоплению не имеет. «Не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят» *. Накопленным богатством в этих условиях может считаться лишь то, что изымается из сферы потребления.

Из стоимостного отношения трудно вывести признание главным богатством общества накопление способности к труду. Стоимость потребляемых рабочим средств не увеличивает стоимость самой рабочей силы, ибо здесь происходит обмен эквивалентов: из одной и той же стоимости не возникает большей стоимости. Поэтому накопление может возникать только из труда и приобретает форму овеществленного труда — капитала, что предполагает превращение полученной прибавочной стоимости обратно в капитал. Стоимостная концепция накопления заставляет обращаться к прибавочному продукту, с тем чтобы объяснить возможность накопления вообще. Однако, потребляется только ли необходимый продукт или еще и часть прибавочного продукта, из потребляемой совокупной стоимости бо́льшей стоимости опять-таки не получить.

Другое дело, если речь идет о потребительной стоимости продуктов или о дополнительной их массе, выходящей за пределы объема жизненных средств, необходимых для обеспечения простого существования человека. Накопление человеческих сил возможно только на этой основе. Поэтому можно утверждать, что расширенное воспроизводство и саморазвитие индивида необходимым условием имеют растущую массу предметов

* *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 602. Современные буржуазные идеологи пытаются представить продажу рабочей силы своего рода «вложением» в «человеческий» капитал, что является якобы его накоплением. Подобные «выходы» из тупика в свое время предвидел К. Маркс, имея в виду попытку Дж. Ст. Милля представить рабочего капиталистом. «С таким же точно правом,— писал он,— Милль мог бы сказать, что рабочий, ссужающий самого себя не только жизненными средствами, но и средствами труда, является в действительности своим собственным наемным рабочим» (там же. С. 526). И далее К. Маркс заключает: «На плоской равнине всякая кочка кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее «великих мыслителей»» (там же. С. 527).

потребления, обусловленную повышением производительности труда. Если при капитализме расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы завершается необходимым продуктом, то при социализме оно только с этого начинается. Производимый рабочими излишек здесь должен «служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства»[7].

Накопление посредством индивидуального потребления прибавочного продукта во многом определяется теми пропорциями, которые складываются между материально-вещественным и невещественным накоплением. Следует согласиться с авторами, которые полагают, что оптимальным будет такое их соотношение, при котором обеспечивается максимум фонда потребления[8]. Более предпочтительным для социалистического общества является рост национального дохода при меньшей доле в нем производственного накопления по сравнению с потребительным накоплением. Вместе с тем надо иметь в виду, что с переходом от воспроизводства капитала к воспроизводству богатства в форме развитого во всех отношениях индивида неизбежно перестраивается весь строй воспроизводственного процесса, вступают в силу новые законы накопления. Для этого необходим и высокий уровень развития производительных сил.

Расширенное воспроизводство, или накопление потребительного фонда, в случае если оно совершается в условиях сохраняющегося соотношения живого и овеществленного труда в системе материального производства (органическое строение производства не изменяется), предполагает, что фонд индивидуального потребления расширяется одновременно с увеличением масштабов производственного накопления. Этим объясняется увеличение численности занятых в материальном производстве, в том числе рабочего класса, который имеет тенденцию превратиться в единственный класс советского общества *. Он вбирает в себя все большую

---

* Среднегодовая численность колхозников, занятых в общественном хозяйстве колхозов, составляет 12,4 млн человек, в то время как рабочий класс насчитывает в своем составе 82,1 млн человек (Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 411). Есть в стране области, например Ленинградская, в которых практически уже нет колхозников и классовая структура представлена единственным классом — рабочим.

часть членов общества, и, следовательно, все растущая часть произведенного им продукта возвращается к нему в виде дополнительного потребительного фонда, что позволяет увеличивать круг потребностей и возможностей своего развития.

И все же специфика законов потребительного накопления связана не с ростом прибавочного продукта для целей производительного накопления, а с экономией рабочего и увеличением свободного времени общества. Поскольку социалистическое общество освобождается от такого последствия роста органического строения производства, каким является резервная армия труда (безработица), то постоянное уменьшение доли живого труда в общественном продукте по сравнению с овеществленным трудом не ведет к соответствующему уменьшению потребительного фонда.

Но такой вывод можно сделать, если не придерживаться закона стоимости как единственного регулятора производства. Если же рассуждать, исходя из этого закона, то уменьшающемуся в материальном производстве количеству живого труда должны соответствовать также сокращающиеся объемы рабочего фонда, поскольку он производится для уменьшающейся массы живого труда. Первое подразделение общественного производства по мере научно-технического прогресса должно неимоверно возрасти, а второе — производство жизненных средств — упасть до самых минимальных размеров.

К такому выводу в свое время пришла Р. Люксембург. «Формула $c>v$,— писала она,— будучи переведена с капиталистического языка на язык общественного процесса труда, означает не более как следующее: чем выше производительность человеческого труда, тем короче то время, в течение которого данное количество средств производства превращается в готовый продукт. Это — всеобщий закон человеческого труда, он имеет силу и при всех докапиталистических формах производства и будет иметь силу в будущем, при социалистическом общественном строе. Выраженный в вещественной потребительной форме совокупного общественного продукта, этот закон должен проявляться во все более возрастающем применении общественного рабочего времени на производство средств производства по сравнению с производством средств потребления. В социалистически организованном и планомерно руководимом общественном хозяйстве этот процесс должен был бы

продвигаться вперед еще быстрее, чем в современном капиталистическом обществе»[9].

В. И. Ленин не согласился с приведенным суждением Р. Люксембург, особенно с той его частью, где говорится о неизбежном сокращении фонда потребления рабочих по сравнению с фондом производительного накопления. В составленных В. И. Лениным схемах воспроизводства предусмотрен громадный рост «потребления рабочих», причем в значительной мере за счет того «прибавочного» продукта, который раньше превращался в капитал. Если за 200 лет капитализма доля потребления рабочих во вновь произведенной стоимости составила всего 33%, то за 100 лет социализма она достигнет 67%[10]. При этом В. И. Ленин исходил из того, что при социализме норма производительного накопления снижается по сравнению с капитализмом, хотя это не означает сокращения темпов роста производства.

Чисто стоимостная схема выражения структуры совокупного продукта неизбежно искажает соотношение производительного и потребительного накопления. Последнее имеет специфические законы своего движения, учитывающие первенство удовлетворения потребностей и их определяющее влияние на объемы производительного накопления. В конечном счете в условиях социалистического общества воспроизводственные схемы должны строиться, как представляется, исходя из приоритета накопления потребительного фонда как определяющего фактора накопления человеческого, субъективного богатства, и соответственно на роль первого подразделения общественного производства, на наш взгляд, может быть выдвинуто производство средств потребления. В отношении общества в целом должны прежде всего учитываться пропорции, определяющие соотношение свободного и рабочего времени.

2. РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Накопление в процессе потребления, точнее, посредством индивидуального потребления представляет предпосылку и условие расширенного воспроизводства основного отношения социализма — отношения по поводу развития самих людей, а не по поводу лишь производства материальных благ. Проблема не в том, чтобы движение потребительного фонда рассматривать в си-

стеме общественных отношений, а в том, чтобы представить последние результатом общественного воспроизводства вместе с определенным фондом потребления и человеком в качестве потребителя.

Вновь отметим, что об общественных отношениях как результате воспроизводства и о самом процессе их воспроизводства пока написано очень мало, и не только философами (например, для обоснования материалистического понимания развития социалистического общества), но и политэкономами. На словах, как уже отмечалось, обычно признается, что процесс социалистического воспроизводства в широком смысле охватывает все стороны существования и развития социалистического общества, т. е. отношения между людьми, членами общества, производственные отношения и производительные силы[11]. На деле же обычно ограничиваются анализом расширенного воспроизводства производительных сил, общественного продукта, т. е. общественного богатства.

Принятая трактовка проблем социалистического воспроизводства, как свидетельствует, например, А. П. Гош, не соответствует их действительному содержанию, поскольку из этих проблем изъяты вопросы воспроизводства всех звеньев системы производственных отношений, в том числе распределения и использования национального дохода[12]. В. А. Ломакин и В. И. Мазур тоже не удовлетворены тем, что под накоплением национального богатства обычно понимается накопление вещественных ценностей, главным образом производственных фондов, и не принимается в расчет расширенное воспроизводство производственных отношений и социального положения трудящихся[13].

В экономической науке прохождение продукта, его стоимостных форм по известным фазам (производство — обмен — распределение — потребление) принимают за схему, якобы исчерпывающе описывающую содержание социалистического воспроизводства. Между тем К. Маркс отрицательно относился к указанной схеме и не применял ее при анализе ни воспроизводства индивидуального капитала, ни процесса его общественного воспроизводства в целом. Он неоднократно отмечал, что начинать объяснение природы капиталистического отношения с производства нельзя, ибо без исходной предпосылки в виде обмена товаров и денежного обращения к капиталу не подойти, его возникновения и воспроиз-

водства не понять. Не вывести понятие капитала и из труда, хотя он и является единственным источником капитала. «Отсюда,— заключал К. Маркс,— ясна вся нелепость той традиции, которую со свойственным ему французским схематизмом установил Ж. Б. Сэй... рассматривать сначала производство, затем обмен, потом распределение и, наконец, потребление, или же распределять эти четыре рубрики еще как-нибудь иначе» [14].

Способы обмена, распределения, потребления не составляют фаз воспроизводства, они скорее являются формами проявления способа производства, его сторонами. Вполне справедливы утверждения «о неправомерности пофазного членения и тем более изложения системы производственных отношений. Вне отношений распределения, обмена и потребления собственно производство лишается социально-экономической определенности и сводится к процессу труда» [15].

Проблема расширенного воспроизводства социалистических общественных отношений в настоящее время, на наш взгляд, должна обсуждаться главным образом в плоскости наиболее глубокой реализации общекоммунистических начал социализма, или развития социализма на его собственной основе. В работе К. Маркса «Критика Готской программы» говорится, что социалистическое общество в том виде, в каком оно «только что *выходит* как раз из капиталистического общества», не является еще «таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе» [16]. Вопрос ставится так: может ли общество первой фазы встать на собственную основу развития и каким образом реализуется такое развитие?

Сложным оказалось выделение «собственной основы» социалистического общества из реально существующей, в частности экономической, особенно вопрос о том, входят ли в «собственную основу» унаследованные от старого элементы. В литературе имеются суждения относительно того, что последние необходимо входят в собственную основу социализма. «...В течение весьма длительного периода социалистического строительства,— пишет, например, А. С. Ципко,— во всяком случае до тех пор, пока не выдвинется на первый план вопрос о непосредственном переходе к коммунистическим формам распределения, общественное развитие может связываться только с налаживанием оптимальных форм взаимосвязи, взаимодействия в рамках сложившейся структуры

общественных отношений различных по своему историческому происхождению социально-экономических механизмов»[17]. Более того, автор полагает, что унаследованные от капитализма элементы выступают условием воспроизводства самого социализма, что их ликвидация в процессе развития социализма в рамках первой фазы «на практике означала бы просто разрушение его экономических основ»[18].

Из приведенных суждений с полной очевидностью вытекает вывод, что на собственной основе социализм ко второй фазе коммунистического общества подойти не сможет, необходимы две основы, их устойчивое равновесие. Там, где речь заходит о социалистических и несоциалистических формах, о старом и новом, А. С. Ципко на первый план ставит единство противоречивых сторон, а не необходимость отрицания одной стороны другой, старого — новым. Для него абсолютно их единство, а «противопоставление абстрактной чистоты нового всему старому имеет относительный характер»[19], ибо «все новое создается из старого»[20].

В Программе КПСС утверждается, что действительное движение общества к коммунизму происходит на основе все более полного раскрытия и использования возможностей и преимуществ социализма, укрепления присущих ему общекоммунистических начал[21]. Эти начала включают прежде всего развитие на базе общественной собственности; перестройку всех общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских принципах; его движение на основе собственных социально-экономических законов, приводящее к органической целостности всей системы социализма.

С расширенным воспроизводством социалистических общественных отношений тесно связаны вопросы о формах реализации общественной собственности. Эта собственность для социально-экономической системы социализма, как и частная собственность для капиталистической системы, выступает предпосылкой формирования целостной системы при определенных дополнительных условиях.

Конечно, для того чтобы социализм представить целостной органической системой, надо каждый раз отталкиваться от предпосылок, лежащих на уровне бытия. Общественная собственность, планомерность развития социализма, безусловно, являются основными условиями, необходимыми факторами его превращения в целостную

социально-экономическую систему. Но ведь и у общественных, коллективных собственников, а не только у единоличников, как правильно заметил Н. А. Цаголов, отношения собственности могут реализовываться и посредством товарно-денежных форм, т. е. члены нашего общества и в этом своем качестве вступают в товарные отношения[22]. Однако, на наш взгляд, подобная реализация собственности не свидетельствует о зрелости социалистической системы. Для этого нужны преобразования на уровне сущности; в познании также необходимо углубиться в сущность системы, найти там то специфическое социально-экономическое отношение, подчинение которому всех элементов общества делает его целостным и зрелым. Таким отношением, как уже было сказано, является отношение по производству и воспроизводству развитого и материально обеспеченного человека. Движение этого отношения выражается основным законом социализма.

Расширенное воспроизводство непосредственно общественного характера собственности предполагает существенное изменение социально-экономического положения трудовых коллективов. Чтобы преодолеть экономическую обособленность предприятия, недостаточно лишь непосредственно общественного характера труда и производства, т. е. соответствующей степени их обобществления. Для этого необходимо иметь в качестве предпосылки полное утверждение непосредственно общественной собственности на условия и продукт производства, которая только и способна придать и труду, и продукту непосредственно общественную форму, детерминированную не только состоянием производительных сил, но и развитием производственных отношений.

Однако признание производственных отношений непосредственно общественными не всегда сопровождается трактовкой общественной собственности как собственности (непосредственно) каждого. Иногда полагают, что собственность общества выступает не в форме отношений многочисленных равных собственников средств производства, а как принадлежность этих средств всему обществу. Поэтому социалистические отношения собственности вроде бы нет основания считать отношением личностей. Нередко отрицается сама возможность и необходимость признания отдельного человека собственником общественных средств производства, т. е. утверждается, что он не может относиться к объективным условиям

труда как к своей собственности, как к неорганической природе своей субъективности. В данном случае понятие «непосредственно общественное» толкуется в том смысле, что общественное принадлежит не «непосредственно» каждому, а «непосредственно» всем.

Исходя из такого понимания непосредственно общего, обосновывается необходимость экономического обособления трудовых коллективов и утверждается, что оно выступает более высокой экономической формой реализации собственности, чем государственная собственность. Согласно мнению З. Файнбурга и Г. Козловой, государственная собственность, возникшая на основе декретирования, составляет нечто абстрактное, а более конкретным и развитым выступает обособленность и индивидуальная выделенность предприятия и работника, «индивидуальное обособление в отношениях собственности (относительная хозрасчетная самостоятельность предприятий, личная собственность и т. п.)» [23].

Решение вопроса, как нам представляется, состоит в том, чтобы изобразить общественную собственность одновременно и как общую, и как собственность каждого члена социалистического общества. Нельзя быть собственником общественного богатства, не будучи подлинным собственником средств производства у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме. Министерства и ведомства, территориальные органы не собственники средств производства, а лишь органы государственного управления, ответственные перед обществом за их эффективное использование в народном хозяйстве [24].

Если общая собственность не реализуется в качестве индивидуальной собственности, то она может и не приобрести социалистическую сущность. Может получиться нечто вроде кооперативной фабрики самих рабочих, в которой, по словам К. Маркса, хотя и уничтожается противоположность между капиталом и трудом, но уничтожается она в такой форме, что «рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда» [25].

Предприятие в этом случае выглядит коллективным товаропроизводителем, функционирующим в системе товарно-стоимостных механизмов. Имея в виду эти условия, можно по аналогии с товарным производством представить отдельного работника (а) владельцем (или пользователем) средств производства, который произво-

дит прибыль и присваивает ее часть и который (б) в этой же роли применяет себя в качестве наемного рабочего и выплачивает себе заработную плату. Как владельцу средств производства производство прибавочного продукта ему ничего не стоит, а чего-то стоит лишь оплачиваемая часть затрат (зарплата и материальные затраты), которые выступают издержками производства дохода. Ему же, как наемному рабочему, производство продукта, в том числе прибавочного, стоит затрат всего труда, составляющих действительные издержки производства товара [26].

Очевидно, что благодаря обособленности в качестве владельца средств производства, или пользователя ими, коллектив присваивает часть чистого дохода и приобретает функцию частичного собственника. В этой роли коллектив как бы противостоит самому себе как совокупности рабочих, ибо их зарплата не входит в доход предприятия, она лишь статья себестоимости, часть издержек, а не дохода предприятия. Рабочие присваивают часть дохода как бы не в качестве рабочих, не на основе труда и распределения по труду, а на том основании, что образуют обособленный коллектив товаропроизводителей, имеющий определенную выделенность в отношениях собственности, поскольку присваивает часть дохода. Если бы коллектив не получал в пользование средства производства, принадлежащие обществу, если бы он не функционировал в качестве товаропроизводителя, он бы не мог присваивать часть дохода. Стоимостные механизмы пока еще опосредствуют отношения общественной собственности, препятствуют ее проявлению как непосредственно общественной собственности каждого, отдаляя ее как достояние всего общества (как в государственной, так и в коллективных формах) от непосредственных производителей, т. е. воспроизводят все свои атрибуты.

Преодолеть эту опосредованность общественной собственности, превратить ее в непосредственно общественную нельзя, если она одновременно не станет достоянием и каждого трудящегося. Именно это имел в виду К. Маркс, когда писал, что после ликвидации капиталистической частной собственности устанавливается индивидуальная собственность «на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [27]. Так, в СССР собственностью каждого индивида выступают общественные

фонды потребления. От этого они не перестают быть непосредственно общественной собственностью. Наоборот, только при превращении в индивидуальную собственность, т. е. в собственность каждого, они и становятся непосредственно общественной собственностью.

Отношения собственности не есть некий существующий помимо действия людей и хозяйственного механизма (рычага) функционирующий экономический порядок (структура), на который люди могут лишь воздействовать. В действительности воспроизводство этих отношений и его законы слагаются из деятельности и конкретных взаимоотношений людей, из применяемых, изменяемых ими способов ведения хозяйственной жизни и т. п. Отношения общественной собственности, как и все производственные отношения,— это отношения между людьми, коллективами, отраслями, регионами страны по использованию средств и результатов производства [28].

Хозяйственный механизм и управление неотделимы от производственных отношений и представляют собой их наличное, реальное бытие. Люди, хозяйствуя и управляя, тем самым строят и изменяют свои производственные отношения, подчиняясь одновременно законам своих, ими же изменяемых производственных отношений. Если трудовые коллективы и составляющие их работники в хозяйственной и управленческой деятельности преследуют цели, связанные только с получением большей прибыли, то и законами их деятельности неизбежно будут законы производства прибыли. Деятельность и реальные отношения, направленные на другие цели, подчиняются соответственно иным законам. Чем больше коллективы заводов и фабрик превращаются в товаропроизводителей, тем шире сфера действия законов производства и обращения меновых стоимостей и у́же — законов, выражающих направленность производства на лучшее удовлетворение потребностей и развитие способностей самих непосредственных производителей. Затрудняется соответственно реализация общественной собственности, т. е. она неизбежно деформируется.

Такая экономическая практика сопровождается перепроизводством одних (выгодных) товаров и дефицитом других, ростом цен и одновременно обесценением уже созданного, что свойственно товарному производству независимо от того, где оно функционирует, поскольку у него всегда сохраняется собственное содержание.

Учитывая это, партия ориентирует общество на «здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе». Только тогда можно «создать такую обстановку, такие условия хозяйствования, при которых его результаты всецело зависят от качества работы коллектива, от умения и инициативы руководителей» [29].

Совершенствование отношений собственности представляет собой реализацию требований основного и других законов социализма в соответствующем хозяйственном механизме и экономических мероприятиях, выполнение и соблюдение норм хозяйственной деятельности, которые предписывают в том числе и бережливое отношение к народному добру. В целях совершенствования отношений собственности первоочередным, на наш взгляд, является «пуск» на полный ход того звена хозяйственного механизма, который выполняет функцию передачи принадлежащих обществу жизненных благ в непосредственное достояние каждого работника. Это и дальнейшее обобществление потребления новых видов продуктов и услуг, производимых в общественном секторе или принадлежащих производственным коллективам (санатории и дома отдыха, ясли и детские сады, медицинское и коммунальное обслуживание и т. п.); и все большее превращение торговой сети в передаточный канал производимых продуктов для потребления; и все более основательный перевод планирования из плоскости регулирования стоимостных пропорций в плоскость планового установления пропорций между объемом разумных потребностей и объемом трудовых затрат на их удовлетворение и т. д. Жизнь подсказывает, что реализацию принципа «непосредственно общественного» (труда, продукта, отношений) нельзя видеть лишь в подчинении индивидуального общему и не замечать необходимости налаживания механизмов передачи общего в сферу присвоения индивида.

Такая передача не означает, что общее теряет свою определенность. Существующее в общественной собственности общее начало не есть простая сумма отношений каждого члена общества как собственника. Оно не просто «разлито» по всем работникам, а имеет особую форму существования, отличную от отношения отдельных лиц к объекту общенародной собственности. Общенародность собственности обладает действительностью наряду с отношением каждого человека к другому как

носителю собственности. Это общее начало не есть собственность вообще; оно представлено реальным государством, его аппаратом и людьми, составляющими этот аппарат и «присутствующими» в качестве представителей государства во всех звеньях общественной жизни, в том числе и в трудовом коллективе (в форме его административно-хозяйственного аппарата). Оно имеет и особую экономическую основу, отличную от экономической основы существования отдельного индивида. На предприятии, например, ею выступает форма прибавочного продукта, который не включается в издержки производства (себестоимость) продукции. Для рабочего такой основой является прежде всего необходимый продукт, который входит в издержки производства и составляет лишь часть себестоимости продукции, а вовсе не дохода предприятия (хотя на уровне общества он предстает в виде части национального дохода).

Таким образом, отношение между обществом и личностью, между обществом и трудовым коллективом есть особая форма производственных отношений между представителями различных социальных групп, а не просто одинаковые отношения всех между собой. Главным здесь является внедрение в производственные коллективы таких форм хозяйствования, через которые реализовывалось бы то непосредственно общее, что составляет суть всенародной социалистической собственности, т. е., говоря языком политэкономов, непосредственно общественные отношения реализовывались бы как непосредственно общественная собственность.

Если, например, на уровне общества заработная плата рабочего составляет часть национального дохода, то и в рамках предприятий она является частью дохода предприятия, за уровень и реализацию которого оно должно отвечать не меньше, чем за производительное потребление способностей рабочих. Что касается той части дохода рабочего, которая поступает из фондов общественного потребления, то оптимальной формой ее получения является потребление по образцу общественных фондов, а не в виде надбавок к заработной плате. В противном случае не достигается в полной мере непосредственно общественного присвоения различных фондов предприятия и общества, предназначенных для этого.

В Законе СССР о государственном предприятии (объединении) предусматривается, что заработная плата работников входит в хозрасчетный доход предприятия,

который является источником как оплаты труда, так и экономического и социального развития коллектива. Из прибыли, оставшейся после расчетов с бюджетом и вышестоящим органом, по нормативам формируются фонды социального развития, материального поощрения, развития производства, науки и техники. Они находятся в распоряжении предприятия, используются самостоятельно и изъятию не подлежат. Предприятие вместо фондов заработной платы и материального поощрения может образовывать фонд оплаты труда, который служит единым источником всех выплат работникам за результаты труда. Фонд социального развития предназначен для жилищного строительства, укрепления материально-технической базы социально-культурной сферы, проведения оздоровительных, культурно-массовых мероприятий и удовлетворения других социальных потребностей [30].

Усиление экономической обособленности предприятия по отношению к работникам несовместимо ни с превращением заработной платы рабочих из расходов в доходы предприятия, ни с возрастанием доли непосредственно присваиваемого ими общественного продукта из фондов общественного потребления. Подобная обособленность ведет лишь к повышению цен на продукцию предприятия во имя прибыли и вместе с нею отделяет от непосредственных работников общее, представленное в их продукте.

Необходимо максимально приблизить общее начало к интересам коллектива и работника посредством соответствующих изменений в экономическом механизме, развития самоуправления в экономике. На наш взгляд, основной путь эволюции социалистических производственных отношений лежит через реализацию общественной собственности как собственности каждого, чтобы человек воспринимал себя как носитель отношений общественной собственности, а не отделял себя от них. Для этого нужно, чтобы рабочий стал подлинным хозяином. Но сделать это не просто. В теории утверждалось, что в качестве собственника общих средств производства и общего продукта производства члены общества должны выступать не индивидуально, а лишь в совокупности, обществом. Но в то же время от отдельного человека требовали, чтобы он относился к общему как к своему, хотя отдельный человек не признавался индивидуальным собственником им же созданных общественных средств.

В этом случае подчинение личного общему (общест-

венному) выглядит как принесение личного развития в жертву интересам общества в целом. «Возникло положение, при котором корыстные и узкогрупповые интересы выдавались непосредственно за общенародные, фиксируя их даже в форме общегосударственных интересов»[31]. Это было закреплено в аппарате управления, который, выступая от имени общества, сверху определял и выдавал рабочему его индивидуальную долю из его же собственного продукта (дохода).

Если же рабочий становится хозяином, то он сам устанавливает, сколько нужно выделить из созданного им продукта на содержание управленческого аппарата, лиц, выполняющих другие непроизводительные функции. Он же и выдает им зарплату из своего дохода за оказание всякого рода услуг. Рабочий как хозяин сам получает уже не зарплату, а доход, который определяется не только его трудом, но и его положением собственника средств и продукта производства *. Самоуправление рабочих, а не управление от имени рабочих становится средством реализации общественной собственности как собственности каждого, как индивидуальной собственности на общие условия производства. Можно ли это сделать посредством распределения, основанного на обмене живого труда на его продукт?

Мы полагаем, что нужно постоянно иметь в виду двойственную, противоречивую природу распределения при социализме. От того, что является источником доходов (прибавочный продукт или необходимая часть продукта), зависит и форма распределения. Если речь идет об обмене труда рабочего на его продукт в соответствии с требованиями закона стоимости, то эквивалентность этого обмена неизбежно будет предполагать обмен стоимости жизненных средств и средств развития рабочего на соответствующую часть общественного продукта, т. е. обмен стоимости рабочей силы на соответствующую часть стоимости продукта. Из этой эквивалентности еще не удавалось и вряд ли удастся теоретически вывести возможность получения рабочим «прибавочного» развития. Еще менее доказуема такая возмож-

---

* «Как мне представляется,— пишет мастер завода «Дальдизель» М. Ельцов,— работники хозрасчетных предприятий должны иметь долю дохода, а не получать плату за труд, если уж мы говорим о том, что рабочий — хозяин производства... Деление же этого дохода на каждого работника будут производить сами рабочие» (Советская Россия. 1987. 4 февр. С. 2).

ность при неэквивалентном обмене. В экономическом отношении в данном случае труд сохраняет свое назначение наемного труда, но с той лишь разницей, что теперь рабочий как бы нанимает самого себя, т. е. выступает наемным рабочим по отношению к самому себе. Это та сторона распределения, которая несовместима с развитием личности рабочего.

Если же рабочий выступает хозяином, то распределение принимает иную форму: его содержанием с самого начала становятся лучшее удовлетворение потребностей и получение дополнительного развития. Рабочий как хозяин не обменивает свой труд на продукт своего труда, а присваивает созданное им богатство, в том числе и дополнительные условия собственного развития, выделяя одновременно из этого богатства части, необходимые для возобновления, расширения производства, а также для выполнения разного рода общественных функций другими людьми, труд которых он оплачивает.

Эта форма распределения тоже базируется на труде, но здесь труд выступает источником потребительной стоимости. Функцию меры потребления он выполняет уже не как общественно необходимый труд, а как более или менее обильный источник потребительных стоимостей, т. е. своей производительностью. Труд по условиям производства уже не будет равен труду по условиям потребления. Затраты первого должны быть меньше затрат второго, что является необходимым условием обеспечения нарастающего, «прибавочного» развития личности непосредственных производителей. Это предполагает создание условий для всестороннего развития человека. Чтобы объективные условия труда реализовывались как условия развития и роста благосостояния человека, они должны быть непосредственной собственностью работника. В свою очередь только непосредственно общественная собственность может способствовать воспроизводству развитой личности. На это направлена практика, ориентирующая теорию на тот первый «строительный камень», без которого целостную систему не построить. Практика, как показывают решения XXVII съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС, все настойчивее ставит вопрос о том, чтобы человек, забота о нем стали главными в деятельности всего общественного механизма. Экономическая реформа и перестройка в целом тоже выдвигают на первое место человека. «Социальная справедливость требует,— говорил М. С. Горбачев,— что-

бы мы больше уделяли внимания проявлению индивидуальных способностей личности, отмечали морально и материально тех, кто лучше и больше работает, показывая пример другим»[32].

Подчинение всех остальных социально-экономических форм действию этой господствующей формы и приведет систему социализма к качественно новому состоянию. «Действительно, как ни многогранны задачи, стоящие перед советской экономикой, все они в итоге сливаются в одну — обеспечить рост благосостояния трудящихся, создать материальные условия для дальнейшего расцвета их духовной, культурной жизни, общественной активности»[33]. Превращение данной цели в предмет непосредственной практической деятельности нашего общества и Коммунистической партии — главная гарантия достижения нового качественного состояния социализма в нашей стране.

Расширенное воспроизводство социалистических общественных отношений совпадает с ускорением социально-экономического развития страны. Однако нельзя уповать на развитие только производительных сил, которые вроде бы сами по себе породят необходимые социальные последствия. Это может произойти лишь в том случае, если развитие производительных сил будет подчинено требованиям системы, основному ее отношению — воспроизводству материально обеспеченного и развитого человека. Именно социальная система для достижения своей целостности создает адекватную материально-техническую базу посредством соответствующих экономических механизмов, интенсифицирующих развитие, повышающих его эффективность. Игнорирование этого обстоятельства может сопровождаться уступками техницизму, неопределенностью в толковании той материально-технической базы, которая призвана обеспечить совершенствование социализма и переход к высшей фазе коммунистического общества. Ведь нельзя утверждать, что имевшее место в недавнем прошлом форсирование роста капитальных вложений в производственные фонды (на которое ряд экономистов возлагали большие надежды в получении экономического эффекта), приведшее к явному перепроизводству средств производства (по имеющимся данным, в настоящее время только в промышленности насчитывается около 700 тыс. незанятых рабочих мест, а при коэффициенте сменности в 1,7 их число превышает 4 млн[34]), приблизило нас к

созданию адекватной материально-технической базы. Мы стали страдать не от нехватки средств производства, а от их излишка, затратив впустую десятки миллиардов рублей.

Иногда в литературе на производительные силы (рассматриваемые отдельно от производственных отношений) или возлагается ответственность за будущее, или они представляются такими, что не только переход к коммунизму оказывается нереальным, но и социализм предстает до сих пор не имеющим адекватной материально-технической базы. Невольно возникает вопрос: как же быть дальше, если мы уже начали говорить об ограниченности природных, особенно энергетических, ресурсов, не возлагаем надежд на быстрое увеличение трудовых ресурсов и т. п.? На наш взгляд, проблема состоит в том, чтобы посредством собственно социалистических производственных отношений направить развитие производства на удовлетворение разумных человеческих потребностей, на соответствующее развитие самих людей. Именно это обстоятельство должно определить и продолжительность труда, и весь технический строй процесса производства.

Важно своевременно выявлять и решать возникшие в обществе противоречия, четко различать положительные и отрицательные последствия используемых затратных форм в экономическом и социальном строительстве. Нельзя нежелательные явления, возникающие из применения затратного механизма, перекладывать на собственно социалистические отношения, на социализм в целом. Если, например, приходится при определении объемов будущего производства идти от достигнутого, то это не вина плановых органов, а неизбежное следствие затратных механизмов. Вызываемое ими увеличение денежного вала заставляет идти от достигнутого, поскольку он и его дальнейший рост определяют будущий объем производства. В этих условиях «не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе *меновой стоимости* и *денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством...» [35].

Затратными механизмами порождены определенные трудности и в отношении работников к труду, в темпах роста производительности труда и т. п. Поэтому необходимо четко определить границы, в которых стоимостные отношения меньше будут мешать ускорению развития социализма и одновременно позволят использовать

все здоровое в них для этого ускорения. Здесь имеют место противоречия, рациональное использование и планомерное решение которых имеют непосредственное и довольно важное значение для методологического обеспечения концепции ускорения социально-экономического развития.

Успешные практические действия в этой области зависят прежде всего от понимания соотношения моментов борьбы и единства противоположностей как основных характеристик взаимодействия сторон всякого экономического и социального противоречия, особенно момента борьбы. Чаще всего в прошлом на первое место выдвигалось единство сторон противоречия, что трактовалось как изменение механизма действия закона диалектики в условиях социализма — вместо борьбы противоположностей или рядом с нею источником развития объявлялось их единство[36]. Это вызывало и вызывает возражения тех, кто настаивает на всеобщем характере данного закона, на том, что единство сторон противоречия всегда временно, относительно, а их борьба абсолютна, как абсолютно само движение.

Не так просто, основываясь на данном законе, провести анализ современного социалистического общества. Например, известно, что между общекоммунистическими началами в социалистическом обществе и сохраняющимися товарно-денежными механизмами в отдельных сферах существует противоречие. Но стоит поставить вопрос о том, что является главным, абсолютным в отношениях двух сторон указанного противоречия — единство общекоммунистических начал и товарных механизмов или их борьба, как сразу же возникают разногласия. На первый план обычно выдвигается их единство (тождество), взаимополагание и взаимопроникновение. Скажем, социалистические производственные отношения определяются как противоречивое единство «планомерных (непосредственно общественных) и товарных отношений»[37].

Признание «борьбы» и взаимоисключения этих двух видов отношений абсолютными оценивается как «однобокость» под тем предлогом, что «правильное понимание противоречия включает не только взаимоотрицание, но и взаимообусловленность... но при этом не «борьба», а только воспроизводимость тождества сторон противоречия делает систему самодвижущимся органическим целым»[38]. Следовательно, социалистические производст-

венные отношения как система воспроизводятся в качестве органической целостности лишь тогда, когда в них планомерные (непосредственно общественные) и товарные отношения выступают как тождественные стороны противоречия. Воспроизводимость «борьбы» сторон противоречия будто бы не делает систему самодвижущимся органическим целым, т. е. «борьба» сторон данного противоречия вроде бы раскалывает систему, а их единство скрепляет ее.

Согласно этим представлениям, при социализме появляется новый источник самодвижения: наряду с борьбой противоречивых сторон или даже взамен ее — их единство. Если иметь в виду формы и пути разрешения противоречий социализма, то, по мнению В. В. Куликова, «самое главное в движении имманентных социализму противоречий состоит в конечном счете в нахождении путей соединения противоположных сторон» [39]. В. В. Куликов, желая, по-видимому, с самого начала предложить решение данной проблемы, все же склоняется к мысли, что имманентные неантагонистическим системам противоречия однонаправленны, их единство не ослабляется, а укрепляется [40], хотя и не приводит к непосредственному тождеству (единству) противоположных сторон. Но когда последние однонаправленны и их единство укрепляется, то борьба соответствующих сторон противоречия должна ослабляться, т. е. отношение этих сторон как однонаправленных не будет предполагать их борьбу в качестве первоисточника развития. Им становится однонаправленность, т. е. тождество противоположных сторон.

Почему же столь трудным оказывается вопрос о первенстве «борьбы» противоположностей перед их «единством» применительно к нашему обществу? Одна из причин заключается, на наш взгляд, в особенностях современного советского общества, в котором отсутствуют классовые антагонизмы, укрепляется морально-политическое единство классов и социальных групп. Эти процессы в обыденном сознании могут восприниматься как отсутствие борьбы между сторонами противоречия, замена ее их единством, однонаправленностью, тождественностью. Этому способствует представление некоторых людей о существующей действительности как разумной, не требующей преобразования. Нужно иметь в виду и гносеологические (теоретико-познавательные) причины, в частности преувеличение, превращение в абсолют од-

ного из моментов (борьбы или единства) взаимодействия сторон противоречия, отрицание связи единства и борьбы как сосуществующих в одной и той же сущности, в одном и том же противоречии сторон.

Если, например, подойти к товарно-денежным отношениям (в условиях социализма) с позиций Прудона, то, признав в них положительные и отрицательные моменты, можно свести решение проблемы к тому, чтобы положительные сохранить и поставить на службу социализму, а отрицательные — удалить. При социализме в этом случае должна быть, согласно Прудону, сохранена положительная сторона товарного производства и устранена его «дурная» сторона [41]. Точно так же Дюринг хотел перенести в свой «социалитет» товарное производство, но без его отрицательных сторон [42]. На современном языке такие утверждения означали бы способность социализма настолько изменить содержание товарного производства, что его отрицательные моменты или оказались бы погашенными, или действовали бы в том же направлении, что и положительные моменты.

С гносеологической точки зрения в основе такого решения проблемы лежит *отрицание единства* противоречивых сторон явления: явление уже не будет полагать себя и противопоставлять себя самому себе, т. е. предполагать отрицание самого себя посредством одной из своих сторон. Сосуществование двух взаимопротиворечащих сторон, их борьба и их слияние не будут составлять сущность диалектического движения. «Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению» [43]. Такого движения не будет и в том случае, если стороны противоречия признать однонаправленными, поскольку с ликвидацией отрицательной стороны исчезнет само противоречие.

Нельзя, следовательно, думать, что при использовании стоимостного механизма хозяйствования из него извлекается только позитивное, а все негативное устраняется. В то же время нужно видеть и положительные стороны этого явления, например роль товарно-денежных отношений, которую они играют в практике планового руководства экономикой [44]. Противоположности оказываются взаимосвязанными, взаимополагающими и в этом смысле — едиными. Отрицание момента единства ведет к искажению сущности самого отношения противоречия. Та же гносеологическая причина — односто-

ронность и прямолинейность, отрыв одного момента от другого — проявляется не только при отрицании, но и при *абсолютизации единства* противоположностей, особенно когда защищается существующая действительность в ее неизменном виде. В этом отношении важное значение имеет критическое замечание К. Маркса в адрес Джемса Милля: там, где экономическое отношение и выражающие его категории заключают в себе противоположности, являются противоречием, Милль подчеркивает лишь момент единства противоположностей и отрицает сами противоположности [45].

Абсолютизация единства противоположностей имеет место и при характеристике особенностей противоречий при социализме. Планомерность и рынок, непосредственно общественные и товарные отношения, потребительная и меновая стоимость и т. п. нередко представляются лишь как явления, мирно уживающиеся друг с другом и помогающие друг другу. Можно утверждать, что они представляют собой диалектическое противоречие, диалектическое единство противоположностей, но в то же время «забывать», что они противоположны и едины как взаимоисключающие противоположности, т. е. что на деле они даны сначала как противоположности, что противоречие не бывает без того, чтобы *одно не противоречило другому*. Когда не учитывается это обстоятельство, неизбежно допускается односторонность. Дело иногда доходит до отождествления противоположностей, например, старого и нового: негативные последствия товарно-денежных механизмов (погоня за валом, затратный метод, колебания и диспропорции между спросом и предложением, безразличие стоимости к потребительной стоимости, повышение цен предприятием на свою продукцию и т. п.) переносятся на общекоммунистические начала социалистических производственных отношений.

В вопросе о взаимодействии сторон противоречия диалектический подход требует признания их единства и борьбы в качестве необходимых моментов. Отрицание одного из них в пользу другого неизбежно ведет к нарушению требований диалектического метода в исследовании противоречий социалистического общества. Ограниченность здравого смысла здесь «сказывается в том, что там, где ему удается заметить *различие,* он не видит *единства,* а там, где он видит *единство,* он не замечает *различия*» [46]. Эти противоположные позиции нередко сходятся. Например, отрицание единства положи-

тельного и негативного моментов в товарно-денежном механизме сопровождается подчеркиванием его единства с непосредственно общественными формами ведения хозяйства.

Диалектический подход к вопросу о взаимодействии сторон противоречия не сводится к признанию равнозначности единства и борьбы по формуле «не только единство, но одновременно и борьба противоположностей». Надо еще выявить главный момент, который делает противоречие источником развития, т. е. признать, что единство (тождество, совпадение, равнонаправленность) противоположностей временно, условно, преходяще, а их борьба — «абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [47].

От решения этого вопроса во многом зависит преодоление трудностей при анализе противоречий социалистического общества: важно правильно представить взаимодействие не только конкретных сторон противоречия, но и самих моментов борьбы и единства. Здесь происходит удвоение терминов, что затрудняет понимание: подобно отрицанию отрицания, приходится говорить о единстве тождества и борьбы противоположностей и об их взаимоисключении (борьбе). Для познания противоречия обычно обращаются к его всеобщей форме — к противоречию тождества и различия, в котором тождество (единство) и различие (борьба, раздвоение) сами выступают сторонами противоречия; эти стороны в свою очередь характеризуются отношениями единства и взаимоисключения, т. е. речь идет не просто о взаимодействии конкретных противоречивых сторон данного явления, а о взаимосвязи самих моментов единства и борьбы, об их взаимополагании и взаимоотрицании.

Приверженность к единству двух крайностей (противоположностей) — тождества и различия — сопровождается искажениями диалектической сути противоречий. Иногда в литературе товарно-денежные механизмы (одна сторона противоречия) представляются не как противоположные общекоммунистическому началу (другая сторона противоречия), а как форма существования самой общекоммунистической сущности. Тогда на первый план выходит сущностное единство этих сторон противоречия и не подчеркиваются общекоммунистические начала социализма. «Само противопоставление... взаимоисключающих характеристик, — пишет, например,

А. С. Ципко,— имеет смысл только тогда, когда есть нечто независимое, по крайней мере относительно устойчивое по отношению к процессу столкновения противоположностей... В рамках анализа противоречий общественного развития такого рода универсальной и независимой от времени объективной ценностью должна быть, как представляется, социальная жизнь»[48]. (У Гегеля таким «третьим» была абсолютная идея.) Во имя этого «третьего» — наличия социальной жизни — автор предлагает воссоединять различные по своему историческому происхождению социально-экономические механизмы, причем на первое место он ставит их единство, не подчеркивая необходимость отрицания старых форм новыми. Для него абсолютно их единство, а «противопоставление абстрактной чистоты нового всему старому имеет относительный характер»[49].

В действительности общекоммунистические начала и существующие товарно-денежные формы выражают две противоположные сущности, две действительные крайности, сосуществование которых временно, а исключение одного другим — абсолютно, т. е. одна противоположность — общекоммунистические начала — в итоге побеждает. «Действительные крайности не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга»[50]. Из двух рассмотренных противоположностей свойство быть крайностью (противоположностью) заключается в сущности одной из них (в общекоммунистических началах), другая же в условиях коммунистического способа производства не является ведущей и не имеет будущего. Поэтому одна из противоположностей берет верх над другой, действительного дуализма одной и той же сущности не бывает[51].

Исходя из сказанного, развитие способа производства можно представить, с нашей точки зрения, так: коммунистическое начало берет верх над отрицаемой стороной, которая необходимо преодолевается на высшей фазе коммунистической формации. Названное противоречие и будет, как считает М. В. Попов, основным противоречием социалистической стадии формации, по результатам разрешения которого можно и нужно судить о развитости и совершенстве социализма[52].

Противоположности сущностей нельзя смешивать с различиями (противоположностями) в рамках одной и той же сущности. Например, централизм как директивное планирование и демократизм, предполагающий самостоятельность трудовых коллективов, являются сторонами одной и той же сущности — принципа демократического централизма. Противостоящим централизму принципом, противоположной сущностью было бы отрицание планирования народного хозяйства — рыночный механизм. В первом случае речь идет о различных сторонах одной и той же сущности, во втором — о различиях между двумя сущностями. Даже тогда, когда централизм в планировании вступает в противоречие с самостоятельностью предприятия, то это противоречие в рамках одной сущности, здесь не возникает дуализма сущности.

Отрицание наличия противоположных сущностей, неизбежности победы одной из них ведет к ошибочному толкованию действия закона единства и борьбы противоположностей. Во-первых, наличие противоположных сущностей представляется якобы вредным для народного хозяйства, а их борьба — нежелательной. Взаимодействие их трактуется аналогично взаимодействию, например, материального и духовного труда, централизма и самостоятельности и т. д., т. е. как различия сторон одной сущности, хотя на деле это не так. Во-вторых, противоположность, подлежащая отрицанию прогрессивной стороной противоречия, изображается необходимой, поскольку обе стороны противоречия якобы так же сосуществуют, как северный и южный полюсы у магнита. В-третьих, негативная сторона противоречия сущностей отождествляется с самим противоречием, а последнее характеризуется как нежелательное, вызывающее якобы замедление темпов социально-экономического развития. В этой связи в нашей общественной науке справедливо критикуется распространенное положение о том, будто по мере развития социализма происходит все большее сглаживание противоречий. Они, так сказать, изживают себя, «борьба» противоположностей становится все более относительной, а их единство — все более абсолютным, так что в перспективе произойдет полное преодоление противоречий, примирение, гармонизация их противоположных сторон [53].

Не всегда в литературе признается, например, противоречие следующих положений: а) генеральным направ-

лением совершенствования современного хозяйственного механизма является нахождение путей все более органического сочетания общекоммунистических начал и товарно-денежных форм, поскольку они составляют противоположные стороны одной и той же сущности, а не двух сущностей; б) наоборот, главным выступает нахождение путей все более основательного освобождения непосредственно общественных отношений от товарно-денежных форм и переход к общекоммунистическим началам, поскольку эти противоположности не являются сторонами одной и той же сущности. К этому результату каждый раз неизбежно приводит дискуссия о противоречиях развития социалистического общества. Все другие, даже имманентные социализму, противоречия так или иначе выражают указанное противоречие.

В материалах XXVII съезда КПСС, научно-практических конференций и совещаний, проведенных ЦК КПСС, прежде всего подчеркивается закономерность противоречий, в том числе и в развитии общественных наук. Так, были подвергнуты критике как отрицание роли товарно-денежных отношений при социализме, ее недооценка, так и попытки ее преувеличения. Товарно-денежные отношения, как и любое общественное явление, заключают единство противоречивых сторон, и устранение одной из них было бы равносильно отрицанию данного явления. Использование товарно-денежных механизмов на социалистической основе приведет в перспективе к их преодолению и полному утверждению непосредственно общественного характера труда и производства.

Однако на современной стадии развития социалистического общества товарно-денежные механизмы не только функционируют, но и необходимы для ускорения его экономического и социального развития. Их существование обусловлено внутренними и внешними причинами. Социалистические страны все более включаются в международное разделение труда и активно выступают на мировом рынке.

Общекоммунистическим началам также присущи противоречивые стороны, одна из которых отрицает другую. «Всякое развитие,— согласно К. Марксу,— независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой» [54]. Слияние (синтез) двух противоположностей и возникновение

нового явления не означают, что это новое представляет собой их соединение. Мы не можем согласиться с утверждением, что особенность движения имманентных социализму противоречий состоит только в слиянии противоположных сторон. Если противоположные стороны существуют в единстве, то явление будет находиться в одном и том же состоянии. И наоборот, если они вступают в противоречие, то явление преодолевает старое состояние и переходит в новое. Очевидно, что и при социализме действует диалектический принцип перехода к новому, утверждения позитивной стороны противоречия.

Что касается негативных тенденций в общественном развитии, выраженных одной из противоположностей, то их нельзя отождествлять с самим противоречием, особенно неправильно приписывать их положительной стороне, в данном случае — общекоммунистическим началам. Например, отрицательные последствия затратного подхода в экономике не имманентны социализму. Пресловутый «вал» в его стоимостном выражении — это необходимый результат действия закона стоимости, а вовсе не творение планирующих органов. Лишние рабочие места — не ошибка Госплана, а следствие ориентации производства на увеличение валовой стоимости. Точно так же падение темпов роста объемов (стоимостных) производства вызвано не действием основного экономического закона социализма, а скорее недостаточно полным его использованием. Поэтому необходимо, чтобы во всех областях общественной жизни было больше социализма.

3. РАЗВИТАЯ ЛИЧНОСТЬ — ГЛАВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО И ОБОБЩАЮЩИЙ РЕЗУЛЬТАТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Воспроизводство отношения по поводу производства самого человека делает последнего конечным пунктом общественного производства. Классики марксизма-ленинизма, определяя основные результаты развития коммунистической общественно-экономической формации, прямо и недвусмысленно указывали на человека как на высшую социальную ценность. Еще в ранних произведениях К. Маркс писал, что в будущем обществе на место экономического, стоимостного, политэкономиче-

ского богатства и политико-экономической нищеты приходит богатый человек и богатая человеческая потребность [55].

О богатстве общества К. Маркс писал и в «Капитале». Имея в виду коммунистическое общество, он полагал, что его богатством будет универсальность потребностей, способностей человека, средств потребления и производительных сил [56]. Выдвижение на первый план социальной (а не вещественной) формы богатства — самого человека не означает отрицания значения вещественного богатства. Последнее в виде возможностей самого труда или предметов, служащих для удовлетворения естественных или других потребностей, представляется общим для всех формаций.

В учении о богатстве общества К. Маркс поддержал противников буржуазных политэкономов — Т. Годскина и других представителей политической экономии труда. Они выступали против буржуазных экономистов как Пиндаров капитала, выдвигающих на первый план предметные элементы производства и богатства, полагая, что вещественное богатство, восхваляемое капиталистическим воззрением, является лишь быстро исчезающим моментом совокупного производства. Для них объективный мир, мир материальных благ, отступает на задний план как всего лишь исчезающее и вновь возникающее проявление деятельности общественно производящих людей, а истинным богатством является человек [57].

К. Маркс, указывая на некоторую недооценку Годскиным значения прошлого труда, выразил согласие с его оценкой роли человека, особенно применительно к будущему обществу. В понимании К. Маркса развитие человека с точки зрения непосредственного процесса производства «можно рассматривать как производство *основного капитала,* причем этим основным капиталом является сам человек» [58] и соответственно богатством — развитая производительная сила всех индивидов. Тем самым снимается первенство и самостоятельность вещественной формы богатства по отношению к человеку. Его труд как источник богатства выступает одновременно как всеобщая возможность богатства. Все то, что не является результатом человеческой деятельности, есть природа и в качестве таковой не есть социальное богатство.

По К. Марксу, человек как главное социальное бо-

гатство выступает необходимым результатом воспроизводства в условиях коммунистической общественно-экономической формации. С этой точки зрения развитие общественных отношений по поводу места и роли самого человека предстает как смена следующих основных исторических форм и ступеней: первая ступень — отношения личной зависимости; вторая ступень — личная независимость, основанная на вещной зависимости; третья ступень — свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и превращении их коллективной, общественной производительности в общественное достояние[59].

Задача общественной науки социалистического общества на современном этапе — представить человека основной формой богатства общества, обобщающим результатом всего общественного воспроизводства. Нельзя сказать, что такую необходимость обществоведы не признают или отрицают. Например, М. С. Кукушкин в свое время писал, что «трудящийся человек является главным богатством нового общества... В общественном содержании и форме человеческой личности как в клеточке заключено и существо социализма, и все основные тенденции развития социализма в коммунизм»[60]. Чтобы это осуществилось, необходимо перестроить теорию воспроизводства, т. е. преобразовать ее таким образом, чтобы в системе воспроизводства фигурировал человек в качестве его начала и результата. Пока же предусматривается лишь «складируемое» богатство.

Национальное богатство социалистического общества, сказано в коллективном труде по воспроизводству, охватывает все материальные, предметно воплощенные средства производства, предметы потребления и средства удовлетворения нехозяйственных нужд, имеющихся в наличии на определенную дату, как искусственного, так и природного происхождения, поскольку их наличие и объем существенно влияют на условия и издержки производства и полноценного потребления[61]. Отнесение людей к богатству общества уничтожает грани между предметами, входящими в производство и потребление, и обществом, деятельность членов которого лишь сообщает этим предметам значение богатства. Однако сами люди при этом подходе таковыми не являются. Стоимостное определение богатства тоже не позволяет выйти на человека, поскольку при социализме рабочая сила не обладает стоимостью. Не годятся для условий

социализма и концепции, объясняющие развитие рабочей силы вложениями в «человеческий капитал», которые приносят такой же доход рабочему, какой имеет капиталист от вложений в вещный капитал.

Таким образом, научное понимание воспроизводства человека как истинного богатства общества невозможно без соответствующей теории, учитывающей природу данного вида богатства. Если его стоимостная форма объясняется трудовой теорией стоимости, то, когда речь идет о человеке, его воспроизводстве, такая теория «не работает». Приходится обращаться к новой общей теоретической базе, каковой, как представляется, должна служить *трудовая теория потребительной стоимости.*

Оперируя категорией потребительной стомости в рамках трудовой теории, К. Маркс утверждал, что потребительная стоимость рабочей силы, ее действительное потребление есть сам труд[62]. Специфическую потребительную стоимость для капитала образует, однако, не определенный полезный характер труда и не особые полезные свойства его продукта. Потребительная стоимость труда связана с созданием им меновой стоимости, причем дело не в том, что этот труд представляет определенное количество всеобщего труда, а в том, что он «представляет *большее* количество абстрактного труда, чем то, которое *содержится* в цене труда, т. е. в *стоимости рабочей силы*»[63]. Это замечание К. Маркса имеет важное методологическое значение для трудовой теории потребительной стоимости. Потребительную стоимость рабочей силы Маркс понимает как общественную форму, а не как способность производить полезные вещи и представлять определенное количество труда. Она выступает общественным отношением, влияющим на движение труда, изменение его структуры и пропорций.

Трудовая теория потребительной стоимости нуждается в дальнейшей разработке, особенно при ее использовании для объяснения процесса воспроизводства человека. Необходимо, как нам представляется, прежде всего общий закон движения потребительной стоимости представить законом всего процесса воспроизводства. Попытки такого рода в современной литературе предпринимались, но они не сопровождались разработкой теории воспроизводства на этом общем основании.

Практика социалистического хозяйствования все бо-

лее нуждается в опоре на закон потребительной стоимости как на общий и самый простой принцип функционирования производства, направленного на создание потребительной стоимости и непосредственное удовлетворение человеческих потребностей. Этот принцип вошел в Программу КПСС в виде конкретного требования удовлетворять наиболее полно потребности общества при наименьших затратах. «Вся система управления,— сказано в Программе,— должна быть нацелена на увеличение вклада каждого звена народного хозяйства в достижение высшей цели — наиболее полное удовлетворение потребностей общества. Всемерное наращивание этого вклада при наименьших затратах всех видов ресурсов — непреложный закон социалистического хозяйствования, основной критерий оценки деятельности отраслей, объединений и предприятий, всех производственных ячеек» [64].

Потребительная стоимость здесь присутствует в качестве результата, ибо именно она, а не стоимость удовлетворяет реальные потребности. Затраты на ее производство представлены в той же плоскости, т. е. с учетом экономии труда, ибо из сэкономленного труда стоимости не получить, она возникает из примененного труда. Этим, конечно, не отрицается необходимость использования хозрасчетного принципа, его дальнейшего развития и повышения его действенности. Роль *непреложного* закона, *основного* критерия оценки хозяйственной деятельности в Программе отводится потребительностоимостному принципу, сформулированному с учетом требований основного экономического закона социализма. Это предполагает более высокий уровень развития потребительностоимостного отношения: не только подчеркивается необходимость трудовых затрат для удовлетворения потребностей, но и указывается на важность их экономии.

На базе трудовой теории потребительной стоимости возможно создание хозяйственного механизма реального ускорения социально-экономического развития общества, целью которого является лучшее удовлетворение потребностей трудящихся. Практическая реализация этой цели зависит прежде всего от того, насколько вся система плановых и оценочных показателей, экономических рычагов сможет обеспечить господствующую роль потребительной стоимости [65]. Их направленность на создание более высокой потребительной стоимости

предполагает постоянно растущее замещение живого труда, создание основы для увеличения свободного времени общества и человека. В этой области имеются безграничные возможности для ускорения и развития. Исследование такого рода процессов с точки зрения воспроизводства главного социального богатства — человека является серьезной научной задачей, не получившей еще своего решения. Разработка такой теории способствовала бы преодолению ряда серьезных противоречий, существующих как в политэкономической науке, так и в практике.

В последнее время все настойчивее выдвигается вопрос о возможности и необходимости существенного продвижения к достижению полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества [66]. В качестве плановых задач предусматривается усиление направленности экономики на создание лучших условий для гармоничного развития личности. В ближайшее пятнадцатилетие намечается удвоить объем ресурсов, направляемых на удовлетворение возрастающих потребностей народа [67]. На основе затратного механизма рабочий не может получить больше, чем стоимость его жизненных средств, составляющая эквивалент его необходимого продукта. Не может он получить дополнительные условия для развития и повышения благосостояния и за счет неэквивалентного обмена. На первой фазе коммунистического общества, когда сохраняется обмен товарными эквивалентами (известное количество труда в одной форме обменивается на то же количество труда в другой), равенство в развитии членов общества может достигаться лишь при условии превращения все большей массы трудоспособного населения в непосредственных производителей. Поэтому приоритет социальных целей и результатов экономического развития, составляющий важнейшее преимущество социализма, может быть реализован лишь как приоритет социального развития рабочих и крестьян. В этом случае индивидуальное развитие каждого из них становится условием развития всех членов общества, т. е. развитие рабочих и крестьян выступает гарантом воспроизводства развитого общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе предпринята попытка представить человека конечным результатом производства, понимаемого не только как производство вещей. Для решения проблемы воспроизводства общества и человека использовано известное понимание способа производства, его трактовка как социально-экономического способа соединения человека со средствами труда.

Рассмотрение социалистического воспроизводства не ограничилось его первым результатом (общественным продуктом), как это обычно делается. Оно продолжено до момента, когда результатом выступают сами общественные отношения и их носители — люди. Если анализ процесса труда еще не выявляет значимость продукта, то воспроизводственный подход позволяет увидеть постоянно повторяющиеся формы и уровни, которые проходит продукт в процессе производства. В этом состоит особенность воспроизводственного подхода к анализу развития общества и человека. Он дает возможность не ограничиваться изучением простых элементов процесса труда (предмет, орудия, сам труд), а включить в процесс объяснения движения общества социальные результаты производства: сначала человека в его жизненном бытии, затем общественное отношение по воспроизводству развитой личности и, наконец, само общество в его подчинении производству и воспроизводству собственного сущностного отношения. Это отношение рассматривается в общей форме, а такие вопросы, как, например, особенности потребления классов и различных социальных групп советского общества, своеобразие условий развития личности в них и другие формы проявления и дополнения общего «каркаса» воспроизводства человека и общества, ждут своего серьезного исследования.

Не затрагиваются в работе и многие другие проблемы, скажем обращение богатства социалистического общества. Пока в литературе процесс обращения при социализме сводится к обращению товаров и денег,

хотя и отмечается, что оно принципиально отличается от обращения капитала, которое подчинено реализации стоимости и прибавочной стоимости. Очевидно, что оборот и кругооборот потребительностоимостного богатства происходит по-иному. Индивидуальное (личностное) потребление, выпадающее из обращения капитала, при социализме становится стержнем всего процесса обращения, ибо без потребления и реализации человеческих потребностей теряет смысл само производство. Первой предпосылкой самоформирования общества после того, как произведен продукт, выступает удовлетворение потребностей. Определение величины и объема всей потребительной способности общества, соизмерение ее с его производительной способностью выдвигаются в качестве первоочередной задачи дальнейшего исследования воспроизводства человека и общества. Но ее решение возможно лишь на базе трудовой теории потребительной стоимости.

В работе мы ограничились рассмотрением индивидуального потребления как момента непосредственного процесса общественного производства. Но этим его функции в воспроизводственном процессе не исчерпываются. Фонд потребления, созданный в материальном производстве, должен быть распределен между классами и социальными группами, поскольку лишь после этого он реализуется в форме благосостояния и развития людей. Предстоит выявить потребительностоимостные критерии распределения жизненных благ и условий развития личности. В общую систему воспроизводства общества необходимо включить движение государственной и политической организации, духовной жизни и других сфер, с тем чтобы показать конкретные процессы воспроизводства. Эти процессы воздействуют на общество как на конечный результат всего общественного воспроизводства, которое подчинено расширенному воспроизводству отношений между людьми по поводу их всестороннего развития. В этом заключена, на наш взгляд, суть коммунистической общественно-экономической формации.

Признание человека основным богатством общества и обобщающим результатом социалистического воспроизводства позволяет решать ряд возникших теоретических и практических проблем современной жизни. Речь идет прежде всего о том, чтобы на практике больше внимания уделять социальным процессам, поднять их на уровень

экономических проблем. Чтобы придать должное значение социальной стороне производства, социальным вопросам деятельности производственных коллективов, представляется необходимой существенная перестройка структуры и механизмов индивидуального воспроизводства на предприятиях. Важно потребительный фонд и удовлетворение потребностей трудящихся взять за исходную предпосылку и результат деятельности коллектива предприятия, его воспроизводственного цикла и, следовательно, преодолеть то существующее положение, когда фонд заработной платы не входит в доход предприятия, а относится к издержкам производства, себестоимости товара.

В стране не осуществляется анализ социальной деятельности коллективов, социальных результатов производства, в то время как он чрезвычайно важен в новых условиях, создаваемых вступлением в силу Закона СССР о государственном предприятии (объединении). Согласно этому Закону, предприятию принадлежит главная роль не только в развитии экономического потенциала страны, но и в достижении цели общественного производства при социализме — наиболее полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей трудящихся. Законом предусмотрены меры по превращению коллективов предприятий в подлинных хозяев производства, использующих общенародную собственность в интересах общества, коллектива и каждого работника. Для осуществления главной задачи — всемерного удовлетворения общественных потребностей — предприятие должно обеспечить социальное развитие коллектива, формирование современной материальной базы социальной сферы, создание благоприятных условий для высокопроизводительного труда, последовательное осуществление принципа распределения по труду, социальной справедливости, охрану и улучшение окружающей человека природной среды. Социальное развитие становится важнейшим направлением деятельности коллектива. Проведение активной социальной политики определяется как мощное средство повышения эффективности производства, подъема трудовой и общественно-политической активности работников, воспитания у них коллективизма, утверждения социалистического образа жизни. Возможности и степень удовлетворения потребностей коллектива в социальных благах определяются Законом в качестве

конечных результатов работы предприятия, обеспечиваемых его доходом [1].

В соответствии с этим первостепенное значение придается активизации человеческого фактора, улучшению условий труда, усилению его творческого содержания, постепенному превращению труда в первую жизненную потребность. Для этого коллектив предприятия должен добиваться резкого уменьшения, а в перспективе — ликвидации тяжелого физического, монотонного и малоквалифицированного труда, применять безопасные для работающих и населения технологические процессы, широко внедрять автоматизацию и механизацию производства, оказывать всестороннее содействие молодежи в повышении профессиональной подготовки, общеобразовательного и культурного уровня. На предприятие возлагается обязанность создавать работникам благоприятные условия непосредственно на производстве, в частности улучшать общественное питание и медицинское обслуживание, способствовать рациональному использованию свободного времени работников [2].

Социальный анализ призван выявить достигнутый уровень социального развития и социальной ситуации в трудовом коллективе, реализацию принципов социальной справедливости, насущные социальные потребности, проблемы и наличие социальных ресурсов для их решения, факторы ускорения социального развития трудовых коллективов и пути их использования, особенно в целях активизации человеческого фактора, социальную направленность и эффективность внедряемой новой техники и технологии, новых экономических и организационных форм деятельности. Социальный анализ является средством планирования социального развития коллектива предприятия (объединения), оценки выполнения социальных задач пятилетних и годовых планов, социальных программ. Он служит обоснованием этих планов, а также коллективных договоров с администрацией. Представляется весьма целесообразной разработка соответствующих методик и пособий, чтобы такой анализ был внедрен в практику.

Социальный анализ выступает продолжением экономического анализа и опирается на него, должен переводить экономические показатели и нормативы на язык социальных результатов и показателей. В экономическом анализе человек предстает как фактор производства, производительная сила, т. е. как затрачи-

вающий свой труд. В социальном анализе человек выступает результатом производства, т. е. цель социалистического производства реализуется в виде достигнутого человеком благосостояния и развития его как личности. Такой анализ опирается главным образом на материалы статистических отчетов, непосредственные данные жизни трудовых коллективов и этим отличается от методов социологических опросов, анкетирования, экспертных оценок, хотя последние могут использоваться в качестве его инструмента.

В методологическом отношении речь идет об оценке деятельности предприятия с точки зрения реализации требования основного социального и экономического закона социализма — лучшего удовлетворения потребностей рабочих и развития их личности. Во главу угла ставится изучение динамики доходов трудящихся, их места в системе результатов (конечных) производственной деятельности, жизненных средств (заработной платы), получаемых рабочими, не как издержек производства, а как главного дохода коллектива предприятия. Важно знать, в какой мере произведенный материальный продукт выступает средством улучшения жизненного положения трудящихся предприятия, а не наоборот, когда рабочий и его жизненные средства служат предпосылкой для производства продукта.

Социальный анализ позволяет установить, какую часть дохода член коллектива получает на основе своего личного трудового вклада (по принципу распределения по труду), выступающую реализацией общественной собственности посредством личного труда, и какую часть дохода он получает (в результате перераспределения прибавочного продукта) как собственник коллективных общественных фондов потребления, в производстве которых он принимал участие. Так осуществляется принцип социальной справедливости на данном предприятии, определяются доли доходов различных социальных групп предприятия, их источники. Для этого рассчитываются норма свободного времени на данном предприятии, норма прибавочного продукта, норма и масса прибыли и конкретные механизмы ее перераспределения по соответствующим критериям. На этой основе выявляются степень материальной заинтересованности трудящихся и ее влияние на активизацию трудовой деятельности. При этом учитываются итоги функционирования предприятия как коллективного то-

варопроизводителя, его самостоятельность и относительное экономическое обособление в качестве коллективного владельца определенной части прибыли предприятия.

Необходимо иметь в виду и затраты труда, социальные условия деятельности рабочего как производительной силы, как затрачивающего свой труд работника. Здесь нужно оценивать с социальной точки зрения продолжительность и структуру рабочего дня, условия труда, норму труда и их соответствие социальным требованиям, приспособленность техники и технологии к потребностям социального развития и социального здоровья работника. Важным моментом является анализ социальных последствий научно-технического прогресса с позиции потребительной стоимости и стоимости материальных факторов производства: техники, предметов труда, природной среды. Социальные результаты и экономические затраты, их взаимодействие могут оцениваться в категориях не только экономической, но и социальной эффективности. В этом отношении значительную социальную нагрузку должен нести принцип хозяйственной и социальной деятельности — наиболее полное удовлетворение потребностей трудящихся при наименьших затратах всех видов ресурсов.

Воспроизводственный подход к анализу развития общества может быть использован как теоретическая основа его прогнозирования, а также для разработки соответствующих долгосрочных социальных программ. Эта задача из теоретической ныне превращается в практическую. Постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 17 июля 1987 г. предусмотрена (впервые) разработка Комплексной программы социального развития и повышения народного благосостояния на 15 лет, которая выводит социальную проблематику из подчинения программам научно-технического прогресса и ставит ее как самостоятельную.

Обращение к законам воспроизводства общества позволит повысить научную обоснованность разрабатываемых социальных программ и их роль в формировании перспективных и пятилетних планов экономического и социального развития, поднять уровень всей работы по прогнозированию и планированию социального развития, по повышению народного благосостояния. В свою очередь реализация активной социальной политики требует обязательного постоянного учета изменений потребностей

классов и социальных групп нашего общества, уровня социального развития различных общественных групп и регионов страны.

Воспроизводственные пропорции развития экономической и социальной сфер, в частности пропорции рабочего и свободного времени, могут служить надежным основанием для внедрения системы социальных нормативов и показателей в практику планирования социального развития. Эти нормативы и показатели должны стать обязательными инструментами социального прогнозирования и планирования, использоваться в качестве критериев оценки достигнутого уровня развития всей социальной сферы, оценки конечных результатов научно-технического прогресса, строительства новых предприятий, осуществления мероприятий по охране окружающей среды.

Еще раз отметим, что в предлагаемой книге вопросы воспроизводства человека и общества рассматриваются в их, так сказать, чистом виде. Анализ конкретных аспектов проблемы не входил в задачу данной работы. Они представлены в прикладных исследованиях. Так, например, на основе принципов трудовой теории потребительной стоимости разрабатываются методика оценки экономической эффективности новой техники, методика определения социальной эффективности научно-технического прогресса, методика и основные положения социального анализа деятельности трудового коллектива[3]. Очевидно, что эти и другие нужные прикладные разработки должны исходить из соответствующей теории, из необходимости ее дальнейшего развития на основе широкого обсуждения новых проблем.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

К введению (с. 3—32)

[1] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 139—140.

[2] См. там же. С. 140.

[3] См.: *Ирибаджаков Н.* Современные критики марксизма. М., 1962. С. 408, 428—429.

[4] См. критику этой точки зрения в работе: *Караваев Г. Г., Караваев Г. А., Шляхтенко Г. П.* Понятие общественного бытия. Л., 1984. С. 13—14.

[5] См.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М., 1981. С. 61.

[6] См.: *Голенкова З. Т.* Очерк истории социологической мысли в Югославии. М., 1984. С. 74—75.

[7] *Нарский И. С.* «Онтология общественного бытия» Д. Лукача и «двойная» онтология Гегеля//Философские науки. 1985. № 3. С. 130.

[8] См.: *Хофман Дж.* Марксизм и теория «праксиса». М., 1978. С. 25.

[9] См.: Философские науки. 1985. № 3. С. 160.

[10] См.: *Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф.* О некоторых методологических проблемах исторического материализма//Вопросы философии. 1984. № 6. С. 16.

[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 140.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 300.

[13] Там же. Т. 13. С. 5.

[14] См. там же. Т. 49. С. 119.

[15] *Андропов Ю. В.* Избр. речи и статьи. М., 1983. С. 248.

[16] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 11.

[17] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 6.

[18] Там же. Т. 23. С. 81.

[19] См. там же. Т. 49. С. 180—181.

[20] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 265.

[21] Там же. Т. 6. С. 442.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 30.

[23] Там же. Т. 55. С. 166.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 230.

[25] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 45.

[26] Там же. Т. 13. С. 5.

[27] См. там же. С. 498.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 200 (примеч.).

[29] См.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 188—202.

[30] Там же. С. 190.

[31] Там же. С. 188—189.

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 428.

[33] См.: Американская социология... С. 82.

[34] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 428—429.

[35] Там же. С. 134.

[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 534.

[37] См. там же. Т. 23. С. 583.

[38] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 516.

[39] См.: *Абдильдин Ж. М., Насынбаев А. Н.* Диалектико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973. С. 41—178.

[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 224.

[41] См.: *Макаров М. Г.* Структурализм и диалектика//Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1976.

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 41.

[43] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 229.

[44] См.: *Куликов В. В.* Общекоммунистические начала социализма и экономическая стратегия партии//Коммунист. 1985. № 18. С. 21.

[45] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 85.

[46] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 483.

[47] Там же. С. 476.

[48] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 272.

К главе I (с. 33—56)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 43.

[2] Там же. С. 207.

[3] Там же. С. 21.

[4] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 50.

[5] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 43.

[6] Там же. Т. 3. С. 18.

[7] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 36—37.

[8] Там же. Т. 23. С. 180.

[9] Там же. Т. 13. С. 5.

[10] Там же. Т. 19. С. 376—377.

[11] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 141.

[12] Там же. Т. 27. С. 12.

[13] *Раскин В. Г.* К вопросу о детерминации деятельности личности//Диалектика соотношения факторов детерминации деятельности. Красноярск, 1980. С. 33.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 415.

[15] Там же. С. 417.

[16] Там же. С. 415—416.

[17] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 294—295.

[18] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 222, 246—247.

[19] См. там же. Т. 23. С. 227 (примеч.).

[20] Там же. С. 214.

[21] Там же. Т. 24. С. 23.

[22] См. там же. Т. 23. С. 200.

[23] См. там же. Т. 47. С. 59.

[24] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 17.

[25] См. там же. Т. 26. Ч. I. С. 283.

[26] См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. С. 18.

[27] *Lukacs J.* Geschichte und Klassenbewusstsein. Berlin, 1923. S. 32.

[28] См.: *Макаров М. Г.* Критика трактовки проблем активности субъекта ревизионизмом//Формирование активной жизненной позиции людей развитого социализма. Таллин, 1982. С. 21.

[29] См.: *Парсонс Т.* Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии//Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. I. М., 1968. С. 21—22.

[30] *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967. С. 18.

[31] *Маркарян М. С.* Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности//Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972. С. 199.

[32] См.: *Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф.* О некоторых методологических проблемах исторического материализма//Вопросы философии. 1984. № 6. С. 16.

[33] См. там же. С. 16—17.

[34] См.: *Ковальзон М. Я.* История общества и деятельность человека//Диалектика соотношения факторов детерминации деятельности. Красноярск, 1980. С. 3.

[35] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

[36] См. там же. С. 415.

[37] См. там же. С. 427.

[38] См. там же. С. 423.

[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 372.

[40] См. там же. Т. 20. С. 486.

[41] См. там же. Т. 21. С. 25.

[42] *Караваев Г. Г., Караваев Г. А., Шляхтенко Г. П.* Понятие общественного бытия. С. 65.

[43] Там же. С. 67.

[44] Там же.

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 386.

[46] См.:*Агг А.* Мир человека как субъекта производства. М., 1984. С. 19.
[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 476.
[48] См. там же. Т. 23. С. 181.
[49] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 483.
[50] См. там же. С. 485.
[51] Там же. С. 476.
[52] См. там же. Т. 47. С. 158.
[53] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 483.
[54] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 516.
[55] См. там же. Т. 32. С. 460—461.
[56] См. там же. Т. 20. С. 206.

К главе II (с. 57—80)

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 160.
[2] *Гегель Г. В. Ф.* Соч, Т. IV. М., 1959. С. 19.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 158—159.
[4] Там же. Т. 3. С. 1.
[5] Там же. Т. 47. С. 158.
[6] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 380.
[7] См. там же. Т. 46. Ч. II. С. 198.
[8] Там же. Ч. I. С. 217 (примеч.).
[9] Там же. Ч. II. С. 149.
[10] Там же. Т. 19. С. 385.
[11] Ленинский сборник XI. М.; Л., 1929. С. 388.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 166.
[13] Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 373, 411.
[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 149.
[15] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 25.
[16] Там же. Т. 47. С. 71.
[17] Там же. Т. 50. С. 103.
[18] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 27.
[19] Там же. Т. 21. С. 26.
[20] См. там же. Т. 42. С. 88, 93.
[21] См. там же. Т. 3. С. 27—28.
[22] См.: *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971; *Ковалев А. М.* Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982; *Савкин Н. С.* Образ жизни: формирование, воспроизводство и регулирование. Саратов. 1984, и др.
[23] См.: *Панов В. Г.* Что следует понимать под производством и воспроизводством непосредственной жизни общества//Философские науки. 1963. № 3. С. 51.
[24] См.: *Плетников Ю. К.* Указ. соч. С. 213; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Ч. II. М., 1983. С. 128.

[25] См.: *Савкин Н. С.* Указ. соч. С. 81.

[26] *Бородин Е. Т.* Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества//Философские науки. 1976. № 2. С. 45.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 29.

[28] Там же. С. 30.

[29] См. там же. С. 28.

[30] См.: Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики/Под ред. Н. П. Федоренко, Ю. В. Овсиенко, Н. Я. Петракова. М., 1983. С. 139.

[31] См.: *Шутов И. Н.* Личное потребление при социализме. М., 1972. С. 47.

[32] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 25.

[33] См.: *Евстигнеева Л. П.* Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975. С. 49.

[34] См. там же. С. 37, 51—52.

К главе III (с. 81—112)

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 47.

[2] См. там же. Т. 1. С. 552.

[3] Там же. Т. 32. С. 460—461.

[4] Там же. Т. 25. Ч. II. С. 186.

[5] Там же. Т. 1. С. 562.

[6] См. там же. Т. 42. С. 3.

[7] Там же. Т. 20. С. 321 (примеч.).

[8] Там же. Т. 4. С. 97.

[9] *Горланов Г. В.* О приоритете потребителя в признании потребительных свойств продукта и затрат на его производство//Вестник ЛГУ. Сер. 5. 1986. Вып. I. С. 4.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 123.

[11] Там же. Т. 37. С. 7.

[12] Там же. Т. 20. С. 321 (примеч.).

[13] Там же. Т. 32. С. 9.

[14] См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 421.

[15] См. там же. Т. 19. С. 391.

[16] См.: *Шаталин С. С.* Функционирование экономики развитого социализма. М., 1982. С. 51.

[17] См.: Введение в теорию и методологию... С. 146.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 95.

[19] См. там же. С. 97.

[20] Там же. Т. 47. С. 214.

[21] Общественная потребительная стоимость в системе производственных отношений коммунистического общества. М., 1980. С. 166.

[22] См. там же. С. 153, 155.
[23] Там же. С. 155.
[24] Там же. С. 156.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 48. С. 50.
[26] Там же. Т. 47. С. 363.
[27] Там же.
[28] См. там же. Т. 26. Ч. I. С. 198.
[29] *Медведев В. А.* О факторах социалистического производства//Вопросы экономики. 1979. № 11. С. 10.
[30] См. там же.
[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 49. С. 142.
[32] См.: *Черковец В. Н.* Социализм как экономическая система. М., 1982. С. 257.
[33] Эффективность производства и ее слагаемые. Л., 1983. С. 6.
[34] См.: *Горбачев М. С.* Настойчиво двигаться вперед. М., 1985. С. 19.
[35] См.: *Смирнов В. Т.* Общественная полезность при социализме//Политико-экономические проблемы. Минск, 1979. С. 18—19; *Родин С. Г.* Управление экономикой: Проблемы совершенствования на современном этапе. М., 1979. С. 55—56.
[36] См.: Общественная потребительная стоимость... С. 168.
[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 108.
[38] См. там же. Т. 25. Ч. I. С. 205.
[39] См. там же. Т. 20. С. 321.
[40] Там же. Т. 23. С. 195.
[41] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 30.
[42] Там же. Т. 23. С. 585.
[43] См. там же. Т. 46. Ч. II. С. 212—213.
[44] См.: Общественная потребительная стоимость... С. 153.
[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 386.
[46] Там же. Т. 47. С. 214.
[47] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 389.
[48] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 117.
[49] Материалы XXVII съезда КПСС. С. 148.
[50] См.: Экономика производственных исследований/Под ред. В. Я. Ельмеева, Э. Лангера, П. А. Родионенкова. Л., 1982. С. 85.
[51] Народное хозяйство СССР в 1985 году. М., 1986. С. 72.

К главе IV (с. 113—151)

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 46. Ч. I. С. 507.
[3] Там же. Т. 13. С. 23.
[4] Там же. Т. 4. С. 133.
[5] Там же. Т. 27. С. 408—409.

[6] См. там же. Т. 4. С. 129; Т. 46. Ч. I. С. 505.

[7] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 509.

[8] Там же. Т. 49. С. 119.

[9] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 447.

[10] См. там же. Ч. II. С. 222.

[11] См. там же. Т. 49. С. 119.

[12] См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 385.

[13] Там же. Т. 23. С. 591.

[14] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 504.

[15] Там же. Т. 49. С. 22.

[16] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 291.

[17] Вопросы экономики. 1982. № 9. С. 42.

[18] *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. II. М., 1984. С. 266—267.

[19] См.: *Кендрик Дж.* Совокупный капитал США и его формирование. М., 1978. С. 37—41.

[20] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 49. С. 40—41, 60.

[21] Там же. С. 43—44.

[22] *Ковалев А. М.* Диалектика способа производства общественной жизни. С. 66.

[23] См. там же. С. 67—68.

[24] См. там же. С. 44—45.

[25] См., например: *Савкин Н. С.* Образ жизни... С. 6.

[26] Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981. С. 71.

[27] См.: *Покрытан А. К.* Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. М., 1985. С. 88.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

[29] См. там же. Т. 1. С. 423.

[30] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 479.

[31] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 424.

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 94.

[33] Там же. С. 95.

[34] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 255—256.

[35] См. там же. С. 505.

[36] См.: *Смирнов Г. Л.* Советский человек: Формирование социалистического типа личности. М., 1973. С. 63.

[37] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 39—40.

[38] *Покрытан А. К.* Указ. соч. С. 29.

[39] См.: *Черковец В. Н.* Социализм как экономическая система. С. 92.

[40] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 19.

[41] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 43.

[42] Материалы XXVII съезда КПСС. С. 107.

[43] См.: *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 32.

[44] См. там же. С. 35.

[45] Эффективность производства и ее слагаемые. Л., 1983. С. 19.

[46] Введение в теорию и методологию... С. 140.

[47] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 48. С. 3—4.

[48] См. там же. Т. 26. Ч. III. С. 51.

[49] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 386.

[50] См. там же. Т. 26. Ч. II. С. 123.

[51] *Покрытан А. К.* Указ. соч. С. 64.

[52] Материалы XXVII съезда КПСС. С. 272.

[53] Прибыль и рентабельность в условиях хозяйственной реформы. М., 1968. С. 24.

[54] См.: О коренной перестройке управления экономикой: Сб. документов. М., 1987. С. 4.

[55] См.: *Шутов И. Н.* Личное потребление при социализме. С. 182—183.

[56] *Покрытан А. К.* Указ. соч. С. 80—81.

[57] См.: *Медведев В. А.* Актуальные методологические проблемы экономической теории социализма//Вопросы экономики. 1983. № 6. С. 6.

[58] *Черковец В. Н.* Указ. соч. С. 207.

[59] См. там же. С. 271.

[60] Введение в теорию и методологию... С. 141.

[61] См. там же. С. 141—142.

[62] *Гегель Г. В. Ф.* Соч. Т. IV. М., 1959. С. 2.

[63] См.: *Ожерельев О. И.* Основной экономический закон социализма и его использование в управлении народным хозяйством. Л., 1973. С. 113.

[64] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 448.

[65] Там же. Т. 20. С. 206.

[66] См.: Ленинский сборник XXII. М.. 1933. С. 361—365.

[67] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 97.

[68] См. там же. Т. 6. С. 232.

К главе V (с. 152—178)

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 247, 520.

[2] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 264.

[3] См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 386—387.

[4] См. там же. Т. 46. Ч. II. С. 111.

[5] См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 448.

[6] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 45.

[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 116—117.

[8] См.: Эффективность производства и ее слагаемые. С. 80.

[9] См.: *Збарский М. И.* Социально-экономические проблемы рабочего дня при социализме. М., 1978. С. 46—47.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 215.

[11] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 117.

[12] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 233.

[13] Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 476; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 426.

[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 47. С. 211—213.

[15] Там же. С. 211.

[16] См. там же. С. 256.

[17] См. там же. С. 212.

[18] См. там же. Т. 26. Ч. III. С. 265.

[19] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 215.

[20] Там же. Т. 23. С. 539.

[21] См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 387.

[22] Там же. Ч. I. С. 289.

[23] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 371.

[24] См. там же. Т. 36. С. 185.

[25] Там же. С. 141.

[26] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 205.

[27] Там же. Т. 21. С. 191.

[28] Там же. С. 192.

[29] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 204.

[30] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. II. С. 643.

[31] *Лебедев В. Г.* Материально-техническая база коммунизма: социально-экономическая модель. М., 1978. С. 139.

[32] См.: *Покрытан А. К.* Указ. соч. С. 98.

[33] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 44.

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 100.

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 404.

[36] Там же. Т. 25. Ч. I. С. 287.

[37] См.: *Медведев В.* О факторах социалистического производства//Вопросы экономики. 1979. № 11. С. 8—9.

[38] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С. 201—222.

[39] Там же. С. 213—214.

[40] Там же. С. 213.

К главе VI (с. 179—215)

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 578.

[2] *Краснокутская Е. И.* К вопросу о схеме и условиях реализации совокупного продукта в период развитого социализма// Тезисы выступлений на республиканской научно-теоретической конференции «Политико-экономические проблемы социалистического воспроизводства». Киев, 1981. С. 23.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 276.

[4] См. там же. С. 306.

[5] См. там же. С. 286, 290.

[6] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 222.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 97.

[8] См.: Эффективность производства и ее слагаемые. С. 39.

[9] Цит. по: Ленинский сборник XXXVIII. М., 1975. С. 92.

[10] См. там же. С. 91.

[11] См.: *Хачатуров Т. С.* Социалистическое расширенное воспроизводство. М., 1971. С. 3. В этой книге, к сожалению, нет раздела, посвященного воспроизводству общественных отношений.

[12] См.: *Гош А. П.* О структуре отношений социалистического воспроизводства//Тезисы выступлений на республиканской научно-технической конференции «Политико-экономические проблемы социалистического воспроизводства». С. 28—30.

[13] См.: *Ломакин В. А., Мазур В. И.* Накопление в системе производственных отношений развитого социализма//Там же. С. 67.

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 47. С. 71.

[15] *Столяров И. И.* Личное потребление и социалистическое воспроизводство. М., 1983. С. 36.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 18.

[17] *Ципко А. С.* Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983. С. 97.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 116.

[20] Там же. С. 117.

[21] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 138.

[22] См.: *Цаголов Н.* Основные черты экономики зрелого социализма и политико-экономические проблемы его изучения//Экономические науки. 1982. № 12. С. 20.

[23] *Файнбург З., Козлова Г.* Логика «Капитала» К. Маркса и логика политической экономии социализма//Экономические науки. 1981. № 8. С. 7.

[24] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 39—40.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. I. С. 483.

[26] См. там же. Ч. II. С. 447—448.

[27] Там же. Т. 23. С. 773.

[28] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 39.

[29] Там же. С. 40—41.

[30] См.: О коренной перестройке управления экономикой. С. 7, 8.

[31] *Ожерельев О. И.* Производственные отношения и управление экономикой//Правда. 1987. 10 июля. С. 2.

[32] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 35.

[33] *Андропов Ю. В.* Избр. речи и статьи. С. 237.

[34] См.: Правда. 1986. 17 июня. С. 2.

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 102.

[36] См.: *Куликов В.* Противоречия экономической системы социализма как источника ее развития//Вопросы экономики. 1986. № 1. С. 118.

[37] *Дзарасов С.* Политическая экономия и хозяйственная практика//Экономические науки. 1983. № 10. С. 7.

[38] Там же. С. 7.

[39] *Куликов В.* Противоречия экономической системы... С. 122.

[40] См. там же. С. 120.

[41] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 134.

[42] См. там же. Т. 20. С. 324.

[43] Там же. Т. 4. С. 136.

[44] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 40.

[45] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С. 86.

[46] Там же. Т. 4. С. 299.

[47] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

[48] *Ципко А. С.* Указ. соч. С. 41.

[49] См. там же. С. 97, 116.

[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 321.

[51] См. там же. С. 322.

[52] См.: *Попов М. В.* Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма. Л., 1986. С. 14.

[53] См.: *Володин А.* Философское завещание Ф. Энгельса//Правда. 1986. 4 мая.

[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 296.

[55] См. там же. Т. 42. С. 125.

[56] См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 476.

[57] См. там же. Т. 26. Ч. III. С. 276, 285.

[58] Там же. Т. 46. Ч. II. С. 217, 221.

[59] См. там же. Ч. I. С. 100—101.

[60] *Кукушкин М. С.* Народный доход: К вопросу об основном экономическом законе социализма. Л., 1965. С. 9—10.

[61] См.: Экономический строй социализма: В 3 т. Т. 2: Социалистическое расширенное воспроизводство: Закономерности, интенсификация, эффективность/Редкол.: Е. И. Капустин и др. М., 1984. С. 412.

[62] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 47. С. 38.

[63] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 409.

[64] Материалы XXVII съезда КПСС. С. 148.

[65] См.: *Ожерельев О. И.* Совершенствование производственных отношений. С. 97.

[66] См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 151.

[67] См. там же. С. 272.

К заключению (с. 216—222)

[1] См.: О коренной перестройке управления экономикой. С. 4, 30.

[2] См. там же. С. 31.

[3] См.: Основные положения и методика потребительностоимостной оценки экономической эффективности результатов научных исследований, разработок и техники//Вестник ЛГУ. Сер. Экономика. 1985. № 19.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. **Человек — предпосылка и основа общественного производства** 33

1. Человек — элементарная форма бытия общества . 35
2. Производство как производство и воспроизводство человека 48

Глава II. **Потребительное производство** 57

1. От продукта (предмета) к субъекту 59
2. Потребление и потребительная деятельность . . . 70

Глава III. **Взаимодействие производства и потребления** . 81

1. Приоритет потребления в производстве 84
2. Взаимосвязь общественной полезности продукта и трудовых затрат 90
3. Закон потребительной стоимости и воспроизводство человека 100

Глава IV. **Производство и воспроизводство общественных отношений** 113

1. Производство как производство общественных отношений 114
2. Отношение по воспроизводству всесторонне развитой личности — основное общественное отношение коммунистической формации 132
3. Закон движения основного общественного отношения социализма 140

Глава V. **Социально-экономический механизм и способы воспроизводства всесторонне развитой личности и общества** 152

1. Производство свободного времени 155
2. Экономия рабочего и увеличение свободного времени общества 161
3. Воспроизводство общества и научно-технический прогресс 171

Глава VI. **Накопление и расширенное воспроизводство основного богатства общества** 179
1. Потребление как накопление социального богатства 181
2. Расширенное воспроизводство социалистических общественных отношений 187
3. Развитая личность — главное социальное богатство и обобщающий результат формирования коммунистической общественно-экономической формации . 210
Заключение 216
Цитированная литература 223

Ельмеев В. Я.
Е56 Воспроизводство общества и человека.— М.: Мысль, 1988.— 235, [1] с.
ISBN 5-244-00010-1

В центре внимания исследования стоит человек как предпосылка и основа общественного производства, как главное социальное богатство социалистического общества. Исходя из этого, в качестве основного общественного отношения социализма рассматривается отношение по воспроизводству развитого человека. В этой связи автор останавливается на вопросах экономии рабочего и увеличении свободного времени общества, говорит о необходимости перестройки производства, хозяйственного механизма как средства развития социальных качеств человека и общества в целом.

Е $\frac{0302030000-138}{004(01)-88}$ 5-88 **ББК 66.017.88**

Монография

Василий Яковлевич Ельмеев

ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Заведующая редакцией В. Е. Викторова
Редактор М. А. Рыжова
Младший редактор М. В. Сборовская
Оформление художника А. Л. Сальникова
Художественный редактор М. А. Вакарчук
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор Г. С. Михеева

ИБ № 3386

Сдано в набор 05.02.88. Подписано в печать 13.06.88. Бумага для глубокой печати. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Литературная гарнитура. Усл. печатных листов 12,6. Усл. кр.-отт. 12,81. Учетно-издательских листов 13,53. Тираж 9000 экз. Заказ № 774. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда». 236000. Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

НОВАЯ КНИГА

В 1989 г. издательство «Мысль» выпускает в свет:

Кроник А. А., Кроник Е. А. **В главных ролях: ВЫ, МЫ, ОН, ТЫ, Я.** — 12 л. — 1 р.

Эта книга о «спутниках жизни». У каждого человека они свои, неповторимые, как неповторим его жизненный путь. Но есть в отношениях людей и общие черты. Человек в повседневной жизни вступает в сотни контактов с другими людьми, но важными, значимыми для него оказываются очень немногие. Почему один человек может в корне изменить жизнь другого, почему близкие отношения между людьми нарушаются, а порой даже утрачиваются? Можно ли воскресить разорванные узы дружбы, любви, привязанности и каким путем? Авторы стремятся ответить на эти вопросы, знакомя читателей с исследованиями, посвященными взаимоотношениям между людьми.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

Ко

1 р. 30 к.

В. Я. Ельмеев

ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

...СОВОКУПНЫЙ ПРОЦЕСС
ПРОИЗВОДСТВА
ВЫСТУПАЕТ
ТОЛЬКО КАК ПРОЦЕСС
ВОСПРОИЗВОДСТВА
САМОГО ОБЩЕСТВА
ИЛИ САМОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

К. Маркс

В.Я. Ельмеев

ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА